

ВЕСТНИК

ТВЕРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: История

№ 1 (73), 2025

Научный журнал

Основан в 2007 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-61026 от 5 марта 2015 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учрежде-
ние
высшего образования
«Тверской государственный университет»

Редакционная коллегия серии:

д-р ист. наук, проф. Т.Г. Леонтьева (*глав. редактор*);
канд. ист. наук, доц. С.В. Богданов (*отв. секретарь*);
д-р ист. наук, ст. науч. сотр. В.Б. Аксенов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф. А.В. Белова;
д-р ист. наук, глав. науч. сотр. В.П. Булдаков (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р ист. наук А.М. Ермаков (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. Н.Л. Пушкина (ИЭА РАН, г. Москва);
д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН А.В. Сиренов;
д-р ист. наук, проф. А.С. Ходнев (ЯрГПУ, г. Ярославль);
д-р ист. наук, проф. В.В. Шелохов (ИРИ РАН, г. Москва);
д-р гум. наук, проф. Е. Икэда (Токийский университет, Япония);
проф. истории Гр. Фриз (университет Брандейса, г. Уолтем, США)

Адрес редакции:

Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201
Тел.: +7(4822)34-16-85

*Все права защищены. Никакая часть этого издания
не может быть reproduced без письменного разрешения издателя.*

© Тверской государственный
университет, 2025

Scientific Journal

Founded in 2007

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
PI № ФС77-61026 of March 5, 2015

Translated Title:

Herald of Tver State University. Series: History

Founder:

Federal State Budget Educational Institution
Of Higher Education
«Tver State University»

Editorial Board of the Series:

- D. Sc. In History, prof. T.G. Leontieva (*editor-in-chief*);
Cand. Sc. in History S.V. Bogdanov (*executive secretary*);
D. Sc. in History V.B. Aksenov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof. A.V. Belova;
D. Sc. in History V.P. Buldakov (IRI RAS, Moscow);
D. Sc. in History A.M. Ermakov;
D. Sc. in History N.L. Pushkareva (IEARAS, Moscow);
D. Sc. in History, prof., Corresponding Member of the RAS A.V. Sirenov;
D. Sc. in History, prof. A.S. Khodnev;
D. Sc. in History V.V. Shelokhaev (IRI RAS, Moscow);
Prof. of Humanities Y. Ikeda (The University of Tokyo, Japan);
Prof. of History Gr. Freeze (Brandeis University, Waltham, USA)

Editorial Office:

Office 201, 16/31, Trehsvyatskaya st., Tver, 170100, Russia
Tel.:+7(4822)34-16-85

*All rights reserved. No part of this publication
may be reproduced without the written permission of the publisher.*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Горлов В.В.</i> Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г.: сложность и противоречивость развития	5
<i>Леонтьева Т.Г.</i> «Заложенная на песке»: Кашинская духовная семинария Тверской епархии в 1913–1918 гг. по документам РГИА и ГАТО (часть 2)	18
<i>Трофимова В.С.</i> Софья Ковалевская в восприятии П.А. Кропоткина: конструирование образа математика и литератора	38

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Леонтьева О.Г.</i> Организация архивного дела в Калининской области в 1936–1940 годах.....	54
<i>Цыганова А.В.</i> Деятельность Тверского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (1895–1917 гг.): историография и источники	67

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

<i>Аглиянов Н.А.</i> Секты и сектантство на страницах «Тверских епархиальных ведомостей»	82
<i>Балашова Е.В.</i> История создания мемориальных музеев в ФРГ на местах памяти бывших концентрационных лагерей	96
<i>Орлова Ю.П.</i> Ревизоры Учебного комитета при Св. Синоде как агенты реформы духовного образования 1867 года	105
<i>Менделеева О.А.</i> Историографические аспекты изучения концепции йоги Е.П. Блаватской	121
<i>Тихомиров П.В.</i> «Случайные революционеры» среди политических ссыльных в начале XX в. (На примере Вологодской губернии)	130

СООБЩЕНИЯ

<i>Герасимова С.А.</i> Организация и деятельность партизанских отрядов в Зубцовском районе Калининской области в начальный период Великой Отечественной войны	141
<i>Шафигуллина Л.Р.</i> Проблема семьи, материнства и детства в фокусе деятельности женских объединений Республики Татарстан в 1990-е – начале 2000-х годов.....	154

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Булдаков В.П.</i> <i>Rez.</i> О книге Годунова К.В. «“Красная Пасха”: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны». (СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 256 с.).....	168
СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	180

CONTENTS

THE HISTORY OF RUSSIA

<i>V.N. Gorlov</i> The General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935: Complexity and Contradictions of Development	5
<i>T.G. Leontieva</i> «Laid in the sand»: Kashinsky Theological Seminary of the Tver Diocese in 1913–1918 according to the documents of the Russian Academy of Sciences and the GATO (part 2)	18
<i>V.S. Trofimova</i> Sophia Kovalevskaya in P.A. Kropotkin's Reception: Constructing the Image of a Mathematician and a Writer	38

HISTORIOGRAPHY. SOURCE STUDY. METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

<i>O.G. Leonteva</i> Organization of Archival Work in the Kalinin Region in 1936–1940	54
<i>A.V. Tsyganova</i> Activities of the Tver Department of the Imperial Orthodox Palestine Society (1895–1917): historiography and sources	67

THE PAGE OF THE POST-GRADUATE STUDENT

<i>N.A. Aglyamov</i> Sects and sectarianism on the pages of the Tver Diocesan Gazette	82
<i>E.V. Balashova</i> The History of Establishment of Memorial Museums on the Places of Memory of Former Concentration Camps	96
<i>Yu.P. Orlova</i> Auditors of the Educational Committee under the Holy Synod as Agents of the Reform of Theological Education of 1867	105
<i>O.A. Mendeleeva</i> The System of Yoga in the Works of E.P. Blavatsky and its Reception in Western Culture	121
<i>P.V. Tikhomirov</i> «Accidental Revolutionaries» Among Political Exiles in the Early 20th Century (the Case of Vologda Province)	130

THE REPORTS

<i>S.A. Gerasimova</i> Paradoxes of memory Organization and activity of partisan detachments in the Zubtsovsky district of the Kalinin region in the early period of the Great Patriotic War	141
<i>L.R. Shafigullina</i> The problem of family, motherhood and childhood in the focus of women's associations of the Republic of Tatarstan in the 1990s - early 2000s	154

THE CRITICISM. THE BIBLIOGRAPHY. THE SCIENTIFIC LIFE

<i>V.P. Buldakov</i> The Holiday for all the Oppressed? About the book by K.V. Godunov «“Red Easter”: Celebration of the Anniversary of October and the Political Culture of the Civil War» (St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2023. – 256 p.)	168
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	188
-------------------------------	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 711.4–16

DOI 10.26456/vthistory/2025.1.005–017

Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г.: сложность и противоречивость развития

В.Н. Горлов

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия

В статье анализируется Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г., когда проводилась работа по сохранению и улучшению качества городской среды. В статье отмечается, что каждая эпоха вносила новые штрихи в развитие Москвы, анализируются наиболее перспективные идеи развития Москвы в связи с задачами переустройства столицы первого в мире социалистического государства. В качестве предмета исследования выступает благоустройство столицы. Рассматриваются вопросы формирования городского центра в связи с его территориальным развитием и задачами по управлению процессами преобразования городской среды. Генеральный план развития Москвы 1935 г. внёс огромный вклад в формирование мировоззрения советских архитекторов-градостроителей, в формирование основных принципов развития крупнейших советских городов, и в первую очередь Москвы.

Ключевые слова: реконструкция Москвы, озеленение, градостроительство, магистрали, центр Москвы, водоснабжение, метрополитен, Генеральный план.

К середине 1930-х гг. в экономике Москвы произошли огромные изменения. К этому времени она превратилась в крупнейший индустриальный центр страны. Коренным образом изменилась структура московской промышленности. Наибольшее развитие в Москве получили металлургия, машиностроение и станкостроение, электротехника и приборостроение. Были построены и полностью реконструированы десятки крупных предприятий.

Особенность выделения литературы и источников в данном исследовании состоит в том, что многие из основателей Генерального плана развития и реконструкции Москвы в то же время сами были историками архитектуры. Речь идет прежде всего о В.Н. Семенове, М.О. Барще, М.Я. Гинзбурге, Ле Корбюзье, Л.М. Сабсовиче и др., что вызвало потребность привлекать их творчество в качестве литературы по отношению к периоду исследования, и в качестве специфических историографических источников. В работах указанных авторов анализируется широкий спектр проблем, связанных с темой нашего исследования

Расширяющаяся строительная деятельность в Москве в 1930-е гг. требовала предложений по совершенствованию планировочной и пространственной структуры города. Важно отметить, что большое значение в 1920–1930-е гг. придавалось проблеме совершенствованию облика центра города, связанной главным образом со строительством общественных зданий – символов нового времени.

Ряд архитекторов считали, что новая социальная жизнь обязательно должна воплощаться в невиданных архитектурных и градостроительных формах. Ими отрицались ценности исторически сложившейся городской среды. Вот несколько характерных высказываний ведущих специалистов тех лет (Барщ М.О., Гинзбург М.Я., Сабсович Л.М. и др.): «Мы оставим и тщательно сохраним наиболее характерные куски старой Москвы: Кремля, кусочки дворянской Москвы с улочками и особняками Арбата и Поварской, кусочками купеческого Зарядья и пролетарской Красной Пресни. Всё остальное мы должны упорно превращать в грандиозный парк»¹. В течение ближайших 10-15 лет предполагалось создать абсолютно новые типы поселений, «не оставив камня на камне» от существующих городов и деревень². Предельно откровенен был и знаменитый архитектор Ле Корбюзье: «Для меня вывод ясен: нет возможности мечтать о сочетании города прошлого с настоящим или будущим... в Москве всё нужно переделать, предварительно все разрушив...» и подыскать ей новое место³.

Самое удивительное, что в подобном тотальном разрушении видели не бедствие и даже не вынужденную меру, а единственно возможный путь социалистического преобразования города. Думали потому, что не видели гигантской социальной ценности процесса преемственности развития городского ландшафта, роли городов как носителей социальной и культурной «памяти» народа.

В 1931 г. на июньском Пленуме ЦК ВКП (б) в Москве был обсужден вопрос «О московском городском хозяйстве и о развитии городского хозяйства СССР». По итогам Пленума Моссовет принимает решение о разработке Генерального плана реконструкции Москвы и объявляет конкурс с привлечением иностранных архитекторов. Итоги конкурса были подведены в 1932 г. на совещании МГК партии и президиума Моссовета. Их можно свести к одному: рост Москвы надо в дальнейшем ограничить, реконструировать центр столицы, сохранить радиально-кольцевую планировку⁴.

В начале 1932 г. было создано архитектурно-планировочное управление Москвы – АПУ, где архитекторы совместно с инженерами, экономистами, социологами и др. под руководством главного архитектора Москвы В. Семёнова начали работу над комплексным научно обоснованным Генеральным планом

¹ Барщ М.О., Гинзбург М.Я. Зелёный город // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 22.

² Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929. С. 11–12

³ Корбюзье Л. О реконструкции Москвы // Современная архитектура. 1931. № 4. С. 31.

⁴ Погошин М.В. Город для человека. М., 1973. С. 84–85.

реконструкции Москвы⁵. Ещё ранее на этапах его разработки развернулись работы по строительству метрополитена, канала Москва – Волга, осуществлялись расширение и застройка магистралей и др.

10 июля 1935 г. было опубликовано Постановление Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) «О Генеральном плане реконструкции г. Москвы». В планировочной структуре сохранялась радиально-кольцевая основа исторически сложившегося плана города, которая дополнялась новыми магистралями и тремя диаметрами. Последние проектировались по основным сложившимся магистральным направлениям путём соединения, спрямления и расширения улиц. Осуществление новых магистралей и диаметров вместе с реконструкцией сложившейся системы магистралей должно было улучшить связи между районами города, привокзальными площадями и другими городскими элементами. Предусматривалось формирование систем озеленения территорий и обводнение города. Намечалось значительное промышленное и культурно-бытовое строительство, развитие водоснабжения, газификации, канализации и др.⁶

Городу было тесно в старых границах. Многие районы были перенаселены. Поэтому планом предусматривалось постепенное расширение территории Москвы вдвое (с 28,5 тыс. до 60 тыс. га) в основном за счёт присоединения новых наиболее здоровых в климатическом отношении территорий на юго-западе столицы. Впервые была сделана попытка установить расчетную численность населения – 5 млн. человек (против 3 млн. в 1935 г.) с тем, чтобы в дальнейшем замедлить темпы роста города путем вывода из него некоторых видов промышленности⁷.

Ведущая роль в системе городских магистралей и создании архитектурных панорам отводилась рекам Москве и Язу. План охватывал и прилегающую к столице пригородную зону, где предполагалось разместить промышленные, коммунальные и сельскохозяйственные предприятия, а также создать лесопарковый защитный пояс⁸.

Было задумано раскрыть город к реке, расчистить и реконструировать её набережные и превратить в наиболее удобную для жизни и красивую часть города. В это время началось строительство на юго-западе столицы. Главная магистраль города проектировалась от исторического центра к Ленинским горам. На этом направлении планировалось строительство Дворца Советов, принимавшего на себя роль главной высотной доминанты⁹.

⁵ Астафьев-Дlugach M.I., Волчок Ю.П. Москва строится. М., 1983. С.178.

⁶ О генеральном плане реконструкции города Москвы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). М., 1935. С. 4–6.

⁷ Семёнов В.Н. Как планировать и строить Москву // Строительство Москвы. 1932. № 8, 9. С. 8–11.

⁸ О генеральном плане реконструкции города Москвы. С. 9–11.

⁹ Киселевич Л.Н., Рабинович И.Л. Композиция массовых жилых домов и ансамбля застройки. М., 1973. С. 18.

В период с 1935 г. по 1941 г. активно осуществлялась реконструкция центрального района Москвы в пределах Садового кольца, начата реконструкция площадей Пушкина, Советской, Маяковского и др. Реконструируемые магистрали по фронту застраивались новыми домами, архитектуре которой уделялось большое внимание¹⁰. В целом по Москве за эти шесть лет было построено 2264 тыс. кв. м. жилой площади, 450 детских садов и яслей, кинотеатры, гостиницы и т.п¹¹.

Неизвестно изменились многие площади и улицы Москвы. Реконструкция ядра центра была связана преимущественно со сносом малоценной застройки вдоль расширяемых магистралей, с сохранением и небольшой передвижкой ценных зданий.

Актуальной стала задача индустриализации строительства, отрабатывались приёмы типизации и стандартизации. Преобразилась, например, улица Горького. Она стала одной из красивейших магистралей столицы. Улица Горького, задуманная как дорога триумфальных шествий, стала эталоном реконструктивных работ в центре города. Здесь апробировались и внедрялись в практику реального строительства самые различные способы реконструкции. Жилые дома возводились поточно-скоростным методом. Отдельные существующие здания надстраивались, некоторые передвигались на другое место. Газеты и журналы много писали о передвижке зданий. Архитекторов же значительно больше занимали вопросы скоростного строительства, открывавшего возможности для проведения реконструктивных работ широким фронтом. За шесть лет с момента утверждения Генерального плана улица Горького в пределах от Охотного ряда до площади Маяковского с 16–18 м была расширена до 50–60 м¹².

В 1936 г. начались работы по реконструкции Большой Калужской улицы (ныне часть Ленинского проспекта), были возведены научно-исследовательские институты Академии наук СССР¹³. В 1939 г. на Большой Калужской улице развернулось поточно-скоростное строительство, продемонстрировав возможности формирования магистрали в периферийном тогда районе столицы, на неосвоенной территории. Реконструировались Каляевская, Новослободская, Краснопрудная, Большая Дорогомиловская, 1-я Мещанская улицы и десятки других. Новые жилые дома строились и на окраинах¹⁴.

Много внимания уделяли городские власти выполнению заданий Генерального плана в области культурно-бытового строительства. Среди многих общественных и культурно-бытовых сооружений тех лет особо выделялись новые корпуса Государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина,

¹⁰ История Москвы. М., 1974. С. 288–289.

¹¹ Белоусов В.Н., Бочарова Н.Н., Васильченко В.А. Реконструкция центров исторических городов. М., 1987. С. 35–37.

¹² Колодный Л.Е. Тверской бульвар. Вече, 2014. С. 277.

¹³ Иванов О.А. От Крымского вала до Воробьевых гор. М., 2015. С. 220.

¹⁴ Гроссман В.Г. Опыт скоростного строительства на Б. Калужской ул. в Москве // Архитектура СССР. 1940. № 2. С. 6.

полиграфический комбинат газеты «Правда», гостиница «Москва», стадион «Динамо», Концертный зал имени Чайковского, Центральный театр Красной Армии, Дворец культуры ЗИЛа. В результате реконструктивных работ центр города получил иной масштаб. Новые здания наряду с историческими ансамблями начали играть активную роль в архитектурно-пространственной композиции столицы.

Огромное внимание уделяли вопросам народного образования. В Москве школьное строительство значительно отставало от быстро растущих потребностей. К школьному строительству были подключены в порядке шефства и помощи многие промышленные предприятия¹⁵. Вступившие в строй новые школы позволили ликвидировать в столице занятия в третью смену и приблизить школы к месту жительства детей. Всего с 1935 г. по 1940 г. в Москве было построено 389 школ¹⁶. 70 % всех школьников обучалось во вновь выстроенных школьных зданиях¹⁷. Таким образом, успешно была выполнена программа строительства школ, расширения и укрепления их материальной базы.

В 1930-е гг. значительно выросла энергоооруженность московской промышленности. Одновременно с ростом подачи в город электроэнергии в 1930-е гг. в корне менялось все энергетическое хозяйство Москвы. В столице появились теплоэлектроцентрали. К 1939 г. газовое топливо было подведено более чем к 60 тыс. квартир¹⁸.

Огромное внимание уделялось улучшению водоснабжения столицы. Мощности систем водоснабжения и канализации исчерпались. Без реконструкции этих систем невозможно было дальше развивать столицу. После сооружения в 1937 г. канала Москва-Волга улучшилось водоснабжение города, реки Москва и Яуза стали судоходными. На трассе канала было создано семь водохранилищ, в том числе три в пределах города: Химкинское, Карамышевское, Перервинское. Позднее было завершено строительство Северного, Западного и Южного портов. В реализации генплана участвовали свыше 200 тыс. строителей, 143 строительных организаций¹⁹. Уже в 1935 г. начала работать Черепковская система водоснабжения. Водопроводные линии протянулись в Кунцево, Текстильщики, Бутырский хутор, Коптево, Шелепиху, Измайлово и другие районы города. Длина водопроводной сети выросла с 869 км в 1932 г. до 1214 км в 1939 г., т. е. в полтора раза. Москва к началу 1941 г. по потреблению воды на душу населения заняла одно из первых мест среди европейских столиц²⁰.

¹⁵ Москва. Годы обновления и реконструкции. М., 1977. С. 77–78.

¹⁶ Москва в цифрах. М., 1940. С. 94.

¹⁷ Москва. Развитие хозяйства и культуры города. М., 1958. С. 85–87

¹⁸ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии(б): 10–21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М., 1939.

¹⁹ Манина А.И. Из истории реконструкции Москвы. 1910–1935 гг. // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2002. № 5. С. 5–6.

²⁰ Москва в цифрах. М., 1940. С. 44, 50.

Большое внимание советские организации Москвы уделяли развитию парков столицы, превращению их в место культурного отдыха москвичей. О масштабах массовой работы по благоустройству Центрального парка культуры и отдыха имени Горького говорят такие цифры: в 1938 г. его посетило 10,7 млн. человек, в 1939 г. – 11,2 млн. человек. К территории города были присоединены и превращены в общественные парки Измайловский и Сокольнический леса, пользующиеся большой популярностью. Многое было сделано для благоустройства парков культуры и отдыха в Краснопресненском, Покровско-Стрешневском и других парках столицы²¹.

Успешное выполнение Генерального плана реконструкции Москвы обеспечил рост транспорта столицы. Широкое распространение получил новый вид транспорта – троллейбус. Его преимуществами стали бесшумность и гигиеничность. Одной из важнейших строек этих лет стало сооружение второй очереди метро. Предстояло построить девять новых станций²². Планировочные мероприятия вместе со строительством метрополитена и обновлением других средств передвижения радикально разрешали сложнейшую для огромного города транспортную проблему.

Генеральным планом реконструкции столицы предусматривалось сооружение 11 новых больших мостов, что улучшило бы связь между районами города и обеспечило сквозное судоходство по Москве-реке больших волжских пароходов. При проектировании мостов были использованы последние достижения в области мостостроения, найдены интересные, смелые решения сложных технических задач. К 1 мая 1938 г. все мосты вступили в строй. Это было небывало короткие сроки строительства столь сложных сооружений. Так, один из крупнейших в Европе Краснохолмский мост весом 6,6 тыс. т. строители собрали всего за 60 дней²³. Создав удобную связь между районами, новые мосты стали в то же время прекрасным дополнением архитектурно-художественного оформления столицы.

Неоспоримым достижением Генплана является осуществление небывалой социальной программы во имя человека. В Москве и сейчас продолжают жить кварталы новых домов Хавско-Шаболовского массива, Усачевский и другие бывшие рабочие посёлки. Столицу нельзя представить без реконструированной Дангаузовки, шоссе Энтузиастов, без Большой Калужской. Основная идея плана 1935 г., ставшая в последующем руководящей для советских градостроителей, заключалась в том, чтобы создать в городе наиболее благоприятные условия жизни советских граждан. При строительстве новых жилых зданий обращалось внимание и на улучшение планировки квартир. Создавались они в расчёте на посемейное заселение, но на практике, в основном, эксплуатировались как коммунальные. Установка на

²¹ Бахтина И.К., Горбатова В.И. Природная среда столицы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 6. С. 12–15.

²² Столичный транспорт в генеральном плане развития Москвы. М., 1973. С. 9–10.

²³ История Москвы: в 6 т. Т. 6. Кн. 2. Период построения социализма (1917 г. – июнь 1941 г.) М., 1959. С. 56.

создание удобного для проживания жилья была связана с большими бюджетными ассигнованиями, поэтому её полная реализация в 1930–1940-е гг. не могла быть осуществлена.

В процессе реализации Генерального плана 1935 г. проводилась значительная работа по сохранению и улучшению качества городской среды. Генплан 1935 г., зафиксировавший объективную необходимость снижения плотности градостроительных нагрузок по поясам удаленности от исторического ядра Москвы, обеспечил на качественно новом уровне развитие прогрессивных концепций линейного расселения применительно к исторически сложившейся радиально-кольцевой структуре города. При этом предусматривалось расширение площади открытых и озелененных пространств по мере удаления от центра города как зон равновесия по отношению к районам интенсивного градостроительного освоения. Вокруг Москвы был создан лесопарковый защитный пояс²⁴.

Другим важнейшим аспектом формирования планировочной структуры города стала проблема обеспечения наибольшей доступности для населения как мест трудозанятости и обслуживания, сконцентрированных в центральных и примыкающих к ним районах, так и рекреационных зон. Впервые был сформулирован тезис о перманентности административных границ города, определенных условиями часовой доступности его исторического ядра. Направленные на снижение роли фактора транспортной усталости выделенные параметры стали одним из основополагающих показателей гигиенической эффективности планировочной структуры города. Это позволило градостроительными средствами заложить предпосылки для совершенствования образа жизни населения, рациональной организации его быта и отдыха.

При всей ограниченности реальных возможностей градостроители закладывали в генеральные планы решения, позволяющие сбалансировать численность градообразующих кадров с возможностями развития городов. Для этого намечался вывод за пределы города или ликвидация санитарно-вредных объектов, непрофильных и др., в связи с чем и возможно было регулирование численности работающих. В целях ограничения и регулирования численности населения в городе запрещалось строительство новых промышленных предприятий. Генпланом Москвы предусматривалось, что реконструкция градообразующих отраслей народного хозяйства позволит сократить число мест приложения труда, а освободившиеся люди переместятся на предприятия и учреждения обслуживающих отраслей городского хозяйства. Однако происходило обратное: размещалось больше, чем выводилось.

В суждениях об истории реконструкции Москвы необходимо проникновение в то, что весьма часто называют духом времени, неразумно проецировать наше сегодняшнее миропонимание на оценки прошедшего. Прокла-

²⁴ Лавренов А.С. Глушкова В.Г. Охрана окружающей среды // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 9. С. 22.

дывая и расширяя огромные радиальные магистрали, превращая их в прямые проспекты, архитекторы ликвидировали живописность силуэта старой Москвы. Четких критериев сохранения памятников при разработке Генерального плана 1935 г. выработано не было, в результате Москва при реализации Генерального плана понесла значительный ущерб. К тому же официальная пропаганда постоянно напоминала советским гражданам о вековой отсталости императорской России. Это привело к тому, что многие москвичи с радостью приветствовали уничтожение остатков старой Москвы. В эти годы столица потеряла известные исторические и архитектурные памятники: Сухареву башню, храм Христа Спасителя, церковь Казанской божьей матери и Иверскую часовню на Красной площади, Китайгородскую стену и множество других сооружений.

Генплан 1935 г. менял образ города, он переводил его в другой регистр, раздвинув масштаб всего привычного. На месте старых улиц должны были появиться широкие проспекты и магистрали, Садовое кольцо должно было стать шире в два раза, а Тверская – в три. Гигантомания нанесла урон не менее страшный, чем уничтожение старины. В стремлении утвердить исполинский размах прибегли к одному прямолинейному приёму. Догматическая парадность диктовала: увеличивать, украшать, выравнивать. Расширять Петровский бульвар с 40 до 70 м, спрямлять даже переулки, ведущие от Покровки к Курскому вокзалу, доводить переулки по Бульварному кольцу до 70 м. Известно, с каким воодушевлением известные архитекторы рвались воздвигнуть прямо на Красной площади гигантский Наркомтяжпром²⁵.

Число площадей, заданное Генпланом 1935 г., поражает. Площади становились только парадными, проездными, открытыми. Замкнутые, камерные площади уходили, а с ними отступало и все неповторимо московское. Задумывались площади с трибуналами, аренами, с открытыми зрительными залами для городской общественной жизни. Так, Трубная площадь становилась «площадью смычки города с деревней», на ней Дом Крестьянина. По Цветному бульвару – постоянная сельскохозяйственная выставка; Арбатская площадь – городской форум и в то же время многоуровневый узел пересечения автомобильного и трамвайного транспорта, Серпуховская площадь Заставы Ильича – кульмиационная точка праздничных церемоний, центр, выпускающий демонстрации по Камер-Коллежскому валу с Красной площади²⁶.

В процессе создания Генерального плана отрабатывались градостроительно важные узлы городского пространства. «Инструментом» для отработки стал целый ряд архитектурных конкурсов первой половины 1930-х гг. Поиски стиля советской архитектуры, здания, которому отводилась ведущая роль в ансамбле центра, шли при разработке конкурсных проектов Дома ра-

²⁵ Ткаченко С.Б. Один век московского градостроительства. М., 2018. Кн. 1. Москва социалистическая. С. 77.

²⁶ Хазанова В.Э. Беречь мечтателей и провидцев // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 3. С. 4–6.

дио, Дворца труда МОСПС, Дома промышленности в Зарядье, Дворца техники на набережной напротив ЦПКиО, Дома Наркомтяжпрома в Китай-городе с предполагаемым сносом ГУМа, Дворца Советов на Кропоткинской площади. Все эти конкурсные соревнования имели целью как уточнение структурно-планировочного устройства важных в композиционном отношении узлов Москвы, так и кристаллизацию представлений о её будущем облике.

Задания Генерального плана к 1949 г. в основном были выполнены, а в некоторых частях (например, по метрострою, по газоснабжению и строительству мостов) даже перевыполнены²⁷. Генеральный план 1935 г., как и любой градостроительный документ такого класса, нёс в себе двойное содержание. Во-первых, он фиксировал определенный этап развития города, а во-вторых, намечал перспективу его дальнейшей жизни. Как итогом прошлого, так и отправной точкой для будущего была признана значимость исторически сложившейся планировочной структуры Москвы – главное теоретическое завоевание градостроительной мысли, сформулированное в Генплане. Отсюда вытекало её сохранение как крупнейшего памятника градостроительной культуры народа.

Это означало признание за архитектурой прошлого ценности, от которой надо отталкиваться и которую надо учитывать при работе над архитектурой настоящего. Однако провозглашение исторически сложившейся структуры города отправной точкой для дальнейших поисков сопровождалось и утверждением необходимости создания нового архитектурного облика Москвы как столицы первого в мире социалистического государства. Такая двойственность в постановке задачи приводила к весьма непростому сопряжению этих двух требований.

Установка на застройку вдоль магистралей и набережных вызвала к жизни формирование специфического ансамбля-улицы. Несмотря на все разнообразие авторских концепций и творческого почерка коллективов, работавших над созданием магистралей и набережных, можно отметить единый подход к их проектированию, вызванный чётко сформулированной Генпланом задачей и стремлением к ансамблевости. Слово «ансамбль» в те годы становится самым часто повторяемым в печати, в профессиональных суждениях. Речь шла не только о создании целостных архитектурных организмов-фрагментов города, но и о превращении всего города в единый ансамбль.

Однако при всей своей привлекательности проектирующиеся вновь ансамбли практически не учитывали существующую городскую среду. В контексте архитектурно-проектной и строительной практики Москвы 1930-х гг. новому всегда отдавалось предпочтение перед старым. Создавалась парадоксальная ситуация: в то время как архитектурным лозунгом эпохи стало освоение наследия прошлого, когда творческие устремления зодчих были

²⁷ Веселовский Б.Б. Курс экономики и организации городского хозяйства. М., 1951. С. 409.

прочно ориентированы в традицию, реальное существующее прошлое города нередко не принималось во внимание.

Должно было пройти немало времени, в том числе военные годы, чтобы разрушение городов и гибель многочисленных памятников архитектуры с особенной остротой заставили ощутить их огромную культурную значимость, чтобы художественная ценность древних культовых сооружений отделилась от их религиозного смысла. Годы понадобились и на то, чтобы возникло новое понимание ценности городской среды.

Генеральный план развития Москвы 1935 г. и большая творческая дискуссия, предшествовавшая его разработке и утверждению, внесли огромный вклад в формирование мировоззрения советских архитекторов-градостроителей, в формирование основных принципов развития крупнейших советских городов, и в первую очередь Москвы. Генплан 1935 г., по сути, подводил итог градостроительной деятельности 1920–1930-х гг. и закладывал основы для последующего развития Москвы. В нем было сформулировано важнейшее положение о необходимости ограничения развития Москвы, население которой не должно было превышать 5 млн. человек на конец расчётного срока. Для расселения жителей намечалось компактное расширение территории за счет пригородов. И сегодня весьма полезно рассмотреть основные принципы градостроительной политики в области формирования архитектурно-планировочной и пространственной структуры столицы.

С другой стороны, в Генеральном плане предполагалось расширение и спрямление почти всех радиальных улиц, завершение Бульварного кольца в Замоскворечье, расширение Садового кольца таким образом, что в результате в пределы проектируемых магистралей попадало большое количество памятников архитектуры. В случае реализации этих предложений сохранности историко-архитектурного наследия Москвы был бы нанесен существенный урон.

Последующие проработки этой проблемы привели к выводу, что нужно было искать решения, при которых историческое ядро центра сохранится в значительно большей степени, как зона особого режима реконструкции; то есть необходимо развитие центра в виде поликентрической системы.

За короткий срок в жизни столицы, её внешнем облике, социальном характере, развитии экономики и культуры произошли значительные изменения. Впервые в истории крупный город с четырехмиллионным населением развивался по единому плану, объемлющему все отрасли городского хозяйства.

Реализация Генерального плана, успешно развивавшаяся и год от года набиравшая темп, была прервана войной. Значительная часть задуманных ансамблей была осуществлена лишь фрагментарно и достраивалась уже в другие периоды. Однако можно утверждать, что застройка Москвы, выполненная в предвоенное пятилетие, создала весьма ощущимый пласт городской культуры, и в наши дни несущий серьезную смысловую нагрузку в формировании образной характеристики города.

План реконструкции Москвы явился крупным вкладом в развитие науки и практики градостроительства. В истории зодчества впервые был создан проект всесторонней перестройки большого города. Крупные этапы реконструкции городов СССР, на которых решался широкий круг социальных и архитектурно-градостроительных задач, начались фактически с этапа создания Генерального плана Москвы 1935 г., который положил начало разработке научно обоснованных проектов реконструкции многих других городов страны.

Список литературы:

1. Астафьева-Дlugач М.И., Волчок Ю.П. Москва строится. М.: Московский рабочий, 1983. – 191 с.
2. Барщ М.О., Гинзбург М.Я. Зелёный город // Современная архитектура. 1930. № 1–2.
3. Бахтина И.К, Горбатова В.И. Природная среда столицы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 6. С. 12–15.
4. Белоусов В.Н., Бочарова Н.Н., Васильченко В.А. Реконструкция центров исторических городов. М.: Стройиздат, 1987. – 224 с.
5. Веселовский Б.Б. Курс экономики и организации городского хозяйства. М.: Госпланиздат, 1951. – 412 с.
6. Гроссман В.Г. Опыт скоростного строительства на Б. Калужской ул. в Москве // Архитектура СССР. 1940. № 2.
7. Иванов О.А. От Крымского вала до Воробьевых гор. М.: Центрополиграф, 2015. – 528 с.
8. Киселевич Л.Н., Рабинович И.Л. Композиция массовых жилых домов и ансамбля застройки. М.: Стройиздат, 1973. – 183 с.
9. Колодный Л.Е. Тверской бульвар. М.: Вече, 2014. – 432 с.
10. Корбюзье Л. О реконструкции Москвы // Современная архитектура. 1931. № 4.
11. Лавренов А.С. Глушкова В.Г. Охрана окружающей среды // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 9.
12. Манина А.И. Из истории реконструкции Москвы. 1910–1935 гг.// Архитектура. Строительство. Дизайн. 2002. № 5. С. 5–6.
13. Посохин М.В. Город для человека. М.: АПН, 1973. – 132 с.
14. Сабсович Л.М. Города будущего и организация социалистического быта. М.: Государственное техническое издательство, 1929. – 63 с.
15. Семёнов В. Н. Как планировать и строить Москву // Строительство Москвы. 1932. № 8, 9. С. 8–11.
16. Ткаченко С.Б. Один век московского градостроительства. Кн. 1. Москва социалистическая. М.: Улей, 2018. – 312 с.
17. Хазанова В.Э. Беречь мечтателей и провидцев// Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 3. С. 4–6.

Об авторе:

ГОРЛОВ Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1); e-mail: gorlov812@mail.ru

**The General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935:
Complexity and Contradictions of Development**

V.N. Gorlov

Moscow State Linguistic University, *Moscow, Russia*

The article analyzes the General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935, when work was carried out to preserve and improve the quality of the urban environment. The article notes that each era brought new touches to the development of Moscow, analyzes the most promising ideas for the development of Moscow in connection with the tasks of reorganizing the capital of the world's first socialist state. The subject of the study is the improvement of the capital. The issues of forming the city center in connection with its territorial development and tasks for managing the processes of transforming the urban environment are considered. The General Plan for the Development of Moscow in 1935 made a huge contribution to the formation of the worldview of Soviet architects and urban planners, to the formation of the basic principles of development of the largest Soviet cities, and primarily Moscow.

Keywords: *reconstruction of Moscow, landscaping, urban development, highways, center of Moscow, water supply, metro, General Plan.*

About author:

GORLOV Vladimir Nikolaevich – Doctor of History, Professor, the Department of Historical Sciences and Archival Science, Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow, Ostozhenka St., 38, building 1); e-mail: gorlov812@mail.ru

References

- Astaf'eva-Dlugach M.I., Volchok Yu.P., *Moskva stroitsya*, M., Moskovskij rabochij, 1983. – 191 s.
Barshch M.O, Ginzburg M.Ya., *Zelyonyj gorod*, Sovremennaya arhitektura, 1930, № 12.
Bahtina I.K, Gorbatova V.I., *Prirodnaya sreda stolicy*, Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy, 1985, № 6, S. 12–15.
Belousov V.N., Bocharova N.N., Vasil'chenko V.A., *Rekonstrukciya centrov istoricheskikh gorodov*, M., Stroizdat, 1987. – 224 s.

- Veselovskij B.B., *Kurs ekonomiki i organizacii gorodskogo hozyajstva*, M., Gosplanizdat, 1951. – 412 s.
- Grossman V.G., *Opyt skorostnogo stroitel'stva na B. Kaluzhskoj ul. v Moskve*, Arhitektura SSSR, 1940, № 2.
- Ivanov O.A., *Ot Krymskogo vala do Vorob'evyh gor*, M., Centropoligraf, 2015. – 528 s.
- Kiselevich L.N., Rabinovich I.L., *Kompoziciya massovyh zhilyh domov i ansambla zastrojki*, M., Strojizdat, 1973. – 183 s.
- Kolodnyj L.E., *Tverskoj bul'var*, M., Veche, 2014. – 432 s.
- Korbyuz'e Le., *O rekonstrukcii Moskvy*, Sovremennaya arhitektura, 1931, № 4.
- Lavrenov A.S. Glushkova V.G.. *Ohrana okruzhayushchej sredy*, Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy, 1985, № 9.
- Manina A.I. *Iz istorii rekonstrukcii Moskvy. 1910–1935 gg.*, Arhitektura. Stroitel'stvo. Dizajn, 2002, № 5, S. 5–6.
- Posohin M.V., *Gorod dlya cheloveka*, M., APN, 1973. – 132 s.
- Sabsovich L.M., *Goroda budushchego i organizaciya socialisticheskogo byta*, M., Gosudarstvennoe tekhnicheskoe izdatel'stvo, 1929. – 63 s.
- Semyonov V.N., *Kak planirovat' i stroit' Moskvu*, Stroitel'stvo Moskvy, 1932, № 8, 9. S. 8–11.
- Tkachenko S.B., *Odin vek moskovskogo gradostroitel'stva*, Kn. 1, Moskva socialisticheskaya, M., Ulej, 2018. – 312 s.
- Hazanova V.E., *Berech' mechtatelej i providcev*, Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy, 1988, № 3, S. 4–6.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.331)"18/19"+281.93
DOI 10.26456/vthistory/2025.1.018–037

«Заложенная на песке»¹: Кашинская духовная семинария Тверской епархии в 1913–1918 гг. по документам РГИА и ГАТО (часть 2)²

Т.Г. Леонтьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

На документах фондов Учебного комитета и обер-прокурора Св. Синода (Российский государственный исторический архив, РГИА), журналов заседаний и представлений педагогических собраний Тверской духовной семинарии, делопроизводственной переписки, журналов и протоколов епархиальных съездов тверского духовенства и церковных старост (Государственный архив Тверской области, ГАТО), публикаций «Тверских епархиальных ведомостей» в хронологическом порядке восстанавливается деятельность Кашинской духовной семинарии – второй в Тверской епархии. Показана роль тверских архиепископов и тверского духовенства в становлении нового учебного заведения, особенности организации учебного процесса, устройство быта семинаристов. В историографии данная тема не нашла отражения, значительная часть архивных документов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Тверская епархия, Каин, Кашинская духовная семинария, Тверская духовная семинария, архиепископ Антоний (Каржавин), архиепископ Серафим (Чичагов), Св. Синод, купцы Вончаковы.

Открытие. 31 августа 1913 г. в присутствии высоких гостей в Кашире состоялось долгожданное открытие семинарии. На традиционный молебен, которым открывалось это важнейшее не только для провинциального города, но и епархии событие прибыли вице-губернатор Ф.Ф. Чернецов, городской голова А.П. Дорогутин, ректор тверской семинарии архимандрит Ювеналий (Машковский), почетный гражданин Кашина, член Государственного Совета Б.В. Штюрмер, представители духовенства, горожане. Приветствия в адрес собравшихся пришли от обер-прокурора Св. Синода В.К. Саблера, архиепископа Тверского и Кашинского Антония (Каржавина), бывшего епархиального владыки Алексия (Опоцкого), правления Краснохолмского духовного

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 159.

² Продолжение. Часть I. см. Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2024. Вып. 4. С. 43–58.

училища, уездных городов Тверской губернии и др.³ Ректор Тверской духовной семинарии далее – ТДС) торжественно огласил указ Св. Синода от 4 мая 1913 г., согласно которому 1 сентября начались занятия для первого класса богословов, и список первых 38 учеников.

За неимением собственного помещения, специально сформированного штата, стабильного финансирования семинария открывалась при Кашинском духовном училище. Это старейшее (1768) училище, удалённое от губернского и епархиального центров и тем более – от столиц, было знаменито своими выпускниками: его окончили известный правовед А.П. Куницын (1783–1840), учитель А.С. Пушкина в Царскосельском лицее; первый православный епископ Америки Иоасаф (Иван Ильич Болотов) и др. Располагалось училище в западной части территории Дмитриевского мужского монастыря⁴. Но изначально было очевидно, что принять дополнительно несколько десятков воспитанников на училищных площадях было невозможно. Из письма епархиального владыки Антония обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру (датировано апрелем 1913 г.) следует, что до окончания строительства классы КДС предполагалось разместить в доме наследников Вончаковых – Ждановых-Рубцовых за 750 руб. в год до 1916 г. – предполагаемого завершения строительства собственного здания. В дальнейшем содержать его предполагалось за счёт оплаты обучения иносословных учеников. Перед открытием дом отремонтировали⁵.

Неустроенность нового учебного заведения проявлялась и в организации внутренней жизни. Первое время Каинская семинария обходилась без ректора, заведование классами поручалось правлению Каинского духовного училища. На момент открытия – с конца августа до 6 сентября – все обязанности по семинарской части исполнял смотритель духовного училища Лев Соколов. Затем, согласно документации, отложившейся в РГИА, его полномочия перешли помощнику инспектора М.И. Ржепику. Однако подлинно известно, что Ржепик вошёл в штат КДС только 15 сентября 1915 г. Очевидно, что составителем документа допущена техническая ошибка, и Соколов заведовал классами (практически выполняя функции ректора) до 1915 г.⁶ Он же вёл переписку с епархиальными властями и Синодом весь 1915 г. Лишь в преддверии 1916–1917 учебного года архиепископу Серафиму (Чичагову), сменившему в марте 1914 г. архиепископа Антония, удалось выхлопотать назначение «особого лица для исполнения должности ректора с особым окладом». «Ввиду того, что в семинарии появится четвёртый класс» (набор. – Т.Л.) Учебный комитет Синода разрешил назначение ректора и кроме того – введение пятой должности преподавателя, повышение окладов секретарю до 900 руб., эконому – до 600 руб., библиотекарю – 180

³ Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1913. № 51. С. 1034; Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 1, 41.

⁴ Кириков Б.М. Каин. Л., 1988. С. 62.

⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178.Л. 93–94 об.

⁶ Там же. Л. 355–357.

руб. и фельдшеру (сумма не указана)⁷. Так с сентября 1916 г. Определением Св. Синода ректором Кашинской духовной семинарии и игуменом Дмитровского монастыря назначили архимандрита Николая (Александра Васильевича Кенарского, 1874–1920), бывшего ректора Волынской духовной семинарии⁸. В сетевых источниках информации (от Википедии до множества сайтов) годом назначения Кенарского на ректорский пост ошибочно значится 1917 г. Однако архимандрит Николай занимал эту должность с 1916 г. до закрытия КДС в 1917–1918 учебном году.

Неудачно складывалась ситуация и с комплектованием преподавательского состава. Ресурсы местного духовного училища были невелики, а для приглашения «предметников», инспекторов, воспитателей и обустройства их быта недоставало средств. Чтобы не допустить сбоев учебного процесса, приходилось совмещать, казалось бы, несовместимое: так, физико-математические науки, логику, психологию преподавал кандидат богословия Николай Лебедев⁹. Преподавателями первого класса семинарии стали Петр Петрович Вышеславцев (алгебра), Александр Соколов, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, вёл теорию словесности, греческий язык, совмещая уроки с должностью воспитателя, Евгений Ельцов и Николай Мозжухин – гражданскую историю и Священное писание, священник Петр Иванович Романовский – пение, новые языки – Варвара Новицкая¹⁰. Практически все состояли в штате Кашинского духовного училища.

О введении ранее рекомендованных Учебным комитетом Св. Синода дисциплин – рисования и живописи (для оценки «правильности» икон), основ медицины и сельского хозяйства, обличения раскола¹¹ – пока даже говорить не приходилось. Возможно ли было в подобных условиях обеспечить качество образования, достаточное не только для последующей службы в приходе, но и для поступления в духовную академию или университет? Соколов пытался укрепить штат преподавателей, но только вмешательство влиятельного в высших церковных кругах архиепископа Серафима (Чичагова) способствовало постепенному разрешению этого вопроса.

Одним из первых назначенцев стал уже упомянутый священник с необычной судьбой – Мирон Иванович Ржепик (1885–1937), чех из католической семьи, в 1887 г. присоединившейся к православию. Он появляется в КДС в сентябре 1915 г. переводом из Полтавской епархии, где служил в учительской семинарии, и приступает к исполнению обязанностей помощника

⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 370.

⁸ Церковные ведомости. 1916. № 41. С. 368; ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 43; РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 370.

⁹ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 77.

¹⁰ Там же. Д. 1545. Л. 12–13 об.

¹¹ Богоявленский В. Епархиальные съезды духовенства, их деятельность и значение. Омск, 1902. С. 46.

инспектора с правом преподавания Священного писания. В 1917 г. по ходатайству тверского архиепископа Ржепика утвердили в должности инспектора¹² (см. таблицу № 1).

Согласно «Списку должностных лиц» по всем духовным учебным заведениям Тверской епархии, высланному в Учебный комитет Синода, в «Классах Кашинской духовной семинарии в Кашинском духовном училище» к началу 1917–1918 учебного года на постоянной основе числились, кроме ректора, 9 штатных преподавателей и помощников инспектора.

Таблица 1.

Список должностных лиц в классах Кашинской духовной семинарии

Фамилия, имя, отчество	Образование	Начало служебния в КДС	Окончание служебния в КДС	Должность, предметы
Фёдоров Александр Фёдорович	кандидат богословия	с ноября 1914 г.	До закрытия	Предмет не указан
Лебедев Николай Михайлович	кандидат богословия	с августа 1915 г.	До закрытия	Логика, психология.
Ржепик Мирон Иванович		с сентября 1915 г.	До закрытия	Священное писание, помощник инспектора, инспектор (1917).
Завьялов Петр Александрович	кандидат богословия	с сентября 1915 г.	До закрытия	Предмет не указан.
Воронович Иосиф (отчество не указано – Т.Л.),	кандидат богословия (из Киевской духовной академии)	с ноября 1915 г.		Помощник инспектора.
Николай (Васильевич) Кенарский, архимандрит	кандидат богословия	22 сентября 1916 г.	До закрытия	Ректор.
Лебедев Николай Михайлович	кандидат богословия	с октября 1916 г.	До закрытия	Математика.
Беляев Петр Алексеевич	кандидат богословия	с 6 октября 1916 г.	До закрытия	Психология. Философия. Логика.
Голиков Александр Михайлович	студент духовной семинарии	с марта 1917 г.	До закрытия	Предмет не указан. Помощник инспектора.

Составлено по: РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 724. 334–335; Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 330.

¹² ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 162.

В марте 1917 г. с Учебным комитетом Синода удалось согласовать введение должностей духовника семинарии и преподавателя еврейского языка¹³, но по известным причинам назначения не состоялись.

Хозяйство и финансы. Уже в начале первого учебного года обнаружились затруднения с обустройством семинарского хозяйства. Обещанный тверской семинарией инвентарь, мебель, постельное бельё для общежития, парты для классов не поступили, а приобрести необходимое было не на что. Пришлось выходить из положения, направляя семинаристов на квартиры или к родственникам¹⁴. Обещанные дотации от монастырей тоже не поступали, свечной завод отчислял средства на семь духовных училищ и тверскую семинарию. Словом, денег не было даже на выплату жалованья преподавателям. Единственным существенным вкладом оказались 7 стипендий, которые открыли для студентов первого набора из средств ТДС, 5 из них предназначались для сирот¹⁵. Отметим, что в дальнейшем Учебный комитет Св. Синода, учитывая бедственное финансовое положение КДС, понемногу увеличивал количество мест со стипендиями для сирот и беднейших воспитанников до тридцати в 1915 г., на 1917–1918 г. одобрили 44 стипендии по 115 руб. каждая¹⁶.

По окончании первого учебного года на неотложные нужды семинарии требовалось 6 тыс. руб. Правление КДС вновь обратилось за помощью к епархиальному съезду духовенства и вновь получило отказ. Епархия могла финансировать только тверскую семинарию. Пришлось направить родителям и попечителям воспитанников просьбу снабдить их провиантом, одеждой, книгами для внеклассного чтения¹⁷.

Следует отметить, что ученические библиотеки были одной из насущных потребностей духовных учебных заведений, их рассматривали как «лучшее вспомогательное средство для достижения целей образования. Своей библиотеки в семинарии не было, и о выделении средств на приобретение книг не могло быть и речи. Однако выход нашелся. Помимо того, что в храмах города стали проводить кружечные сборы на книги, учебники и журналы, во все духовные школы России, в крупные издательства, склады научной и духовной литературы и лично к авторам рассыпались письма с просьбой выслать книги в дар¹⁸. И это начинание оказалось более чем успешным. Со временем посылки в Кашин пошли потоком: книжный магазин Тузова из Петербурга прислал пять пакетов (в описи значились произведения В.Г. Белинского в 4 томах, Н.Г. Помяловского, И.-В. Гете, В.В. Вересаева и др.). Из Ставропольской семинарии и канцелярии архиепископа при-

¹³ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 83.

¹⁴ Там же. Д. 1545. Л. 14 об., 18, 38, 66, 87; Архивный отдел Администрации Кашинского муниципального округа. Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–15.

¹⁵ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 85.

¹⁶ Там же. Д. 1552. Л. 148.; Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 344.

¹⁷ Там же. Д. 1299. Л. 6; ТЕВ. 1913. № 33. С. 357.

¹⁸ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 126–127.

слали богословскую литературу, 75 экземпляров философских и богословских изданий были направлены в Кашин из Киевской духовной академии. Постепенно проблемами семинарии проникались и представители духовенства и посильно жертвовали на приобретение книг¹⁹. Чтобы расширить круг жертвователей, правление КДС обратились к епархиальному руководству с предложением разделить епархию на специальные семинарские округа, чтобы духовенство считало семинарии «своими» и охотнее помогало содержать их²⁰. Но до реализации инициативы дело не дошло.

Хлопоты, связанные с обустройством кашинской семинарии, буквально обрушились на нового архиерея и стали едва ли не главным делом начального этапа пребывания в Тверской епархии. Обнаружив, что денег для обеспечения учебного процесса попросту нет, он пытается разобраться в финансовых делах семинарии и вступает в переписку с чиновниками Св. Синода и обер-прокурором В.К. Саблером. Она пестрит пересказами истории с «вончаковскими капиталами», периптиями переговоров тверского духовенства с городскими властями Кашина и тогдашним руководством Синода и обер-прокуратуры (см.: Леонтьева Т.Г. Кашинская духовная семинария Тверской епархии: история открытия и деятельности по документам РГИА и ГАТО // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2024. Вып. 4. С. 43–58).

И (как будто не было дебатов предшествующих лет десяти) в конце мая 1914 г. вопрос обустройства быта семинарии в Кашине выносится на училищный съезд духовенства. Правление Кашинского духовного училища, на долю которого выпали основные тяготы по обустройству КДС, просило депутатов о выделении хотя бы единовременного пособия на покрытие имеющихся долгов. Но, как и ранее, ссылаясь на недостаток средств, они отклонили ходатайство Правления Кашинского духовного училища. Так же поступили бежецкие и краснохолмские депутаты съездов училищных округов²¹.

Однако следует признать, что отказ от выплат на содержание кашинской семинарии в сложившихся обстоятельствах был вполне мотивированным. После издания закона 12 июля 1913 г. об отмене платы за обучение для детей всех сословий в духовных училищах обнаружился значительный приток малоимущих, в том числе инословных, абитуриентов: так в ТвДУ оказались 41 % детей крестьян, мещан и чиновников, в Осташковском – 40 %, в Бежецком – 30 %, Краснохолмском – 27 %, Кашинском и Новоторжском – 25 %, Старицком – 23 %. В ТДС они составили 11 %²². Финансирование при этом существенно не изменилось, и главным источником оставались пресловутые «местные средства».

Человек pragматических и решительных действий, Серафим потребовал разъяснений от тех, кто стоял у истоков «семинарской истории», и к

¹⁹ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1542. Л. 76, 98, 139; Д. 1552. Л. 68, 70.

²⁰ Там же. Д. 1545. Л. 177.

²¹ ТЕВ. 1914. № 30 (июнь). С. 582; 1914. № 47. С. 772.

²² ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3231. Л. 4 об.

июлю 1914 г. один из активных её фигурантов (смотритель кашинского духовного училища) подготовил обстоятельную записку «Об экономическом положении Кашинской духовной семинарии», где среди прочего упоминал о некоем «деликатном вопросе», связанном с деятельностью бывшего архиепископа²³. Этот документ и комментарии Серафима направили в Учебный комитет Синода, надеясь на разъяснения, проводить ли второй набор.

Синод отреагировал: КДС перевели на баланс КДУ, который поддерживался за счёт епархиальной «копилки». Второй набор тоже провели, хотя из Синода поступили только 1800 руб. на жалованье преподавателям, а недостающие средства опять предложили изыскать в епархии²⁴.

В ответ в сентябре 1914 г. Серафим обескуражил канцелярию обер-прокурора заявлением, что открытие семинарии и начало строительства нового здания состоялись преждевременно без «достаточной проработки» (!) и согласия духовенства. Ссылаясь на первое постановление епархиального съезда 1908 г., он напоминал синодальным чиновникам, что епархиальное духовенство ответило полным согласием на открытие новой семинарии, но полным отказом взять на себя её обустройство и содержание. В итоге – решение об открытии было принято единолично архиепископом Антонием, неспособным сопротивляться давлению (?) со стороны Св. Синода. Длинной цитатой представим аргументы Серафима: «Сам владыка Антоний облюбовал место для устройства семинарии, сам составил план и смету на ее устройство, избрал дом для временного помещения семинарии, сам составил приходорасходную смету по содержанию ее на 1913–1914 учебный год»²⁵. Покойный Антоний, по высказыванию Серафима, – «первая жертва этого дела», пошёл на риск ради «исполнения начатого предприятия», семинария оказалась «заложенной на песке»: денег на её обустройство выделили настолько мало (5845 руб. вместо ожидаемых 13 213 руб.), что пришлось переиначить проект уже строящегося здания. Более того, обнаружились запреты Антония на передачу имущества из ТДС в КДС²⁶! Получалось, архиепископ ввёл в заблуждение Синод (!), и последняя оказалась «частным учебным заведением, содержащимся исключительно на частные жертвы экономического управления Архиерейского дома и монастырей»²⁷.

Стараясь быть объективным, Серафим отмечал, что по определению ТДС не могла стать «донором» открывющейся в 1913 г. кашинской семинарии, поскольку на содержание даже губернского учебного заведения (ТДС) не хватало 7 236 р. на покрытие текущих расходов, на следующий год требовалось уже 18 625 руб., но они не поступили ни от духовенства, ни из государственного казначейства, плюс требовалось 85 тыс. руб. на строительство. А имущество тверской семинарии настолько ветхое, что дешевле купить новое, чем перевозить его. Резюме архиепископа прозвучало резко и

²³ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 57.

²⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 222 об.

²⁵ Там же. Л. 159.

²⁶ Там же. Л. 223.

²⁷ Там же. Л. 159–161.

неожиданно: закрыть КДС и вместо неё открыть частную гимназию, а строящееся здание передать духовному училищу²⁸.

Вслед за этим архиепископ Серафим обращается уже к обер-прокурору В.К. Саблеру с предложением упразднить кашинский Дмитровский монастырь ввиду его малочисленности (10 насельников), слабой финансовой обеспеченности и «весыма худого богослужения»²⁹. К тому же с началом строительства здания семинарии последний и вовсе оказался в неподобающих монастырскому порядку условиях: утратил значительную часть территории и «приобрел» шумное соседство³⁰. Тем самым появилась бы возможность использовать площади монастыря для обустройства семинарии, если она сохранит свой статус, и облегчить тем самым положение духовного училища.

Но время шло, а вопрос не решался. В декабре 1914 г. Серафим вновь обращается в Синод, категорично напоминая: то, что КДС «прожила» 1914 г. «без смуты» – случайность. Опираясь на опыт управления в четырех епархиях, он заключал: «Тверская епархия исключительно бедная, неустроенная, запущенная и скажу откровенно забытая», «... денег и на жалованье преподавателей КДС в епархии нет, тверской архиерейский дом весь в долгах и судится с московским домом. Монастырей мало и они тоже нуждаются, с церквей взимается до 80 % налога, и каждый пастырь платит из собственных средств 100 руб. на нужды епархии». В этом послании он предлагал провести ревизию всех училищ и закрыть уже два наиболее слабых из них. При этом могущественный архиерей признавался: «... этот вопрос мне одному разрешить непосильно, так как Тверское духовенство имело прежде в каждом уезде своё духовное училище и упорно держится этого желания до ныне, не обладая вообще широким кругозором и способностью возвышаться до нужд и стремлений всей епархии»³¹. На одной позиции с Серафимом стоял и ректор ТДС митрополит Вениамин (Федченков), но оба отдавали себе отчёт в том, что первый же епархиальный съезд отвергнет любое предложение о переводе свободных средств (если таковые найдутся) на обустройство КДС³².

В Тверь прибыл уже известный ревизор Савваитский, итоги ревизии не сообщили и решение не приняли. В епархии для экономии средств отказались от содержания епархиального миссионера, ожидаемого открытия школы псаломщиков и планируемого строительства свечного завода³³. По мнению Серафима – это губительные меры, но других вариантов попросту не было. К тому же в условиях военных действий тверские монастыри, храмы и даже некоторые священники на собственные средства открывали лазареты и приюты для раненых иувечных воинов, направляли пожертвования в столичные благотворительные учреждения (см. подробнее: Леонтьева Т.Г. Церковная благотворительность в годы Первой мировой войны //

²⁸ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 210–214 об.

²⁹ Там же. Л. 143.

³⁰ Там же. Л. 143 об.

³¹ Там же. Л. 272–272 об.

³² Там же. Л. 275–280.

³³ Там же. Л. 224.

Российская история. 2023. № 4. С. 153–164), и упрекать их в равнодушии к проблемам духовного образования нет оснований. При этом добиться ощущимой поддержки от Синода тоже не удавалось.

Но тверские не сдавались. Уже в начале 1915 г. в Петербург летит представление смотрителя КДУ Соколова о «громадном непоступлении [средств] на содержание семинарии» и долге на 1 января 1915 г. в 989 р. 11 к. с откровенным признанием: семинария в первый же год обанкротилась. Но, в отличии от архиепископа, он предлагал закрыть общежитие и просил особых ассигнований³⁴.

В марте 1915 г. Серафим, минуя Учебный комитет, напрямую обращается в Хозяйственное управление Синода к заместителю директора А.А. Осецкому. Уже более резко он отзыается об Антонии, отмечая, что никакая епархия и особенно «бедное тверское духовенство не в силах содержать двух женских училищ. Никакая богатая епархия не может выдержать затрат на две семинарии... при церковных сборах на семь училищ». В очередной раз пересказывая, что сотворил его предшественник, задается вопросом: как мог все это пропустить Хозяйственный комитет Синода³⁵. Ответ на это послание не обнаружен, да и был ли он?

В мае 1915 г. Соколов вновь пишет в Хозяйственное управление Синода: «семинария живет в долг» и не в состоянии заплатить даже 99 руб. за дрова³⁶. В ноябре 1915 г. этот долг покрыли. Но где же было взять еще 13 тыс. руб., которые дополнительно требовали подрядчики на строительство здания семинарии? Серафим просил обер-прокурора Саблера выделить хотя бы половину³⁷.

В июне 1915 г. наконец-то все ходатайства из Кашина и Твери рассмотрели в Учебном комитете Синода. По итогам обсуждения появилось официальное письмо в Хозяйственное управление, где предлагалось перевести средства, отпускаемые из государственного казначейства на строительство здания КДС, на иные её нужды. Не имея гарантий по выполнению этой рекомендации, в Кашине решили всё же провести набор на 1914–1915 учебный год. Лишь 24 августа 1915 г. последовало Определение Св. Синода объявить в «Церковном вестнике» и «Церковных ведомостях» об открытии второй семинарии в Тверской епархии³⁸, что на деле означало изменение/повышение статуса классов семинарии при Кашинском духовном училище и разрешение перевести их в еще недостроенное, но собственное здание. Новую (де-юре) семинарию щедро одарили: оплатили приобретение новой мебели (парти, доски, стулья, шкафы, вешалки, кафедры) в классные комнаты и помещения для персонала³⁹.

³⁴ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 187–188.

³⁵ Там же. Л. 222

³⁶ Там же. Л. 265.

³⁷ Там же. Л. 246.

³⁸ Там же. Л. 321

³⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 341–343.

Тем не менее проблемы оставались: с увеличением контингента требовались новые должности преподавателей и инспекторов, канцелярские товары, учебники и т. п.⁴⁰ Архиепископ Серафим, приглашённый в 1915 г. к участию в работе зимней сессии Св. Синода, а в феврале 1916 г. избранный в Государственный совет от монашествующего духовенства⁴¹, старался использовать свой авторитет и связи в Петербурге для изыскания дополнительных средств, но в условиях военного времени это было практически невозможно.

Сложности военного периода ощущались и в Кашине. Даже семинаристам пришлось потесниться: в помещениях вновь отстроенного здания в 1916 г. временно разместили военнопленных офицеров с прислугой (100 чел.), взяв на себя половину расходов за отопление⁴². За комфортное проживание «благодарные» пленники буквально разнесли его: до безобразия захламили комнаты, гвоздями изрыли штукатурку на стенах, выбили стекла, сорвали с петель двери, сломали оборудование кухни и санузлов, от чего выгребная яма растеклась, залила не только двор, но и монастырский пруд. Нанесённый ущерб оценивался крупной суммой, только для приведения здания в порядок требовалось более 3 тыс. руб. Усугубил ситуацию отказ администрации кашинского курорта подавать в семинарию электроэнергию⁴³.

В 1916 г. КДС буквально лихорадили текущие события. Из Твери сообщали, что деньги на погашение кредита (897 руб.) будут выданы, как только епархиальное духовенство перечислит в духовную консисторию 25 % от сборов с церквей епархии. Служившие в КДС постоянно требовали за что-то заплатить: трое сторожей требовали повысить жалование (получали 5 руб. в месяц) «ввиду крайней дороговизны жизни»; дьякон Завьялов – за хранение дома семинарского имущества; преподаватели, воспитатели, помощники инспектора ежегодно запрашивали доплату за совмещение должностей. Да и администрация, похоже, жила иллюзиями мирного времени: в марте 1917 г. планировала ввести должность духовника, пригласить преподавателя еврейского языка, оборудовать кабинет физики. Но все финансовые запросы отклонялись⁴⁴. Более того, Министерство вероисповеданий Временного правительства отменило «военные» надбавки преподавателям и предлагало выплачивать их из местных средств. 25 октября 1917 г. (!) из Кашинской семинарии телеграфировали в Москву: «Просьба выдать надбавки. Положение преподавателей критическое. Умоляем экстренно»⁴⁵.

⁴⁰ Там же. Л. 270.

⁴¹ Шкаровский М.В. Серафим (Чичагов) // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2021. Т. LXII. С. 554.

⁴² ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1542. Л. 140.

⁴³ Там же. Л. 58, 62, 114.

⁴⁴ Там же. Л. 1–3, 7, 93.

⁴⁵ Там же. Д. 1552. Л. 149, 174.

Действительно, дефицит средств на 1917 г. составлял 6 244 руб., из них 1979 руб. недополучила из ТДС. Пришлось воспользоваться остатками строительного капитала, частью прибыли свечного завода⁴⁶.

Строительство здания. Вспомним, что одновременно с описанными выше событиями велось строительство здания семинарии⁴⁷. Следует отметить, что варианты месторасположения и внутреннего устройства нового учебного заведения задолго до закладки первого камня обсуждались наряду с поисками средств на его открытие. Первый проект, составленный главным архитектором строительного отделения Тверского губернского правления В.И. Назариным ещё в 1910 г., был сильно изменён в сторону упрощения и удешевления. В окончательном варианте планировалось возвести трёхэтажное здание в неорусском стиле с актовым залом, 7-ю классами, квартирами для ректора и администрации (инспектора и двоих его помощников, надзирателя и эконома), спальни на 75 человек. Для бытовых нужд семинаристов планировалось в левой пристройке к основному зданию соорудить ватерклозет⁴⁸, а рядом с учебным корпусом возвести одноэтажные деревянные больницу и баню⁴⁹.

В спешном порядке и в бурных дискуссиях определялись с местом для стройки. К началу XX в. конфигурация города уже сложилась и наряду с проектированием приходилось задумываться об «уплотнении» пространства. В итоге все участники – заказчики и разработчики – единодушно договорились расположить семинарию «у алтарей Господних» – на территории Дмитровского монастыря, вблизи исторического центра Кашина, «отрезав» от него часть двора с хозяйственными постройками и огороды⁵⁰. Но и монастырское пространство оказалось тесным для семинарского комплекса, пришлось разобрать часть каменной ограды и две башни.

Закладка одного из самых крупных кирпичных сооружений города состоялась в день памяти великомученика Димитрия Ростовского (21 сентября 1913 по ст. стилю), такое совпадение не осталось незамеченным горожанами и воспринималось как добрый знак⁵¹. Архиепископ Антоний провозгласил в проповеди, что семинарии будет присвоено и размещено на вывеске имя «Вончаковская»⁵², но официального подтверждения не последовало, хотя это название осталось общидным и использовалось даже в переписке с Синодом⁵³. Строительство велось вплоть до 1917 г.

⁴⁶ ТЕВ. 1918. № 13–18. С. 5; ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 79, 83, 93.

⁴⁷ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 158.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 44.

⁴⁹ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область. Часть 5. М., 2023. С. 508.

⁵⁰ ТЕВ. 1913. № 40. С. 764; РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 143 об.

⁵¹ ТЕВ. 1913. № 40. С. 765.

⁵² Там же. С. 766; ГАТО. Ф. 575, Оп. 1. Д. 1545. Л. 66.

⁵³ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 187–188.

Кирпичное здание с парадным входом и множеством сдержанных украшений – арочных окон, кругой вальмовой крышей, карнизами, лучковыми перемычками, фризом с мотивом стилизованного «волчьего зуба» (орнамента с трёхгранный выемчатой резьбой) между первым и вторым этажами, парадной двухмаршевой каменной лестницей с чугунными узорчатыми перилами – представляло собой «образец рационалистического модерна с оттенком стилизации «национальных» мотивов»⁵⁴. Снаружи оно выглядело нарядным и добрым.

Однако уже частичный ввод в эксплуатацию обнаружил изъяны проекта и огрехи строителей.

Из письма архиепископа Серафима обер-прокурору А.Н. Волжину от 5 апреля 1916 г. следует, что для завершения строительства требуется новый проект и новая смета (общей стоимостью около 70 тыс.). Выделенных ранее средств не хватило на левое крыло здания, где планировалось разместить физический кабинет, помещение для образцовой школы, квартиру для учителей. К тому же церковь, устроенная по первому проекту в центре здания, не совсем церковь, а церковь-зала, мала и не может вместить всех семинаристов и находится рядом с их спальнями. По новому проекту церковь в левом крыле могла бы стать частью фасада, выходящего на город, и украсить здание семинарии⁵⁵. Ответ обер-прокурора на этот запрос не обнаружен.

1 июля 1916 г. Серафим телеграфирует Волжину (дословно, орфография и пунктуация сохраняется. – Т.Л.): «кашинской семинарии построенной по плану архитектора Андросова подвальный этаж в особенности кухня требуют полного переустройства неприемлем но через два месяца воспитанники сберутся потому прошу немедленно командировать Андросова для решения перестройки»⁵⁶.

На этот раз Синод отреагировал оперативно. 8 июля 1916 г. комиссия с участием представителя Хозяйственного комитета провела обследование здания и установила: кухни КДС расположены в подвальном помещении, посудные помещения находятся через коридор, освещение везде слабое из-за маленьких окон, двери низкие, не установлены раковины для мытья посуды, нет отвода грязной воды, не доделан пол, нет вентиляции и вытяжки из туалетов, стропила не закреплены, и многое другое (акт обследования изложен на трёх больших листах)⁵⁷.

Ликвидировать выявленные изъяны так же оперативно не удалось. В ноябре 1916 г. архиепископ Серафим сообщает уже следующему обер-прокурору Св. Синода Н.П. Раевскому, что занятия в новом здании начались, но имеется много недоделок, главное – нет водоснабжения, воду для питья, асенизации и парового отопления берут из пруда⁵⁸.

⁵⁴ Кириков Б.М. Указ. соч. С. 63; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. С. 513, 514.

⁵⁵ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 390.

⁵⁶ Там же. Л. 379.

⁵⁷ Там же. Л. 383–384.

⁵⁸ Там же. Д. 178, 413, 414.

Следующая и последняя комиссия прибыла в Кашин 30 января 1917 г. Представители Хозяйственного комитета, инженеры и строители, епархиальное руководство и ректор семинарии провели экспертизу новостройки. Согласно составленному акту количество дефектов не только не сокращалось, но скорее нарастало раз от раза. Здание оставалось без левого крыла, в пристройке (её возвели взамен как временную) оказались необорудованными ватерклозеты (вместо 22 горшков установлены 15). Строители не установили насос в колодце, не возвели над церковью купол с крестом, крест с главкой на парадном крыльце, не остеклили и не окрасили перегородки, отделяющие церковь от коридора, не оштукатурили часть коридоров в подвале, не установили две ванны с водогрейными колонками, кран в уборной, два зонта над входами, вторую дверь в котельную, не провели водопровод в кухнях, не сделали три камина. Комиссия отмечала, что в целом здание построено добротно, но в трёх местах уже обозначились трещины, полы и двери в некоторых помещениях рассохлись, протекают трубы в бачках уборных, часть батарей не прогревается, пол котельной заливается водой и далее – перечень на целую страницу. Неблагоустроенной осталась территория: забор не поставили, двор не замостили. В итоге здание и прилегающую территорию не приняли⁵⁹.

Семинаристы. Между тем на фоне организационно-финансовых неурядиц с 1913 г. учебный процесс в КДС шёл своим чередом. В составе учащихся первого набора оказались юноши из Тверской, Рязанской, Владимира, Ярославской, Новгородской епархий, их набирали по прошениям родителей или опекунов. Здесь же оказались и второгодники из ТДС. Преимущества при зачислении получали выпускники кашинского и краснохолмского духовных училищ и дети-сироты, специально для них открыли 5 стипендий, а для воспитанников из малообеспеченных семей – 7⁶⁰. Ежегодно, учитывая бедственное финансовое положение КДС и постоянный приток малоимущих воспитанников, Учебный комитет Св. Синода увеличил количество мест со стипендиями⁶¹. Сиротам и нуждающимся семинаристам назначали материальную помощь и из епархиального благотворительного фонда, понемногу жертвовали в пользу бедных учеников иные из священников⁶².

В условиях сословно-иерархичного общества духовная семинария становилась «социальным лифтом» для детей духовенства, крестьян и дальше больше горожан (вспомним, что накануне открытия КДС, в июле 1913 г., был издан закон об отмене платы за обучение для детей всех сословий). Как отмечалось выше, духовные школы стали первыми в ряду реализующих все-сословный и бесплатный принцип обучения⁶³, не стала исключением и от-

⁵⁹ РГИА. Ф. 799. Оп. 19. Д. 178. Л. 404–405.

⁶⁰ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 43; Д. 1554. Л. 35, 44, 54. Д. 1545. Л. 85.

⁶¹ Там же. Д. 1552. Л. 148.

⁶² ТЕВ. 1914. № 7. С. 94.

⁶³ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 3231. Л. 4.

крывшаяся семинария. Как следует из ведомостей об успеваемости и поведении семинаристов, социальный состав обучающихся по состоянию на 1916–1917 г. был следующим:

Таблица 2

Учащиеся Кашинской духовной семинарии из семей

Классы	Священников, чел.	Дьяконов, чел.	Псаломщиков, чел.	Преподавателей ДГУЗ	Мещан, чел.	Служащих канц. Заведений, чел.	Личных дворян,	Крестьян, чел.	Фельдшеров, чел.	Полицейских урядников, чел.	Почетных граждан, чел.	Почтальонов, чел.	Титулярных советников, чел.	Надворных советников, чел.
1	21	7	7	2				1	1	1		1		
2	12	6	6	3			1	2	1					2
3	24	6	12			2		2			1			
4	17	11	5		2			3	1	1	1		1	

Составлено по: ГАТО. Ф. 575. Оп.1. Д. 1546. Л. 1 об.–49.

Преобладание выходцев из духовного сословия очевидно, но примечательно другое: наряду с воспитанниками из крестьян, которые издавна обучались в духовных учебных заведениях для повышения социального статуса, заметен приток детей городских служащих.

Из характеристик, которые регулярно составлялись на обучающихся, следует, что в КДС оказались в большинстве малоспособные, нередко болезненные дети, с травматической памятью, неразвитой речью, «мало видевшие в жизни», из многодетных семей, но «... честные, скромные, религиозные»⁶⁴. Согласно заметкам семинарского врача, в каждой четверти учебного года в классах было по 5–6 неуспевающих по состоянию здоровья: кто-то из них получал направление на дальнейшее обследование, кому-то рекомендовалось усиленное питание (напр., бутылка молока в сутки), другим – дополнительные занятия с репетиторами и регулярное чтение. Однако среди них встречались и отъявленные лентяи, которых, впрочем, было немало и среди здоровых. Так или иначе, но по каждой дисциплине (!) учебного плана ежегодно назначались переэкзаменовки. Особенно трудными предметами для будущих священников считались Священное Писание, история, словесность⁶⁵.

Преподавательское сообщество, озабоченное текущей успеваемостью и результатами экзаменов за первый курс, не успело выработать единообразные меры воздействия на нерадивых подопечных. Началась Первая мировая война. Определением Св. Синода от 10 сентября 1914 г. ввиду сложностей военного времени и в случаях передачи помещений духовных учеб-

⁶⁴ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 10–10 об., 35 и др.

⁶⁵ Там же. Д. 1546. Л. 56 об.– 59, 80–84.

ных заведений под лазареты допускался перевод части контингента на домашнее обучение, перенос занятий на вечерние часы и сокращение учебного года⁶⁶.

Наряду со сбоями в учебном процессе обнаружились сложности и по воспитательной части, чему в духовных школах традиционно уделялось большое внимание. Как и в других семинариях, в КДС собрать всех воспитанников под одной крышей не удавалось, в общежитии поселились немногие, остальные жили на квартирах или у родственников и находились практически вне контроля инспектора. Общежитие КДС/КДУ находилось на самой пыльной улице Кашина, двор был очень тесным, пришлось разрешить учащимся выходить на прогулки в город⁶⁷. Словом, кашинская семинария – без собственного учебного корпуса, общежития, при вынужденной мобильности воспитанников не вполне соответствовала статусу бурсы как замкнутого сообщества. Но что отличало КДС на первых порах – достаточно сносное продовольственное снабжение и питание казенномкоштных учеников.

В довоенный период и в первом семестре 1914 г. питание было скромным, но сносным. В будни подавали символический завтрак: чай с белой булкой, по воскресеньям – пирог с ливером или капустой. Обеды отличались большим разнообразием: в обычные дни в меню значились мясные супы, жареное мясо с картофелем, рыба, в постные (трижды в неделю и в дни больших постов) мясные и рыбные блюда заменяли овощными или грибными супами, кашами, по вечерам подавали чай с черным хлебом, оладьи или горох с постным маслом. Иногда в меню появлялись селедка, винегрет, жареная печенька, рассольник⁶⁸. Но так воспитанники КДС благоденствовали недолго. Первые признаки надвигающего голода обнаруживались уже в 1915 г. А в 1916–1917 учебном году из кашинской городской управы ректору КДС поступило предписание: обязать воспитанников после рождественских каникул привезти с собой запас муки «ввиду бедственного положения» учебного заведения⁶⁹.

Война существенно повлияла на быт, настроения и поведение кашинских семинаристов. Иные из них под влиянием наставников активно поддерживали благотворительные акции, вместе с воспитанниками духовного училища проводили литературно-вокальные вечера, концерты, а средства от продажи билетов перечисляли в пользу благотворительного комитета великой княжны Татьяны⁷⁰.

Другие подались на войну добровольцами. Согласно «Ведомости о питомцах духовной школы принявших боевое участие во второй отечественной войне», в 1915–1916 гг. девять воспитанников вступили в ряды военнослужащих, трое – в офицерском звании, 6 – солдатами, один из них погиб.

⁶⁶ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода православного исповедания за 1914 год. Пг., 1916. С. 261.

⁶⁷ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1545. Л. 128.

⁶⁸ Там же. Л. 145, 146, 162, 163, 165, 173.

⁶⁹ Там же. Д. 1552. Л. 199.

⁷⁰ Там же. Д. 1542. Л. 16.

Первыми в их ряду оказался ученик 2 класса, сын дьякона Николай Морев. После краткосрочной подготовки уже в сентябре 1915 г. он попал в артиллерийский запасной дивизион, затем переведён в запасной пехотный, где учил военному делу солдат, и постоянно хлопотал об отправке на фронт, «... чтобы сражаться за царя и Родину». Но его отец долго не давал благословения юному патриоту, и только летом 1916 г. Мореву удалось отправиться воевать. В октябре 1915 г. Николай Майоров, сын священника, отказался от школы прапорщиков и сразу получил назначение на фронт. Никольский Иринарх, сын дьякона, в октябре 1915 г. окончил военное училище, прапорщиком отправлен с полком во Францию. Соколов Василий, сын протоиерея, поступил в московскую запасную артиллерийскую бригаду⁷¹.

В январе 1916 г. их примеру последовали Богоявленский Димитрий, сын священника, успешный ученик, который не прошёл комиссию по зрению в военное училище, но был отправлен на позиции. Лавров Александр, сын мелкого чиновника из Кашина, ученик слабых способностей, поступил на краткосрочные курсы в московское военное училище, затем попал в запасной батальон. В феврале–марте уходят в военное училище Спиридонов Василий, сын крестьянина, и Алексеев Михаил, сын фельдшера. В апреле вольноопределяющимся сразу в полк уходит сын священника Владимир Радикорский. В 1917 г. оказался в действующей армии и Михаил Ветлицкий⁷². Решением Св. Синода за всеми добровольцами сохранялось право восстановления по окончании службы⁷³.

Оставшиеся в стенах семинарии, как «сознательные граждане... строят свободу». Уже весной 1917 г. в каждом классе они избрали ученический комитет и вступили в борьбу за свои права с администрацией. Начали с письменной просьбы допустить их представителя на заседания Правления и педагогических собраний. Пока члены Правления размышляли, появилось второе послание, где требования излагались уже в более категоричной форме с запросом официального письменного ответа. Так же безапелляционно прозвучал ответ Правления семинарии: надобности в выборах постоянного делегата нет, но при возникновении сложных ситуаций представителя семинарского сообщества обещали приглашать на переговоры⁷⁴.

Несмотря на значительную удаленность даже от губернского центра, кашинские бурсаки присоединились к Всероссийскому союзу учащихся духовных учебных заведений и намеревались послать депутатов на всероссийский съезд учащейся молодёжи⁷⁵.

Эпилог. После издания СНК в декабре 1917 г. постановления о передаче из духовного ведомства в гражданское всех церковных учебно-воспи-

⁷¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 591. Л. 1 об., 80.

⁷² ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 1.

⁷³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора ... за 1914 год. С. 264.

⁷⁴ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 134, 135, 161.

⁷⁵ Там же. Л. 56.

тательных учреждений в ведение народного комиссариата по просвещению⁷⁶ служители церкви и преподаватели духовных учебных заведений отмечали: тяжесть этой утраты несравнима даже с потерей «миллионного достояния» всего церковного ведомства. Особое беспокойство вызывала отмена Закона Божьего⁷⁷.

В апреле 1918 г. Поместный собор постановил сохранить духовные училища и семинарии в ведении церкви. Опираясь на это решение и учитывая вызовы новой власти, Патриарх и Высший церковный совет по управлению РПЦ призывали «произвести в них необходимые улучшения» и «оградить духовную школу от посягательства на нее сторонних лиц и учреждений». Преподавательским корпорациям рекомендовалось немедленно принять превентивные меры: потребовать разъяснения механизма передачи/сохранения движимого недвижимого имущества (зданий, библиотек, учебного инвентаря и т. п.) и по возможности не прерывать учебный процесс. Высшее руководство церкви надеялось на содействие местных епархиальных собраний духовенства и мирян⁷⁸. В мае высшее церковное руководство запросило от епархиальных владык планы улучшения деятельности всех духовных школ России, выработанные «педагогическими корпорациями совместно с родительскими комитетами». В Тверской епархии центром обсуждения модели обновления духовного образования становится Тверская духовная семинария, педагогическое собрание которой высказалось о «желательно меньшей опеке над учащимися», пользе ученических (по классам) и общесеминарского советов и более того – о «праве учащихся на участие в политической жизни на основании возраста». Общественно-политическое воспитание предлагалось вести через чтение и обсуждение книг, посещение специальных лекций преподавателей. Следует отметить, что примерно такие же предложения поступили в Синод и от других семинарий⁷⁹.

Однако судьба духовных школ в новой России была предрешена: 1917–1918 учебный год стал последним для большинства из них. В числе первых оказалась закрытой и Кашинская семинария: уже в декабре 1918 г. Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов г. Кашина издал распоряжение о передаче ее в «отнароб» (отдел народного образования) и переименовании в 1-ю Кашинскую Советскую Школу 2-й ступени⁸⁰.

Кашинская духовная семинария, пожалуй, единственная в Российской империи с такой короткой и сложной «биографией». Процесс её организации растянулся почти на четверть века, а реальная деятельность ограничивается пятью годами. С конца 1880-х гг. до 1918 г. сменилось 6 тверских архиереев, 11 обер-прокуроров Св. Синода. Но утвердить семинарию в статусе самостоятельного учебного заведения так и не удалось. В бытовой речи,

⁷⁶ Русская церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотографии / отв. ред. Я.Н. Щапов. М., 1996. С. 21–22.

⁷⁷ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1299. Л. 1.

⁷⁸ ТЕВ. 1918. № 24–28 (30.06–15.07). С. 12–13.

⁷⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 269. Л. 47–48; Д. 243. Л. 4–18.

⁸⁰ ГАТО. Ф.Р-232. Оп. 3. Д. 8. Л. 11.

в деловой переписке, в церковной прессе она именовалась семинарией. Но в последнем опубликованном отчёте обер-прокурора Св. Синода в списках учебных заведений упоминались лишь «семинарские классы при Кашинском духовном училище»⁸¹. Однако, несмотря на короткий срок деятельности и отсутствие полного выпуска, КДС оставила след в церковной истории. Потребность городских слоев в образовании нарастила. Как никакое другое учебное заведение в Тверской губернии, КДС воплощала принцип всесловности. Отсутствие базового образования (ДУ) у значительной части воспитанников не помешало иным из них достичь «профессиональных» высот. К примеру, в числе известных студентов КДС – будущий архиепископ Констомской и Галичский Кассиан (Сергей Николаевич Ярославский)⁸².

Не менее важно отметить, что документный корпус, привлечённый к данному исследованию, среди прочего отражает важные нюансы поведения низового епархиального духовенства в рассматриваемый период, нарастание в его рядах напряжённости, обострения внутрицерковной конфликтности, усугубленной войной и начавшейся революцией. Закалённое сопротивлением епархиальным архиереям и стоявшим за ними бюрократическим структурам Св. Синода в решениях «семинарского вопроса», в феврале–марте 1917 г. оно выплеснуло своё недовольство на действующего владыку Серафима (Чичагова)⁸³ и обнаружило редкостную солидарность, добиваясь его отстранения от управления епархией. Несправедливые (на мой взгляд) нападки на правящего архиерея заслонили не только от современников, но и от историков его истинную роль в развитии духовного образования в Тверской епархии.

Список литературы:

1. Зонтиков Н.А. Кассиан (Ярославский) // Православная энциклопедия. М., изд-во Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. Т. XXXI. С. 520–521.
2. Иларион (Алфеев), иером. Православное богословие на рубеже столетий. М., Крутицкое подворье, 1999. – 426 с.
3. Кириков Б.М. Кашин. Л., изд-во «Художник РСФСР», 1988. – 224 с.
4. Рогозный П.Г. Церковная революция. 1917 год. СПб., изд-во «Лики России», 2008, 224 с.
5. Шкаровский М.В. Серафим (Чичагов) // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., изд-во Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2021. Т. LXII.

Об авторе:

⁸¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора... за 1914 год. Приложение. С. 63.

⁸² Зонтиков Н.А. Кассиан (Ярославский) // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. XXXI. С. 520–521. Коркунов В.И. «Это было, было...». Краеведческие очерки. Тверь, 2008.

⁸³ См. подробнее: Рогозный П.Г. Церковная революция. 1917 год. СПб., 2008. С. 98–110.

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31); e-mail: kroneko@mail.ru

«Laid in the sand»: Kashinsky Theological Seminary of the Tver Diocese in 1913–1918 according to the documents of the Russian Academy of Sciences and the GATO (part 2)

T.G. Leontieva

Tver State University, Tver, Russia

Based on the documents of the funds of the Educational Committee and the Chief Prosecutor of the Holy Synod (Russian State Historical Archive, RGIA), journals of meetings and presentations of the pedagogical assemblies of the Tver Theological Seminary, office correspondence, journals and minutes of diocesan congresses of the Tver clergy and church elders (the State Archive of the Tver Region, GATO), publications of "Tver The activities of Kashinsky Theological Seminary, the second in the Tver diocese, are restored in chronological order. The role of the Tver archbishops and the Tver clergy in the formation of a new educational institution, the organization of the educational process, and the way of life of seminarians are shown. This topic has not been reflected in historiography, a significant part of archival documents is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: *Tver Diocese, Kashin, Kashinsky Theological Seminary, Tver Theological Seminary, Archbishop Anthony (Karzhavin), Archbishop Serafim (Chichagov), Holy Synod, merchants of the Wonchakovs.*

About the author:

LEONTIEVA Tatiana Gennad'evna – the Doctor of History, the Professor, the Dept of Russian History, The Tver State University (Russia, 170100, Tver, Treхsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References:

- Zontikov N.A., *Kassian (Yaroslavskij)*, Pravoslavnaya enciklopediya, M., izd-vo Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaya enciklopediya», 2013, T. XXXI. S. 520–521.
- Ilarion (Alfeev), ierom., *Pravoslavnoe bogoslovie na rubezhe stoletij*, M., Krutickoe podvor'e, 1999. – 426 s.
- Kirikov B.M., *Kashin*, L., izd-vo «Hudozhnik RSFSR», 1988. – 224 s.
- Rogoznyj P.G., *Cerkovnaya revolyuciya. 1917 god*, SPb., izd-vo «Liki Rossii», 2008. – 224 s.

Shkarovskij M.V., *Serafim (Chichagov)*, Pravoslavnaya enciklopediya, pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla, M., izd-vo Cerkovno-nauchnyj centr «Pravoslavnaya enciklopediya», 2021. T. LXII.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 929(47)-089 Ковалевская
DOI 10.26456/vthistory/2025.1.038–053

Софья Ковалевская в восприятии П.А. Кропоткина: конструирование образа математика и литератора

В.С. Трофимова

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассмотрен забытый к настоящему времени некролог профессора математики Софьи Васильевны Ковалевской, написанный ученым и теоретиком анархизма Петром Алексеевичем Кропоткиным и опубликованный в естественнонаучном журнале «Nature» в феврале 1891 г. Устанавливается авторство П.А. Кропоткина; рассматривается образ С.В. Ковалевской в его «Записках революционера» и переписке. Проводится сравнение с другими некрологами С.В. Ковалевской с привлечением широкого круга русских и иностранных источников, которые ранее глубоко не анализировались исследователями. Попутно уточняется библиография работ П.А. Кропоткина, опубликованных в журнале «Nature» в 1880-е гг. В этом некрологе и в других сочинениях П.А. Кропоткин создает сбалансированный образ С.В. Ковалевской – учёного-математика и писательницы.

Ключевые слова: Софья Ковалевская, Петр Кропоткин, образ учёного, литературное творчество, некролог.

Посмертный образ выдающегося математика и литератора Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891) создавался различными средствами – текстовыми и визуальными. В то время как её автобиографические сочинения нередко рассматриваются как источники сведений о детстве и отрочестве русской дворянки XIX в., её некрологи до сих пор не привлекали пристального внимания исследователей¹. Между тем, некролог – важный историко-биографический источник. Если покойный был личностью малоизвестной, то изучение некролога становится едва ли не единственной возможностью осветить его жизненный путь. Если, напротив, это был человек зна-

¹ Белова А.В. «Я страшно зла на мою мать»: репродуктивное соперничество в семьях российских дворян XVIII – XIX веков // Новый исторический вестник. 2018. № 1(55). С. 87, 89; Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 45–63.

менитый, некрологи становятся средством конструирования образа покойного, закрепления ключевых фактов (или легенд) его жизни и деятельности. В обоих случаях некролог – важный инструмент мемориализации.

Относительно С.В. Ковалевской нельзя согласится с мнением её по-други М.В. Мендельсон-Залесской, что после её смерти «только краткие газетные заметки и немногочисленные некрологи» сообщили её друзьям, ученикам и широкой публике о смерти учёного, и «после этого все умолкли»². Длинный список откликов на смерть выдающейся женщины-математика, который приведён в рубрике «Архивные и литературные справки» в изданиях её «Воспоминаний и писем», свидетельствует об интересе к её личности со стороны ведущих периодических изданий России и Швеции³. Её некрологи появлялись по всему миру⁴. О покойной писали такие газеты, как «Новое время», журналы «Русская мысль» и «Вестник Европы»; смерть С.В. Ковалевской оплакивали шведские журналисты; не прошло это событие незамеченным и в Германии⁵. Красочное описание реакции на кончину учёной и университетского профессора приводит в своей биографии Л.А. Воронцова, которая упоминает венки от университетов и академий, от Высших женских курсов, Женского союза Фредерики Бремер, различных скандинавских женских организаций, а также Петербургской академии наук, а, кроме того, специальное заседание Московского математического общества 19 февраля 1891 г. с докладами А.Г. Столетова, П.А. Некрасова и Н.Е. Жуковского⁶. Примечательно, что частично этот фрагмент из биографии С.В. Ковалевской основан на сообщении о её похоронах в газете «Новое время», в котором дан и текст телеграммы Петербургской академии наук; между тем, собственно списка некрологов Л.А. Воронцова в библиографии не приводят⁷. Что касается англоязычных некрологов и некрологов на других языках, то в «Воспоминаниях и письмах» С. Штрайх приводит лишь одну статью на английском языке за 1892 г. и несколько более поздних статей на английском и французском языках⁸.

Дореволюционные, советские и российские исследователи также не восполнили этот пробел. В биографии С.В. Ковалевской, написанной её по-другой – математиком Е.Ф. Литвиновой, о некрологах ничего не сказано⁹. С.

² Мендельсон-Залесская М. Воспоминания о Софье Ковалевской // Современный мир. 1912. № 2. С. 134.

³ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М., 1961. С. 556–557.

⁴ Koblitz A. H. Science, Women and Revolution. Amsterdam, 2000. P. 110.

⁵ Новое время. 1891. 30 января (11 февраля). № 5360. С. 3; Новое время. 1891. 31 января (12 февраля). № 5361. С. 2; Новое время. 1891. 7 (19) февраля. № 5368. С. 1; Новое время. 1891. 13 (25) февраля. № 5374. С. 2; Русская мысль. 1891. № 2. С. 258; Вестник Европы. 1891. № 3. С. 266.

⁶ Воронцова Л.А. Софья Ковалевская. М., 1957. С. 330, 332.

⁷ Там же. С. 337–339; Новое время. 1891. № 5374.

⁸ Ковалевская С.В. Указ. соч. С. 556–557.

⁹ Литвинова Е.Ф. Софья Ковалевская // Струве. Пастер. Боткин. Ковалевская: биографические повествования. Челябинск, 1999. С. 177–380.

Штрайх в своей биографии С.В. Ковалевской не говорит о них ни слова¹⁰. П.Я. Коцина цитирует единственный некролог – некролог известного немецкого математика, алгебраиста и специалиста по теории чисел Леопольда Кронекера (1823–1891), который тот опубликовал в старейшем математическом журнале Крелле – «Журнале по чистой и прикладной математике», существующем и поныне; в некрологе Кронекер говорил об исключительном таланте и значительной индивидуальности Ковалевской¹¹.

Исследовательница Э. Коблиц несколько восполняет пробелы в иноязычной историографии С.В. Ковалевской¹². Так, она приводит ссылку на некролог Софьи Ковалевской на французском языке, написанный полькой, уроженкой Санкт-Петербурга Евгенией Станиславовной Кербедз (1855–1946), и опубликованный в журнале математического кружка в Палермо *Rendiconti del Circolo Matematico di Palermo* 12 апреля 1891 г.¹³ По данным С.С. Демидова, госпожа Кербедз стала членом этого математического кружка в 1892 г.; по его мнению, «никакого заметного следа в развитии математики» она не оставила¹⁴. Её некролог С.В. Ковалевской – один из самых полных и приводится в списке литературы в статье в «Британской энциклопедии» за 1911 г.¹⁵ Более того, Э. Коблиц прослеживает, как мифологизировался образ Софьи Ковалевской после её смерти и почему происходили те или иные искажения её образа, но к некрологам она при этом не обращается, анализируя лишь более поздние статьи и биографии¹⁶. Ни советские, ни иностранные работы о С.В. Ковалевской не рассматривают некролог из ведущего естественнонаучного журнала мира – журнала «Nature» за 1891 г. Мы намерены восполнить этот пробел, раскрыв личность автора некролога, рассмотрев этот текст в контексте других некрологов С.В. Ковалевской и проанализировав, какой образ создает автор этого некролога.

19 февраля 1891 г. в журнале «Nature» был опубликован некролог под названием «Профессор Софья Ковалевская» за подписью «Р.К.»¹⁷. За этими инициалами скрывался видный ученый и философ, знаменитый революционер, идеолог анархизма, князь П.А. Кропоткин.

Псевдоним «Р.К.» был раскрыт Е.В. Старостиным в «Библиографическом указателе печатных трудов» П.А. Кропоткина, где отмечалось, что выбор

¹⁰ Штрайх С.С. Ковалевская. М., 1935.

¹¹ Коцина П.Я. Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). М., 2021. С. 177.

¹² См.: Koblitz A.H. A Convergence of Lives. Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary. New Brunswick, N.J., 1993.

¹³ Kerbedz E. de. Sophie de Kowalevski // Rendiconti del Circolo Matematico di Palermo. 1891. 12 April. Vol. 5. P. 121–28.

¹⁴ Демидов С.С. Circolo matematico di Palermo и формирование международного математического сообщества в конце XIX – первой трети XX века // Труды VIII Международных Колмогоровских чтений: сборник статей. Ярославль, 2010. С. 47.

¹⁵ Kovalevsky, Sophie // Encyclopedia Britannica. 1911. Vol. 15. P. 921.

¹⁶ Science, Women and Revolution. P. 110.

¹⁷ K. P. Professor Sophie Kovalevsky // Nature. 1891. 19 February. Vol. 43. P. 375–376.

этого псевдонима был вызван «специфическими условиями издательства»¹⁸. Именно так были подписаны многие его статьи в «Британской энциклопедии» и «в многочисленных научных журналах и газетах»¹⁹. Подпись «Р.К.» присутствует под многими его статьями в журнале «Nature» за 1880-е гг.; часть из них приводит Е.В. Старостин²⁰. Между тем, этот список далеко не полный, и ниже мы постараемся восполнить данный пробел, во всяком случае, относительно 1880-х гг. В.А. Маркин упоминает инициалы «Р.К.», говоря о географических заметках, опубликованных в журнале «Nature»²¹.

П.А. Кропоткин начал сотрудничество с журналом «Nature» ещё в конце 1870-х гг. после бегства из тюрьмы в Петропавловской крепости в Петербурге и приезда в Англию. В «Записках революционера» он вспоминал, что «поселившись в Лондоне» сразу же отправился в редакцию журнала «Nature», где его «очень хорошо принял помощник редактора Кельти»; издатель журнала хотел «расширить отдел заметок» и считал, что П.А. Кропоткин составляет их «именно как нужно», вследствие чего ему «отвели в редакции стол, на котором сложили груду научных журналов на всяких языках»²². Джон Скотт-Келти (1840–1927), шотландский географ, был помощником редактора журнала «Nature» с 1873 г. Среди прочих его заслуг, он был сторонником женского участия в работе Королевского географического общества в Англии²³. Кропоткин рассказывает о забавном случае в связи с сотрудничеством в журнале «Nature», когда Келти попросил написать рецензии на его собственные работы о ледниковом периоде и орографии Азии; Кропоткин хотел было отказаться, но Келти сказал, что ему не нужно хвалить или ругать автора, а можно просто изложить содержание его трудов; так началась их дружба, которая продолжалась не одно десятилетие²⁴. В 1882 г. он был занят изложением для «Nature» взглядов Норденшёльда на Северные сияния, в результате чего появились те журнальные статьи, которые включил в библиографию его работ Е.В. Старостин. П.А. Кропоткин, помимо английского и французского языков, прекрасно знал шведский, о чём свидетельствует его письмо Льву Мечникову от 12 апреля 1883 г.: «Что до шведского, я на нем читаю с такой же легкостью, как и по-английски. И пожалуй, он мне нравится даже больше, чем немецкий, причём я даже не прибегаю к словарю»²⁵. Между тем, в журнале «Nature» он публиковал, прежде всего, материалы, касающиеся России и русских исследователей. В

¹⁸ П.А. Кропоткин (1842–1921). Библиографический указатель печатных трудов / Сост. Е.В. Старостин. М., 1980. С. 177.

¹⁹ П.А. Кропоткин (1842–1921). Библиографический указатель печатных трудов. С. 180.

²⁰ Там же. С. 38 (см. пункты 254, 255 в его списке П.А. Кропоткина).

²¹ Маркин В.А. Петр Кропоткин. Иркутск, 1992. С. 184.

²² Кропоткин П.А. Записки революционера. Полная версия. М., 2023. С. 390.

²³ Ferretti F. Publishing anarchism: Pyotr Kropotkin and British print cultures 1876–1917 // Journal of Historical Geography. 2017. N 57. P. 22.

²⁴ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 390–391.

²⁵ Кропоткин П.А. Письмо Льву Ильичу Мечникову // П.А. Кропоткин. Письма. [Электронный ресурс]. URL: <https://oldcancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters88.htm> (дата обращения: 05.11.2024).

1882 г. Кропоткин опубликовал критическую рецензию на книгу английского путешественника и протестантского миссионера Генри Лансделла «Через Сибирь»²⁶. В 1883 г. он написал статью «География Кавказа»²⁷. В следующем году он рецензирует книгу Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии»²⁸. В 1885 г. Кропоткин рассказывал об исследованиях Памира²⁹. В 1886 г. он опубликовал рецензию на книгу И.В. Мушкетова «Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным собранным во время путешествий с 1874 и 1880»³⁰. В 1888 г. он написал о книге Н.М. Пржевальского «От Кяхты на истоки Желтой реки» и в том же году опубликовал развернутый некролог Н.М. Пржевальского³¹. Все эти работы были напечатаны под псевдонимом «Р.К.». В 1887 г. он публикует под псевдонимом «Р.А.К.» статью о путешествии Г.Н. Потанина по Восточному Тибету и пустыне Гоби³². Кроме того, П.А. Кропоткин рассматривал отчёт о деятельности Императорской академии наук за 1890 г. в статье 1891 г., снова подписав свой материал инициалами «Р.К.»³³. В этом обзоре, однако, о деятельности Софьи Ковалевской как члена-корреспондента академии Кропоткин ничего не говорит – по всей видимости, в отчёте об этом также ничего не было.

В советских и российских биографиях С.В. Ковалевской о её знакомстве с П.А. Кропоткиным не говорится практически ничего. В биографиях П.А. Кропоткина С.В. Ковалевская не упоминается вовсе³⁴. В «Воспоминаниях и письмах» в список литературы включены его «Записки революционера», и единственная среди советских биографов Ковалевской – Л.А. Воронцова – сообщает о том, что Ковалевская сблизила свою подругу, шведскую писательницу Эллен Кей с П.А. Кропоткиным³⁵. Между тем, в «Записках революционера» имеется отрывок, посвящённый С.В. Ковалевской, в котором он пишет, что она изучала «математику в Берлине под руководством Вейерштрасса» и стала «впоследствии профессором Стокгольмского университета. Кажется, она была первый профессор-женщина в мужском университете, по крайней мере в XIX веке. Ковалевская была так молода, что в Швеции все называли её не иначе как уменьшительным именем»³⁶. В книге «Мои воспоминания о Пе-

²⁶ K. P. Through Siberia // Nature. 1882. Vol. 25. P. 582.

²⁷ K. P. Geography of the Caucasus // Nature. 1883. Vol. 27. P. 470–472.

²⁸ K. P. [Book Reviews] // Nature. 1884. Vol. 29. P. 501.

²⁹ K. P. Recent Explorations of the Pamir. Nature. 1885. Vol. 32. P. 59–61.

³⁰ K. P. Geology of Turkestan // Nature. 1886. Vol. 34. P. 237–238.

³¹ K. P. Prjevalsky's Fourth Journey to Central Asia // Nature. 1888. Vol. 39. P. 121–123; K., P. N. M. Prjevalsky // Nature. 1888. Vol. 39. P. 31–34.

³² K. P. A. M. Potanin's Journeys in East Tibet and East Gobi // Nature. 1887. Vol. 37. P. 141–142.

³³ K. P. The St. Petersburg Academy of Science // Nature. 1892. Vol. 43. P. 404.

³⁴ См., например: Дамье В., Рублев Д. Кропоткин: жизнь анархиста. М., 2022; Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М., 2002; Маркин В.А. Петр Кропоткин и др.

³⁵ Воронцова Л.А. Указ. соч. С. 263.

³⁶ Кропоткин П.А. Записки революционера. С. 254.

тербурге» 1906 г. он напрямую называет С. Ковалевскую «выдающимся математиком» и отмечает, что «в Швеции ее называли не иначе, как Соня»³⁷. Примечательно, что в этом издании он столь однозначно высоко оценивает ее математические способности.

В отличие от советских биографов, Э. Коблиц напрямую называет Кропоткина одним из друзей С. Ковалевской и подчёркивает, что она снискала его похвалу³⁸. Однако она не раскрывает, в чём именно выражалась эта дружба, существовала ли между ними переписка и что именно их связывало между собой.

У Кропоткина и Ковалевской было немало общих знакомых. Кропоткин постоянно находился на связи с П.Л. Лавровым, который жил в Париже и у которого нередко бывала и сама Ковалевская. В лекциях по русской литературе он с большой теплотой говорил о друге, до конца жизни сохранившем верность своим идеалам³⁹. Сохранилась переписка Кропоткина с М.М. Ковалевским, например письмо от июня 1912 г., в котором Кропоткин говорит о том, что они давно не встречались – «вот уже столько лет!»⁴⁰. Сохранилась и открытка, отправленная П.А. Кропоткиным Э. Кей в апреле 1909 г. на английском языке насчёт книги «Великая французская революция», подписанная «Р.К.», но вернувшаяся отправителю⁴¹.

Кропоткин интересовался переводом биографии С.В. Ковалевской на английский язык. В письме Г. Брандесу от 29 мая 1896 г. он отмечает, что «есть даже одна дама с докторской степенью, которая перевела биографию Ковалевской со шведского, притом очень хорошо перевела»⁴². Биография Софьи Ковалевской, написанная её подругой А.Ш. Леффлер, вышла в Лондоне в 1895 г. в английском переводе Энни Маргарет Клайв Бэйли (1852–1924). Эта женщина была также автором путешествия по Финляндии. Других сведений о ней пока обнаружить не удалось.

Помимо общих знакомых, необходимо отметить, что С.В. Ковалевская питала определённый интерес к анархизму. В письме к польской революционерке Марии Мендельсон от 19 января 1884 г. она выражает своё к нему отношение. Ковалевская пишет, что анархизм – это крайняя и идеальная форма, которая должна «обеспечить мирную жизнь человеческому роду», однако считает, что в силу сложившихся обстоятельств необходима переходная форма правления, вероятнее всего, имея в виду социализм⁴³. Факти-

³⁷ Кропоткин П.А. Мои воспоминания о Петербурге. Санкт-Петербург, 1906. С. 35–36.

³⁸ A Convergence of Lives. Р. 7, 111.

³⁹ Кропоткин П. Русская литература и действительность. Курс лекций. М., 2003. С. 272.

⁴⁰ Кропоткин П.А. Письма [Электронный ресурс]. URL: <https://old-cancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters91.htm> (дата обращения 05.11.2024).

⁴¹ Государственный архив Российской Федерации (алее – ГА РФ). Ф. 1129. Оп. 2. Д. 73. Открытка, вернувшаяся адресату.

⁴² Кропоткин П.А. Письма [Электронный ресурс]. URL: <https://old-cancer.narod.ru/Nonfiction/PAK-Letters89.htm> (дата обращения 05.11.2024).

⁴³ Ковалевская С.В. Указ. соч. С. 275.

чески, её слова о «мирной жизни» людей при анархии созвучны идеям самого Кропоткина. Ковалевская интересуется новыми изданиями «Народной Воли», жалуется, что П.Л. Лавров не ответил на её просьбу сообщить, какие новые издания этой газеты вышли в свет и где их можно найти⁴⁴. Ковалевская отмечает, что в Швеции можно было бы создать солидную социалистическую партию, так как есть много людей, интересующихся социалистическими идеями⁴⁵. Она возлагает надежду на будущие поколения, «более просвещенные и освобожденные от устаревших уз», которые быстрее, чем люди её поколения, «смогут избрать окончательную форму правления»⁴⁶. Задача её поколения – сама борьба⁴⁷.

Некролог Софии Ковалевской П.А. Кропоткин основывает на шведском материале: «Шведские газеты приносят нам печальную новость о смерти профессора математики Стокгольмского университета, г-жи Софии Ковалевской»⁴⁸. Кропоткин специально останавливается на последних днях жизни покойной: «Она провела рождественские каникулы на юге Франции, вернулась в Стокгольм 4 февраля и начала курс лекций 6-го числа. Вечером того же дня она почувствовала себя плохо, а 10-го числа умерла от приступа плеврита»⁴⁹. Примечательно, что он не забывает отметить тот факт, что недолго до смерти Ковалевская читала лекции в университете. Далее П.А. Кропоткин приводит биографические сведения о Ковалевской, которые не отличаются точностью. Он ошибочно (та же ошибка была в анонимном некрологе в журнале «Русская мысль», а также в уже упоминавшемся некрологе Е.С. Кербедз) называет годом её рождения 1853 г. Изабелла Флоренс Хэпгуд, американская переводчица Л.Н. Толстого и Н.В. Гоголя, которая перевела на английский язык «Воспоминания детства» С.В. Ковалевской, утверждает, что этот год рождения указывала близкая подруга Ковалевской химик Ю.В. Лермонтова⁵⁰. Выдающийся русский физик, один из основателей современной электротехники, создатель физической лаборатории при Московском университете А. Г. Столетов утверждал обратное⁵¹. П.А. Кропоткин также мог ориентироваться на некролог Эллен Кей, в котором сказано, что Ковалевская родилась 27 (15) декабря 1853 г.⁵². Кропоткин отмечает влияние, которое оказал на С.В. Ковалевскую её дядя, известный инженер Шуберт, и далее заявляет, что она рано потеряла и мать, и отца. Её мужа он называет «известным московским профессором палеонтологии»; эта информация содержалась в некрологе Э. Кей, однако П.А. Кропоткин мог

⁴⁴ Там же. С. 275.

⁴⁵ Там же. С. 275–276.

⁴⁶ Там же. С. 275.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Professor Sophie Kovalevsky. P. 375.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Sónya Kovalévsky. Her Recollections of Childhood. Translated from the Russian by Isabel F. Hargood. New York, 1895. P. 315. App. 1.

⁵¹ Столетов А.Г. Русская женщина-математик С.В. Ковалевская. Биографический очерк проф. А.Г. Столетова // Наука и жизнь. 1891. Май. № 23. С. 354.

⁵² Key E. Sonja Kovalevsky // Tidskift Dagny. 1891. N 3. P. 70.

знать о назначении В.О. Ковалевского в конце 1880 г. штатным доцентом кафедры геологии и палеонтологии Императорского Московского университета и из других источников⁵³. Кропоткин также упоминает о смерти Ковалевского в 1883 г., не приводя никаких подробностей.

Кропоткин особое внимание уделяет математическому образованию, которая получила С.В. Ковалевская сначала в Гейдельбергском университете, в который она была «принята студенткой» в 1869 г. и где «начала изучать высшую математику», а затем в Берлине у Вейерштрасса «с 1871 по 1874 год»⁵⁴. Похожую информацию предоставила и газета «Новое время» во втором по счёту некрологе, и Э. Кей⁵⁵. Кропоткин вслед за Э. Кей верно указывает, что «степень доктора философии» Ковалевская получила в Геттингене⁵⁶. Эта информация также содержится в третьем по счёту некрологе на первой полосе газеты «Новое время»⁵⁷. Относительно профессорской карьеры Ковалевской Кропоткин указывает, что в июне 1884 г. «ей предложили кафедру высшего математического анализа в Стокгольмской высшей школе с условием, что она будет читать лекции в течение первого года на немецком языке, а затем на шведском»⁵⁸. Он высоко оценивает её успехи на новом по-прище: «Ей это удалось, и весьма успешно: некоторые из её шведских учеников уже сами стали профессорами»⁵⁹. Таким образом, он делает важное замечание относительно Ковалевской-педагога, которая смогла за короткое время создать собственную научную школу. П.Я. Кочина называет одного из учеников С.В. Ковалевской – Эдварда Фрагмена, который слушал лекции Ковалевской в 1884 г. и начал преподавать в Стокгольмском университете в 1886 г.⁶⁰. Она также пишет о шведских математиках в биографии С.В. Ковалевской⁶¹. Далее Кропоткин приводит список из четырёх наиболее значительных, по его мнению, математических работ Ковалевской, среди которых неожиданно для современного исследователя его внимание привлекла небольшая работа «О распространении света в кристаллической среде», относительно которой он приводит информацию о её публикации в шведском журнале, а не только во французском⁶². Относительно этой работы Кропоткин замечает, что она является «частью более обширной работы, в которой г-жа Ковалевская показывает способы интегрирования некоторых уравнений в частных производных, которые играют важную роль в оптике»⁶³. Туже работу упоминает и третий по счёту некролог в газете «Новое время»

⁵³ Key. Op. cit. P. 73; Professor Sophie Kovalevsky. P. 375.

⁵⁴ Professor Sophie Kovalevsky. P. 375.

⁵⁵ Новое время. 1891. № 5361; Key. Op. cit. P. 72.

⁵⁶ Professor Sophie Kovalevsky. P. 375; Key. Op. cit. P. 73.

⁵⁷ Новое время. 1891. 7 (19) февраля. № 5368. С. 1

⁵⁸ Professor Sophie Kovalevsky. P. 375.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Кочина П.Я. Дж.Дж. Сильвестр и С.В. Ковалевская // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1957. Вып. 5. С. 161.

⁶¹ Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). С. 272–274.

⁶² Professor Sophie Kovalevsky. P. 375.

⁶³ Ibid. P. 375.

(название дано на немецком языке)⁶⁴. Л.А. Воронцова писала о внимании к этой статье со стороны ведущего французского математика того времени Шарля Эрмита, который считал «вопросы, касающиеся распространения света в кристаллической среде» представляющими «чрезвычайный интерес для физики, математики и для философии естествознания», а данное Софьей Ковалевской изложение этих вопросов называл ясным и точным, вследствие чего её заметка будет интересна миру «математиков и физиков»⁶⁵. Интерес к этой статье проявлял и Л. Кронекер⁶⁶. По всей видимости, П.А. Кропоткин был знаком с мнением французских и немецких математиков об этом исследовании С.В. Ковалевской и разделял его. Список трудов С.В. Ковалевской завершается в некрологе «Задачей о вращении твердого тела вокруг неподвижной точки», за которую она получила Борденовскую премию (в название премии в текст некролога вкраилась опечатка), удвоенную в связи с особыми заслугами автора перед математической физикой. Затем П.А. Кропоткин упоминает о её избрании членом-корреспондентом Петербургской академии наук⁶⁷.

Наиболее интересная часть некролога П.А. Кропоткина – часть, посвящённая литературной работе Софьи Ковалевской. Шведский историк искусств доктор философии, сотрудник Национального музея в Стокгольме Георг Гете называл Ковалевскую «прирождённой поэтессой»⁶⁸. Кропоткин называет её автобиографию – «Воспоминания детства» – «одним из лучших произведений современной русской литературы» и указывает, что она была опубликована в предыдущем году в одном из русских журналов⁶⁹. Автор краткого некролога в журнале «Русская мысль» также высоко оценил это сочинение⁷⁰. Автор короткого некролога в «Вестнике Европы» отмечал, что это сочинение раскрыло «такую сторону её таланта, которая до тех пор оставалась неизвестной, быть может, самой писательнице»⁷¹. Автор сообщения о смерти С.В. Ковалевской в газете «Новое время» также отмечал, что она «обладала и литературным талантом»⁷². Е.С. Кербедз и вовсе сравнила «Воспоминания детства» с романом «Детство. Отчество. Юность» Л.Н. Толстого «по глубине психологического анализа, свежести красок, правдивости описаний»⁷³. Надо отметить, что похожее мнение высказывали русские критики еще при жизни С.В. Ковалевской: М.И. Семевский сравнивал «Воспоминания» с произведениями И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, а А. Волын-

⁶⁴ Новое время. 1891. № 5368.

⁶⁵ Воронцова Л.А. Указ. соч. С. 197–198.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Professor Sophie Kovalevsky. P. 375.

⁶⁸ Goethe G. Sonja Kovalevsky: Vera Vorontzoff, berättelse ur ryska livvet // Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industry. Stockholm, 1892. P. 702.

⁶⁹ Professor Sophie Kovalevsky. P. 376.

⁷⁰ Русская мысль. 1891.

⁷¹ Вестник Европы. 1891.

⁷² Новое время. 1891. № 5360.

⁷³ Kerbedz. Op. cit. P. 128.

ский подчеркивал их творческий размах, всесторонний анализ и строгие границы поэтической меры и литературного такта⁷⁴. Гете отмечает, что «столь разные таланты, интеллектуальный и абстрактно-научный, должны исключать друг друга», и объясняет их соединение у Софии Ковалевской тем фактом, что она была гением, а для гения даже самая абстрактная наука не может существовать без воображения⁷⁵.

П.А. Кропоткин далее выделяет те её сочинения, которые были напечатаны на шведском языке и ещё не были к тому времени опубликованы в России. Он говорит о том, что «в 1887 г. она опубликовала в шведском журнале «Норна» введение к своему роману «Vae Victis!»»⁷⁶. Этот роман включает в список литературных трудов С.В. Ковалевской и Е.С. Кербедз, но более позднее издание – 1889 г⁷⁷. Скорее всего в текст некролога П.А. Кропоткина снова вкраилась опечатка. В романе, «Vae Victis!» – «Горе побеждённым!», по словам подруги С.В. Ковалевской Э. Кей, она «намеревалась изобразить бурный весенний взрыв молодой России наряду с историей любви отдельных лиц»⁷⁸. Другая подруга и соавтор Ковалевской, писательница и драматург Анна-Шарлотта Леффлер, назвала введение к этому роману поэтическим описанием «борьбы природы при пробуждении её к новой жизни весною, после продолжительного зимнего сна», причём весна здесь – грубая сила, которая «возбуждает массу надежд, но ни одной из них не осуществляет»⁷⁹. Г. Гете отмечал, что введение к этому роману отличает «чисто визионерская сила изображения», и это прекрасное повествование о природе, но сам роман С. Ковалевская «так и не успела завершить»⁸⁰. П.А. Кропоткин не даёт собственной оценки этого фрагмента романа Ковалевской, однако, возможно, именно философская составляющая, тема борьбы старого и нового привлекли его внимание как мыслителя и идеолога анархизма к этому небольшому по объёму тексту.

В качестве последнего литературного сочинения С.В. Ковалевской П.А. Кропоткин называет роман «Семья Воронцовых»⁸¹. Под таким названием в Швеции вышла в свет повесть «Нигилистка» – после «Воспоминаний детства» едва ли не самое известное её художественное произведение. На русском языке повесть была опубликована уже после смерти С.В. Ковалевской в 1892 г. с предисловием М.М. Ковалевского. Спустя год вышел шведский вариант повести. Г. Гете писал, что этому произведению «присуще тоже сочетание непосредственного чувства, естественности и детского тона»,

⁷⁴ Гитович И.Е. Ковалевская Софья Васильевна // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь: в 7 т. М., 1992. Т. 2. С. 575.

⁷⁵ Goethe G. Op. cit.

⁷⁶ Professor Sophie Kovalevsky. P. 376.

⁷⁷ Kerbedz. Op. cit. P. 127.

⁷⁸ Цит. по: Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). С. 200.

⁷⁹ Цит. по: Там же. С. 200–201.

⁸⁰ Goethe G. Op. cit.

⁸¹ Professor Sophie Kovalevsky. P. 376.

а также «богатого опыта и тонкого знания людей», как и произведениям лучших писателей «молодой литературы – русской, американской и норвежской»⁸². Это издание привлекло также внимание известного датского литературного критика Г.Брандеса, на которого эта повесть произвела весьма сильное впечатление благодаря жизненности сюжета и «верной по тону» обработке⁸³. Бытует мнение, что не существовало полного текста этой повести. Между тем, в некрологе П.А. Кропоткин пишет: «В последнем номере *Nordisk Tidskrift* (Скандинавского журнала о науке, искусстве и промышленности) она опубликовала под псевдонимом Таня Реревски (Раевская) фрагмент более длинного романа “Семья Воронцовых”, который она оставила в рукописи, полностью готовой к печати»⁸⁴. Действительно, шестнадцатстраничный отрывок «Нигилистки» был опубликован в выпуске этого журнала за 1891 г. Это был шведский вариант второй главы «Нигилистки» с некоторыми перестановками и изменениями по сравнению с русским изданием 1892 г.⁸⁵. Возможно, у П.А. Кропоткина был экземпляр этой рукописи, так как далее он заявляет: «В своём последнем письме к автору этих строк в декабре прошлого года она говорила о выпуске английской версии этого романа, который, хотя и был написан по-русски, не мог быть опубликован на ее родине»⁸⁶. Где находится переписка С.В. Ковалевской и П.А. Кропоткина, пока установить не удалось. В библиографии, составленной Е.В. Старостиным, а также в специальной статье, посвящённой переписке П.А. Кропоткина, имя Софьи Ковалевской не упоминается вовсе⁸⁷. Что касается английской версии «Нигилистки», то это произведение было напечатано в 1895 г. в переводе друга П.А. Кропоткина С.М. Степняка-Кравчинского с предисловием переводчика под названием «Вера Баранцова»; перевод основывался на русском издании 1892 г.⁸⁸

Далее П.А. Кропоткин возвращается к личности Ковалевской, отмечает её скромность и представляет её в центре интеллектуальной жизни как Швеции, так и Англии, при этом подчёркивая, что шведы считали её «своей профессоршей Соней»⁸⁹. Вслед за Э. Кей он даёт неверный возраст дочери Ковалевской Сони (Фуфы) – одиннадцать лет вместо двенадцати⁹⁰.

⁸² Goethe G. Op. cit.

⁸³ Цит. по: Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). С. 198.

⁸⁴ Professor Sophie Kovalevsky. P. 376.

⁸⁵ Rajevski T. Familjen Vorontsof: Fragment // Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industry. Stockholm, 1891. P. 14–30.

⁸⁶ Professor Sophie Kovalevsky. P. 376.

⁸⁷ П.А. Кропоткин (1842–1921). Библиографический указатель печатных трудов; Слэйттер Д. Письма Кропоткина как исторический источник // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 4. Идеи П.А. Кропоткина и естествознание. Вопросы биографии П.А. Кропоткина. М., 2002. С. 158–178.

⁸⁸ Kovalevsky S. Vera Barantzova. London, 1895.

⁸⁹ Professor Sophie Kovalevsky. P. 376.

⁹⁰ Ibid; Key. Op. cit. P. 73.

В конце некролога П.А. Кропоткин обращается к «Воспоминаниям детства» С.В. Ковалевской и приводит оттуда эпизод с обоями из литографированного курса Остроградского по математическому анализу, которые видела в детской маленькая Соня⁹¹. К этому эпизоду вслед за П.А. Кропоткиным обращались и другие авторы некрологов С.В. Ковалевской. Например, Е.С. Кербедз в конце своего некролога приводит его на французском практически в точном переводе с текста в «Nature»⁹². В результате сложилась легенда, которая жива до сих пор.

По всей видимости, первым в России, кто открыто использовал некролог П.А. Кропоткина из журнала «Nature» при составлении биографического очерка о покойной Софье Ковалевской, был А.Г. Столетов. Столетов лично знал Софью Ковалевскую и её мужа, Владимира Онуфриевича, однако при работе над биографическим очерком использовал и чужие источники, а не только собственную память. Сообщение о С.В. Ковалевской он прочёл 19 февраля 1891 г. (по старому стилю) на заседании Московского математического общества, посвящённого её памяти, т. е. спустя меньше двух недель после появления в печати некролога П.А. Кропоткина. А.Г. Столетов открыто заявляет, что в качестве печатных источников использовал «несколько мелких статей в разных журналах (между прочим в английской Nature 1891, за подпись Р.К.)»⁹³. Знал ли А.Г. Столетов, кто скрывался за псевдонимом «Р.К.», неясно. В любом случае, вслед за П.А. Кропоткиным он цитирует воспоминания С.В. Ковалевской об обоях из курса Остроградского, отмечает, что в Швеции её называли «наш профессор Соня», и рассказывает о её болезни, ставшей для неё фатальной⁹⁴. Наконец, рассказывая о литературных трудах покойной, он касается и «Нигилистки», отмечая публикацию на шведском языке под псевдонимом «Таня Раевская» отрывка из большого романа «Семья Воронцовых»: «Это последнее произведение, по словам английского некролога, окончено автором и вполне подготовлено к печати»⁹⁵. Таким образом, А.Г. Столетова заинтересовала информация о «Нигилистке», содержащаяся в некрологе П.А. Кропоткина, и он точно уловил наиболее интересные сведения относительно литературного наследия С.В. Ковалевской, которые были приведены в статье в журнале «Nature». С другой стороны, обращение русского физика к тексту из этого журнала свидетельствует о популярности этого издания среди российских учёных того времени (отметим, что никаких других некрологов на иностранных языках А.Г. Столетов в примечании не называет).

Речь А.Г. Столетова была напечатана в сборнике, посвящённом памяти С.В. Ковалевской. «Сумма, вырученная от продажи этого издания», отправлялась, по сведениям из заметки редактора журнала «Наука и жизнь»,

⁹¹ Professor Sophie Kovalevsky. P. 376.

⁹² Kerbedz. Op. cit. P. 128.

⁹³ Столетов А.Г. С.В. Ковалевская. Биографический очерк // Столетов А.Г., Жуковский Н.Е., Некрасов П.А. Софья Васильевна Ковалевская. М., 1891. С. 7 примечание.

⁹⁴ Там же. С. 10–14.

⁹⁵ Там же.

«в фонд на учреждение стипендии, или премии, имени С.В. Ковалевской», а саму книгу ценой один рубль можно было купить у Лидии Филипповны Маклаковой⁹⁶. В майском номере журнала «Наука и жизнь» был полностью перепечатан очерк А.Г. Столетова, и он снова появился с примечанием, в котором было сказано о некрологе в *Nature*, а в тексте снова шла ссылка к английскому некрологу⁹⁷.

Биографический очерк «Софья Ковалевская» был, как минимум, дважды перепечатан в изданиях сочинений А.Г. Столетова – во втором томе собрания сочинений «Общедоступные лекции и речи, критические и биографические очерки», опубликованном в 1941 г., и в «Избранных сочинениях» 1950 года, в обоих случаях со всеми примечаниями и упоминанием английского некролога Ковалевской в тексте⁹⁸. Между тем, эти замечания А.Г. Столетова не привлекли внимания исследователей к некрологу П.А. Кропоткина в «Nature».

Немецкий еженедельник по естественным наукам опубликовал некролог Софьи Ковалевской 29 марта 1891 г.⁹⁹. Это была сокращённая версия некролога П.А. Кропоткина в «Nature», причём в немецком тексте сохранились все имевшиеся в английской статье опечатки: Baudin вместо Bordin, Rerevsky вместо Rajevski¹⁰⁰. Немецкий автор не приводит слов о письме Ковалевской автору английского некролога и опускает полностью историю об обоях.

В июне 1891 г. некролог С.В. Ковалевской появляется, наконец, и в американском журнале «Популярная наука сегодня». Автор некролога отмечает её «редкие математические дарования» и тот факт, что она была профессором в университете Стокгольма¹⁰¹. Далее приводятся слова П.А. Кропоткина о «Воспоминаниях детства» как об «одном из лучших произведений современной русской литературы» и пересказывается история про обои из курса Остроградского¹⁰². Между тем, источника своего текста американский автор некролога, в отличие от А.Г. Столетова, не называет.

Некролог «Профессор Софья Ковалевская», опубликованный П.А. Кропоткиным в журнале «Nature», получил определённое распространение в учёной среде не только англоязычных стран, но и России и Германии. Он способствовал формированию сбалансированного образа Ковалевской как университетского преподавателя, оставившего после себя немало учеников, учёного-математика – автора нескольких важных научных трудов,

⁹⁶ Наука и жизнь. С. 353.

⁹⁷ Там же. С. 354, 356

⁹⁸ Столетов А.Г. Софья Ковалевская. Биографический очерк // Собрание сочинений: документально-художественная литература. Том 2. Общедоступные лекции и речи, критические и биографические очерки. М., 1941. С. 259–263; Столетов А.Г. Софья Ковалевская. Биографический очерк // Избранные сочинения. М.-Л., 1950. С. 590–598.

⁹⁹ Frau Professor Sophie Kovalevsky // Naturwissenschaftliche Wochenschrift. 1891. N 13. 29 März. P. 133.

¹⁰⁰ Ibid.

¹⁰¹ Obituary Notes // Popular Science Monthly. June 1891. P. 288.

¹⁰² Ibid.

а также талантливого литератора, произведения которого при жизни публиковались как на русском, так и на шведском языках. Особое внимание П.А. Кропоткина к истории с обоями из курса Остроградского послужило росту популярности этого рассказа о становлении женщины-математика еще в раннем детстве. Между тем, многочисленные опечатки, а также неточности, которые встречались в английском тексте некролога, могли лишь запутать читателей и исследователей. Наиболее интересная часть некролога, касающаяся истории английского перевода «Нигилистки», еще требует дальнейшего изучения, как и в целом отношения Софьи Ковалевской и Петра Кропоткина – двух всемирно известных российских учёных и общественных деятелей, прославивших Россию далеко за её пределами.

Список литературы:

1. Белова А.В. «Я страшно зла на мою мать»: репродуктивное соперничество в семьях российских дворян XVIII – XIX веков // Новый исторический вестник. 2018. № 1(55). С. 85–104.
2. Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 45–63.
3. Воронцова Л.А. Софья Ковалевская. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1957. – 341 с.
4. Гитович И.Е. Ковалевская Софья Васильевна // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. В 7 т. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 574–576.
5. Дамье В., Рублев Д. Кропоткин: жизнь анархиста. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 604 с.
6. Демидов С.С. Circolo matematico di Palermo и формирование международного математического сообщества в конце XIX – первой трети XX века // Труды VIII Международных Колмогоровских чтений: сборник статей. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. С. 41–51.
7. Kochina П.Я. Дж.Дж. Сильвестр и С.В. Ковалевская // Вопросы истории естествознания и техники. М., 1957. Вып. 5. С. 156–162.
8. Kochina П.Я. Софья Васильевна Ковалевская (1850–1891). М.: Ленанд, 2021. – 328 с.
9. Литвинова Е.Ф. Софья Ковалевская // Струве. Пастер. Боткин. Ковалевская: биографические повествования. Челябинск: Урал LTD, 1999. С. 177–380.
10. Маркин В.А. Неизвестный Кропоткин. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 446 с.
11. Маркин В.А. Петр Кропоткин. Иркутск: Вост.-Сиб. книжное изд-во, 1992. – 304 с.
12. Слэттер Д. Письма Кропоткина как исторический источник // Труды международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. Вып. 4. Идеи П.А. Кропоткина и естествознание. Вопросы биографии П.А. Кропоткина. М.: Институт экономики РАН, 2002. С. 158–178.

13. Штраих С.С. Ковалевская. М.: Жургазобъединение, 1935. – 240 с.
14. Ferretti F. Publishing anarchism: Pyotr Kropotkin and British print cultures 1876–1917 // Journal of Historical Geography. 2017. N 57. P. 17–27.
15. Goethe G. Sonja Kovalevsky: Vera Vorontzoff, berättelse ur ryska lifvet // Nordisk Tidskrift för vetenskap, konst och industry. Stockholm: P.A. Norstedt & Söners förlag, 1892. P. 701–704.
16. Koblitz A.H. Science, Women and Revolution. Amsterdam: Harwood academic publishers, 2000. – 211 p.
17. Koblitz A.H. A Convergence of Lives. Sofia Kovalevskaia: Scientist, Writer, Revolutionary. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1993. – 305 p.

Об авторе:

ТРОФИМОВА Виолетта Стиговна – кандидат филологических наук, докторант, институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9); e-mail: violet_trofimova@mail.ru

Sophia Kovalevskaya in P.A. Kropotkin's Reception: Constructing the Image of a Mathematician and a Writer

V.S. Trofimova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The article examines the obituary of the professor of mathematics Sophia Vasilievna Kovalevskaya, which has long been forgotten, written by the scientist and theorist of anarchism Pyotr Alekseevich Kropotkin and published in the natural science journal Nature in February 1891. The research establishes the authorship of P.A. Kropotkin and considers the image of S.V. Kovalevskaya in his “Memoirs of a Revolutionist” and correspondence. The article makes a comparison with other obituaries of S.V. Kovalevskaya, involving a wide range of Russian and foreign sources that have not previously been deeply analyzed by researchers. Along the way, it corrects the bibliography of P.A. Kropotkin's works published in the journal Nature in the 1880s. In this obituary and in other works, P.A. Kropotkin creates a balanced image of S.V. Kovalevskaya as a mathematician and writer.

Keywords: Sophia Kovalevskaya, Pyotr Kropotkin, image of the scientist, literary work, obituary.

About the author:

TROFIMOVA Violetta Stigovna – Ph.D. in Philology, Postdoctoral candidate, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (Russia, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9); e-mail: violet_trofimova@mail.ru

References:

- Belova A.V. “*Ya strashno zla na moyu mat'*”: *reproduktivnoe sopernichestvo v sem'yakh rossiiskikh dvoryan XVIII – XIX vekov*, Novyi istoricheskii vestnik, 2018, № 1(55), S. 85–104.
- Belova A.V., *Devichestvo rossiiskoi dvoryanki XVIII – serediny XIX veka: telesnost', seksual'nost', gendernaya identichnost'*, Zhenshchina v rossiskom obshchestve, 2006, № 4, S. 45–63.
- Vorontsova L.A., *Sof'ya Kovalevskaya*, M., Izdatel'stvo TsK VLKSM «Molodaya gvardiya», 1957. – 341 s.
- Gitovich I.E., *Kovalevskaya Sof'ya Vasil'evna*, Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar'. V 7 t., M., Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 1992, T. 2, S. 574–576.
- Dam'e V., Rublev D., *Kropotkin: zhizn' anarkhista*, M., Al'pina non-fikshn, 2022. – 604 s.
- Demidov S.S., *Circolo matematico di Palermo i formirovanie mezhdunarodnogo matematicheskogo soobshchestva v kontse XIX – pervoi treti XX veka*, Trudy VIII Mezhdunarodnykh Kolmogorovskikh chtenii: sbornik statei, Yaroslavl', Izd-vo YaGPU, 2010, S. 41–51.
- Kochina P.Ya., *Dzh.Dzh. Sil'vestr i S.V. Kovalevskaya*, Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki, M., 1957, Vyp. 5, S. 156–162.
- Kochina P.Ya., *Sof'ya Vasil'evna Kovalevskaya (1850–1891)*, M., Lenandr, 2021. – 328 s.
- Litvinova E.F., *Sof'ya Kovalevskaya*, Struve. Paster. Botkin. Kovalevskaya: biograficheskie povestvovaniya, Chelyabinsk, Ural LTD, 1999. – S. 177–380.
- Markin V.A., *Neizvestnyi Kropotkin*, M., OLMA-PRESS, 2002. – 446 s.
- Markin V.A., *Petr Kropotkin*, Irkutsk, Vost.-Sib. knizhnoe izd-vo, 1992. – 304 s.
- Sletter D., *Pis'ma Kropotkina kak istoricheskii istochnik*, Trudy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Kropotkina, Vyp. 4, Idei P.A. Kropotkina i estestvoznanie. Voprosy biografii P.A. Kropotkina, M., Institut ekonomiki RAN, 2002, S. 158–178.
- Shtraikh S.S., *Kovalevskaya*, M., Zhurgazob"edinenie, 1935. – 240 s.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.251+94(47.331).084.6
DOI 10.26456/vthistory/2025.1.054–066

Организация архивного дела в Калининской области в 1936–1940 годах

О.Г. Леонтьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

Статья посвящена истории восстановления системы архивных учреждений на территории вновь созданной Калининской области в предвоенные годы. Основной задачей, стоящей перед архивными учреждениями области, была систематизация и описание поступивших в 1920–1930 гг. в архивы документов советских организаций и учреждений. Не менее важной оставалась проблема подбора и подготовки высококвалифицированных специалистов для архивов. В статье охарактеризована правовая и методическая база функционирования государственных архивов и рассмотрены результаты деятельности областного архивного управления и областного государственного архива в 1936–1940 гг. и в начале 1941 г.

Особым фактом в истории развития архивного дела в советском государстве является передача в 1938–1939 гг. архивных учреждений в ведение Наркомата внутренних дел СССР (НКВД СССР). Результатом такого шага стало активное привлечение архивов к выявлению информации, необходимой для оперативной работы органов НКВД СССР. В статье прослеживаются результаты исполнения областным архивом запросов Управления НКВД СССР по Калининской области по выявлению информации об антисоветских элементах.

Ключевые слова: НКВД СССР, ГАУ НКВД СССР, Тверская область, система архивных учреждений, государственные архивы, архивы Калининской области, макулатурная кампания, описание архивных документов, антисоветские элементы, враги народа.

В истории развития архивного дела в Калининской (Тверской) области, как и в истории становления российского архивоведения, тридцатые годы прошлого века занимают особое место. По сути, в этот период окончательно сложилась советская система архивного дела.

Начало изменениям в организации работы архивов было положено принятием совместного постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 05 февраля 1936 г. «Об упорядочении архивного дела в народных комиссариатах и

центральных учреждениях СССР».¹ В постановлении было отмечено неудовлетворительное состояние архивов в народных комиссариатах (наркоматах) и изложены общие задачи в области архивного дела. Первоочередной задачей называлась подготовка кадрового состава архивов. Архивы при наркоматах было предложено выделить в самостоятельные структурные подразделения, ставился вопрос и о проведении экспертизы ценности документов, уже поступивших на архивное хранение. Несмотря на то, что решения касались, в первую очередь, центральных учреждений СССР постановлением было определено общее направление в работе с архивами и архивными документами в советском государстве.

В 1936 г. Центральное архивное управление СССР (ЦАУ СССР) издает целый ряд приказов и инструкций, регулирующих архивное дело в республиках и областях страны. Распоряжения касаются упорядочения архивных документов и материалов во всех видах архивов, сети архивов, разграничительной даты между историческими документальными комплексами (1 января 1917 г.), выделения секретных документов в особую группу, запрещения увольнения или перевода на другие работы (кроме архивных) работников, закончивших Историко-архивный институт.² В составе Калининского областного архива, созданного в результате изменения административно-территориального деления и образования Калининской области, на основании распоряжения ЦАУ СССР от 31.10.1936 г. были организованы три структуры – Исторический архив Калининской области, Архив Октябрьской революции Калининской области и Ржевское отделение Калининского областного архива.³ Исторический архив и Архив Октябрьской революции, по сути, представляли две части единого архивного комплекса области, разделенные разграничительной датой, и с самого начала рассматривались как единое целое – областной архив. На год раньше в 1935 г. было создано Калининское областное архивное управление⁴.

Стоит отметить, что задача оптимизации работы архивов в Калининской области была поставлена еще в 1935 г. после того, как на заседании Президиума ВЦИК СССР 27 июня 1935 г. был рассмотрен вопрос о повышении значимости архивного дела в стране и необходимости подготовки специализированных кадров для отрасли.⁵ Организационный комитет Калининской области постановлением от 01.03.1935 №1 назначил куратора областным архивным учреждениям, но, к сожалению, дальнейших решений по оптимизации архивного дела в Калининской области не последовало.

Проверка организации работы и функционирования архивов области, проведенная исполнкомом Калининского областного совета депутатов трудя-

¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–2.

² Там же. Д. 34. Л. 2, 5, 16.

³ Там же. Л. 12.

⁴ Там же. Д. 39. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 1–2.

ящихся (Калининский облисполком) в 1936 г., выявила риски в работе архивов, в первую очередь, были обозначена проблема текучести кадров и недостатка квалифицированных научных работников.

В соответствии с письмом ЦАУ СССР в марте 1936 г. штатная численность областного архивного управления и областного архива должна была составлять 24 человека: научных сотрудников – 6 человек, архивно-технических работников – 9 человек, административно – хозяйственных работников – 9 человек⁶. Штат Ржевского отделения областного архива должен был состоять из 11 человек, Великолукского – из 3 человек. Это соответствовало реальному положению на 1 января 1936 г. К августу 1936 г. штатная численность работников областного архива и Ржевского отделения увеличилась до 46 человек, при этом Великолукское отделение было закрыто. Следует отметить, что в штатное расписание областного архива были включены четыре должности научных сотрудников, т. е. высококвалифицированных специалистов, но в августе 1936 г. выяснилось, что две должности оставались вакантными.

В целом профессиональная подготовка работников областного архива и областного архивного управления была невысокой (табл. 1):

Таблица 1

Штатная численность областного архива и уровень образования работников

Уровень образования работников Калининского областного архивного управления и областного архива	Годы	
	1936	1937
Штатная численность по нормативам, чел.	35	30
Штатная численность по факту, чел.	21	21
Высшее образование, чел.	1	2
Неоконченное высшее, чел.	1	1
Среднее образование, чел.	4	3
Неоконченное среднее, чел.	2	0
Низшее образование, чел.	5	15

Составлено по: ГАТО.Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 35. Л. 3, Д. 39. Л. 15. Д. 49. Л. 13.

Специальное высшее образование имел один человек, три человека окончили курсы подготовки архивистов при Московском историко-архивном институте. Руководитель областного архивного управления имел неоконченное среднее образование. Положение с привлечением работников, имеющих высшее специальное образование, в Ржевском отделении областного архива было похожим, в районных архивах ситуация была еще хуже. Можно с уверенностью сказать, что задача по обеспечению архивов специально подготовленными кадрами, выделенная как основная в постановлении Президиума ВЦИК СССР и СНК СССР от 05.02.1936 г., не была выполнена.

⁶ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

Другие задачи, обозначенные правительством, также не нашли оптимального решения в практике работы архивных учреждений Калининской области. На заседании Президиума Калининского облисполкома 22 ноября 1937 г. были перечислены основные недостатки работы архивной системы области – неупорядоченность документов в советских учреждениях и отсутствие пригодных помещений для размещения архивов⁷. В 22 районах архивы не были организованы, не были заполнены вакансии директоров в областном архиве. Президиум Калининского облисполкома своим решением обязывал областные и районные исполнительные органы создать архивы во всех районах области, предоставить надлежащие помещения и оборудование, обязать организации упорядочить документы, подлежащие передаче на хранение в архивы, подобрать кандидатуры управляющего Калининским областным архивным управлением и директоров областного архива.

Несмотря на замечания и негативную оценку работы архивов, данную облисполкомом, архивы и, в первую очередь, областной архив активно функционировали. Стоит отметить, что на протяжении нескольких лет архивные учреждения бывшей Тверской губернии находились в составе разных административно-территориальных единиц, и в 1935–1936 гг. была проделана значительная работа по восстановлению сети архивных учреждений области. Во второй половине 1936 г. в Калининской области помимо областного архива с отделением в г. Ржеве работали районные архивы в 37 административно-территориальных единицах⁸. В акте проверки работы архивов в августе 1936 г. указывалось, что в обл.астном центре действуют областное архивное управлением и областной архив, между функциями которых нет чёткого различия⁹.

На протяжении трёх лет расширилась сеть архивов области: в 1935 г. действовало 10 районных архивов, в 1936 г. – 37 архивов, в 1937 г. – 53 архива¹⁰.

Наиболее благоприятные условия для хранения документов были в Калининском областном архиве (облархив). Областной архив занимал 4 здания бывших церквей общей площадью 1559 кв. м. и протяженностью полок 9914 погонных метров. Исторические материалы (до 1 января 1917 г.) хранились в двух помещениях площадью 735 кв.м., архивные документы, созданные после 1917 г., размещались на площади 523 кв.м. Одно помещение площадью 301 кв. м. занимало областное архивное управление, секретный архив, читальный зал и библиотека¹¹. Ржевскому отделению облархива было выделено два помещения площадью 832 кв.м., в отличие от областного архива данные помещения не были оборудованы стеллажами и огнетушителями, документы хранились в ящиках.

⁷ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 49. Л. 7, 16.

⁸ Там же. Д. 35. Л. 3, 4.

⁹ Там же. Л. 2

¹⁰ Там же. Д. 39. Л. 5 об.

¹¹ Там же. Д. 35. Л. 2; Д. 7. Л. 33.

Особое значение придавалось формированию единого документного комплекса области. Часть документов была возвращена в Калининский областной архив из других архивов, в первую очередь, из архивов Московской области. В мае 1936 г. по решению ЦАУ СССР в областной архив были переданы 34 фонда, в числе которых имелись документы уездных исполкомов Тверской губернии и семейные архивы дворян¹². Документный комплекс, хранившийся в Калининском областном архиве, к концу 1937 г. включал 1 637 774 единиц хранения, из общего количества документов было описано, т. е. доступно пользователям 917 316 единиц хранения.

Основными функциями архивов области в 1936–1937 гг. оставалось комплектование документами советских учреждений и описание документов, в том числе вновь поступивших на хранение. По сведениям Калининского областного архивного управления в списки источников комплектования архивов области были включены 1182 организации, большую часть составляли фабрики, заводы и колхозы¹³.

Описание поступивших в архивы документов стало приоритетной задачей архивов. Сложность проведения упорядочения архивных документов заключалась в том, что на протяжении долгих лет значительная часть документов поступала в архивы в неописанном виде, в россыпи. После постановления Президиума ВЦИК СССР и СНК СССР от 05.03.1936 г. ситуация в Калининской области мало изменилась. Организации, передающие документы в архивы, не имели ни средств, ни сотрудников для обработки своих архивов и сдавали документы в ящиках по весу. Например, в 1937 г. в районные архивы области поступило 18 тонн архивных материалов и 1 926 единиц хранения¹⁴.

Одним из этапов проведения описания фондов являлась экспертиза ценности документов. К сожалению, выделение документов к уничтожению в процессе проведения экспертизы ценности в 1930-е гг. стало соревнованием за признание архивных документов не имеющими практической и исторической ценности и подлежащими выделению к уничтожению. «Макулатурная» кампания, начавшаяся в конце 1929-х гг., распространилась по всей стране, была поддержана руководством страной и превратила архивы в источник сырья для бумажной промышленности. В 1937 г. в областном архиве было выделено к уничтожению 83 755 единиц хранения, по районным архивам – 6 350.¹⁵ Следует отметить, что архивные документы могли выделяться к уничтожению и в килограммах, поскольку не были упорядочены. Например, в 1936 г. областной архив выделил к уничтожению 6 051 килограмм документов.

Организация использования архивных документов в 1936–1937 гг. продолжалась в прежних формах, сложившихся в 1920-е гг., – подготовка статей и выдача справок. За 1936 г. на материалах областного архива было

¹² ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 33. Л. 24–24 об.

¹³ Там же. Д. 39. Л. 19.

¹⁴ Там же. Л. 34.

¹⁵ Там же.

подготовлено 45 публикаций и выдано 1696 справок, а также отказано заявителям в выдаче 244 справок.

В этот период были окончательно формулированы правила работы в читальных залах архивов. В соответствии с инструкцией ЦАУ СССР об использовании архивных дел в читальных залах архивов работа пользователям разрешалась только по заявлению, в котором указывалась тема исследования, иностранные исследователи для работы в архиве допускались только с разрешения ЦАУ СССР.¹⁶ Разработанная анкета посетителя читального зала включала первым пунктом указание членства в партии или других политических организациях. Цель посещения и тема исследования указывались в третьем по счету пункте анкеты. В анкете имелись вопросы о партийных взысканиях, привлечении к административной и другим видам ответственности, а также сведения о прохождении пользователем «чистки советского аппарата».¹⁷ Уже в 1936 г. вопрос о политической ориентации пользователя становится основным при допуске к архивной информации.

В 1938 г. значимых изменений в работе архивов Калининской области не произошло. Основным направлением оставалось комплектование архивов, документы поступали из организаций, по-прежнему, неупорядоченными, т. е. не описанными и не систематизированными. Ситуация осложнилась разрозненностью документного комплекса, возникшей в результате административно-территориального деления, что повлекло за собой передачу документов из архива в архив. К сожалению, документы из архивных учреждений поступали также в неописанном виде. Например, по акту приема-передачи документов от 10.06.1938 г. из Новгородского областного архива в Калининский областной архив были переданы фонды организаций Новоржевского, Торопецкого, Холмского и других уездов в 25 ящиках весом 2 000 кг.¹⁸.

В то же время в Калининском областном архиве оставалось значительное количество неразобранных и неописанных фондов учреждений Российской империи: не были составлены описи дел на фонды Канцелярии губернатора, директора народных училищ, Есеновского духовного управления, фонд Тверского предводителя дворянства составлял россыпь дел весом 35 кг.¹⁹.

Проверка работы Калининского областного архивного управления, проведённая в начале 1938 г. Калининским облисполкомом, вновь выявила нарушения в работе архивов. В первую очередь была отмечена неукомплектованность и текучесть штатов и их низкая профессиональная подготовка: за 1938 г. уволилось 28 человек, вместо 35 человек штат составлял 30 человек, специальное высшее образование имел один человек, семь человек окончили краткосрочные курсы по архивному делу²⁰.

¹⁶ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.

¹⁷ Там же. Д. 33. Л. 4.

¹⁸ Там же. Д. 67. Л. 1–2.

¹⁹ Там же. Л. 4.

²⁰ Там же. Д. 63. Л. 1.

В декабре 1938 г. в областном архиве хранилось 1 181 021 единиц хранения (1728 фондов), описанных документов – 1 070 290 единиц хранения, не разобранными и не описанными оставалась 78 731 единиц хранения²¹. Можно заметить, что при общем росте количества дел количество неупорядоченных дел сократилось.

Особенностью работы архивных учреждений в 1938 г. стало усиление контроля за организацией хранения секретных документов. Циркуляры НКВД СССР, выпущенные в 1938 г., расширили перечень архивных материалов, отнесённых к секретным²². В течение 1938 г. областным архивом была дополнительно составлена и направлена в ЦАУ СССР информация на 58 секретных исторических фондов.²³ Особое внимание уделялось вопросам эвакуации архивных документов в случаях возникновения военной угрозы.

Переломным в организации архивного дела в стране стал 1939 г. Государственные архивные учреждения на основании постановления Президиума Верховного Совета СССР от 03.12.1938 г. и приказа НКВД СССР от 17.01.1939 г. были переданы в ведение Наркомата внутренних дел СССР. Следует заметить, что данное решение готовилось в течение всего 1938 г. и предполагало передачу в распоряжение НКВД СССР личного состава, имущества и помещений областных, городских и районных архивных органов, и государственных архивов. В Калининской области на основе приказа Управления НКВД СССР по Калининской области от 02.02.1939 г. была создана комиссия, в задачу которой входило решение организационных и технических вопросов переходного периода²⁴. Свою работу комиссия начала с оценки положения в государственных архивах области. В марте 1939 г. в письме в НКВД СССР заместитель начальника УНКВД СССР по Калининской области указывал, что помещения архивов области не приспособлены к хранению документов и требуют капитального ремонта, заработка плата архивистов низкая, личный состав работников архивов в области и районах «не проверен, имеет место засоренность социальной чуждым элементом»²⁵.

Первоочередной задачей оставалось обеспечение архивных учреждений профессиональными кадрами. Вопрос стоял о численности работников, их образовании и правильной социальной ориентированности.

В конце 1938 г. штатная численность работников областного архива вместе с Ржевским отделением составляла 40 человек, фактически в архивах работало 45–46 человек. В 1939 г. общая штатная численность работников областного архива после перехода в систему НКВД СССР уменьшилась и составила 30 человек, в 1940 г. наблюдалось незначительное увеличение штата – до 39 человек²⁶. Наибольшее количество штатных единиц было выделено Историческому архиву: в 1939 г. – 12 человек, в 1940 – 17 человек.

²¹ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 63.Л. 1.

²² Там же. Д. 64. Л. 2

²³ Там же. Д. 90. Л. 1, 2.

²⁴ Там же. Д. 93. Л. 1.

²⁵ Там же. Л. 39–40.

²⁶ Там же. Л. 24, 25, 51; Д. 153. Л. 31.

Причина заключалась в том, что именно Исторический архив выявлял и предоставлял в органы НКВД СССР информацию, использовавшуюся в оперативной работе, в том числе об антисоветских элементах.

Ситуация в районных архивах была достаточно сложной, подбор кадров осложнялся нежеланием архивистов переходить на службу в систему НКВД СССР. В целом, штатная численность и уровень образования в районных архивах оставались на уровне 1936–1938 гг.

В начале 1939 г. был определён штат архивного отдела управления НКВД по Калининской области, на отдел возлагались обязанности по управлению архивным делом в области. Штат состоял из 8 человек: начальника отдела, двух старших инспекторов, четырех инспекторов и делопроизводителя – машинистки.²⁷ Руководителем отдела был назначен В.Ф. Федин.

Образовательный уровень архивных работников области с переходом в систему НКВД СССР несколько повысился за счет увеличения количества специалистов, имеющих среднее образование (табл. 2):

Таблица 2

Уровень образования работников Калининского областного архивного управления и областного архива, 1939–1940 гг.

	Годы	
	1939	1940
Штатная численность, чел.	39	47
Высшее образование, чел.	4	4
Среднее образование, чел.	6	12
Низшее образование, чел.	16	14

Составлено по: ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 93. Л. 24, 48–49, 50, 51. Д. 153. Л. 31.

Разумеется, что такая ситуация не могла полностью удовлетворять руководство ни центрального, ни местного аппарата НКВД СССР. Архивы рассматривались как информационные центры, содержащие информацию, необходимую для оперативной работы органов НКВД. Требовалось хорошо подготовленные профессиональные работники. Решить вопрос пытались с помощью переподготовки архивистов, только в 1939 г. курсы повышения квалификации при Московском историко-архивном институте закончили 25 человек, работавших в архивах области.

В областном государственном архиве в начале 1939 г. сохранились три структурных подразделения: исторический архив, архив Октябрьской революции, секретный архив; продолжало работу Ржевское отделение областного архива.

В архиве Октябрьской революции находились документы советских организаций за 1917–1928 гг. в объеме 1 189 фондов и 399 329 упорядоченных единиц хранения, не разобрано и не описано было 3 000 единиц хранения и 800 кг россыпи. Архив занимал помещение бывшей церкви площадью 380 кв.м.

²⁷ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 89. Л. 4.

Исторический архив располагался в двух приспособленных помещениях общей площадью 1278 кв.м., и включал документы организаций периода Российской империи в объеме 932 фондов и 858 730 описанных единиц хранения.²⁸

Секретный архив составляли документы за 1838–1922 гг. в объеме 47 373 единиц хранения (413 фондов), которые располагались в здании бывшей церкви²⁹. Областное архивное управление находилось в здании, закреплённом за областным архивом.

Таким образом, областные архивные учреждения, по-прежнему, занимали четыре помещения, состояние которых было неудовлетворительным: степень загруженности хранилищ была высокой, не все помещения были оснащены стеллажами, электрическое оборудование требовало ремонта, капитального ремонта требовала и часть зданий архивов.

Кроме областного архива в начале 1939 г. в Калининской области действовали 65 районных государственных архивов, в пяти районах области архивы не были созданы.

Объем комплекса архивных документов, находившихся на хранение в государственных архивах области, на 1 января 1939 г. составлял 1 791 816 единиц хранения: в Калининском областном архиве с учётом Ржевского отделения хранилось 1 400 539 единиц хранения, в районных архивах – 391 284 единиц хранения³⁰.

При сравнении информации об объемах документов 1938 г. и 1939 г. видно, что количество дел в 1939 г. уменьшается. Причина уменьшения количества архивных документов заключалась не только в выделении значительных объемов документов к уничтожению в процессе «макулатурных компаний», но и в разборе неупорядоченных документов. Часть архивных материалов, поступавших на хранение, оставалась неописанной, часть документов учитывалась в условных единицах и килограммах россыпи. Точные объемы хранящихся в архивах документов установить по архивным документам достаточно сложно, поскольку в отчетные документы включали и объемы неупорядоченных документов. Реально на государственном хранении находилось большее количество документов, чем указывалось в отчетах. Объем документов изменялся в зависимости от количества описанных документов: чем больше объем описанных документов, тем меньше объем документного комплекса в целом.

Работа по учёту и описанию архивных документов в 1939–1940 гг. стала основной задачей государственных архивов Калининской области. Циркуляр Главного архивного управления Наркомата внутренних дел СССР (ГАУ НКВД СССР) от 03.01.1940, направленный начальнику архивного отдела

²⁸ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 93. Л. 35, 52–53, 56; Д. 132. Л. 6, 21.

²⁹ Там же. Д. 93. Л. 33, 56; Д. 132. Л. 16.

³⁰ Там же. Д. 93. Л. 41–42.

Управления НКВД СССР по Калининской области, среди видов архивных работ, выполнение которых планировалось в 1940 г., выделил инвентаризацию (учёт), систематизацию и составление заголовков дел³¹.

В отчётах Архивного отдела УНКВД СССР по Калининской области за 1939–1940 гг. указано, что в 1939 г. областным архивом было заинвентаризовано 137 431 единиц хранения, систематизировано 184 310 единиц хранения, в 1940 г. заинвентаризовано 269 745 единиц хранения, систематизировано 10 785 единиц хранения³².

В отчётах архива Октябрьской революции и Исторического архива, как структурных частей областного архива, проделанная работа представлена более детально (табл. 3):

Таблица 3.

Объём архивной работы в областном архиве

Виды архивных работ	Объём документов, ед. хр.			
	Исторический архив		Архив Октябрьской революции	
	1939 г.	1940 г.	1939 г.	1940 г.
Инвентаризация	68 761	84 845	21 298	417 064
Систематизация	118 976	161 740	25 490	105 073
Составление заголовков	49 630	25 542	16 758	15 521
Формирование дел из россыпи	8 958	Сведений нет	3 474	Сведений нет
Выделение к уничтожению	Сведений нет	Сведений нет	5 910	3 035
Выдача дел в читальный зал	1 333	1 240	112	216

Составлено по: ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 132. Л. 20, 25, 26, 30, 37–38, 45, 46.

Виды работ, выполняемые архивами области, не ограничивались перечисленными в таблице. Архивы выдавали справки и продолжали работу по перемещению архивных документов в соответствии с территориальным принципом хранения документов. Кроме того, значительная часть времени, как указывалось, планировалась на выявление информации, необходимой для оперативной работы органов НКВД СССР.

В 1939 г. ГАУ НКВД СССР издал значительное количество документов, связанных с организацией хранения, описания и выявления архивной информации, касающейся «врагов народа», антисоветских элементов, «социальному чуждых элементов». В архивы активно поступали запросы о выявлении подобных сведений. В сентябре 1939 г. ГАУ НКВД СССР разослал циркуляр о порядке выявления информации об антисоветских элементах с подробным списком лиц, отнесённых к таковым³³. Вслед за циркуляром была разработана инструкция о форме предоставления списков³⁴, которая

³¹ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 90. Л. 6 об. –7.

³² Там же. Д. 132. Л. 1–3, 54–55.

³³ Там же. Д. 65. Л. 54.

³⁴ Там же. Л. 56–57.

предусматривала графы: ФИО, год и место рождения, краткая характеристика деятельности, местонахождение документов.

В 1940–1941 гг. запросы в архивы от органов НКВД СССР продолжали поступать. В феврале 1941 г. ГАУ НКВД СССР в циркулярном письме определил работу архивов с секретными документами как приоритетную³⁵, и разослал схему характеристики на лиц, выявленных по архивным документам как опасные политические элементы³⁶. Информация о бывших полицейских и жандармах, членах политических партий и агентах жандармерии и шпионах должна была включать следующую информацию (табл. 4):

Таблица 4.

Схема характеристики опасных политических элементов

Полицейские и жандармы	Члены политических партий	Агенты жандармерии и шпионы
ФИО, участие в подавлении революционных выступлений (где, когда, поощрения за участие), причастность к руководству агентурной работой, участие в организации погромов, связь с черносотенцами, участие в расследовании политических дел, наличие наград.	ФИО, принадлежность к партии, лидер или рядовой член партии, активный или пассивный член организации, выполненная работа (участие в терактах, экспроприации, демонстрациях), выступление на собраниях, участие в антисоветских заговорах и мятежах, заявление о выходе из партии, поддержка Советской власти	ФИО, кличка, с кем был связан, по какой организации собирал сведения, кого упоминал в донесениях, какие мероприятия упоминал в донесениях, аресты Советской властью, приговор.

Сроки исполнения запросов по выявлению архивной информации были весьма сжатыми – от трёх дней до одного месяца. Объём работы при этом был значительным. В областном архиве в 1940 г. в результате изучения состава и содержания документов к секретным делам было отнесено 49 722 единиц хранения (475 фондов)³⁷. В Ржевском отделении областного архива за январь 1941 г. с целью выявления секретных дел было просмотрено 2 876 единиц хранения, изучено 416 единиц хранения, и отобрано на секретное хранение 177 единиц хранения.

Областной архив отчитался, что в результате работы по выявлению опасных политических элементов в 1940 г. было поставлено на учёт 5 068 человек, среди них: полицейские чины (2 504 человека), чины жандармских управлений (547 человек), доносчики, провокаторы, шпионы, секретные сотрудники полиции (283 человека), анархисты (158 человек), эсеры (516 человек), кадеты (322 человека), члены Всероссийского национального союза (139 человек), члены «Союза русского народа» (278 человек), члены «Союза Михаила Архангела» (28 человек), меньшевики (103 человека), октябристы

³⁵ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 90. Л. 22.³⁶ Там же. Д. 128. Л. 20.³⁷ Там же. Л. 4.

(56 человек), участники восстаний против Советской власти (125 человек), члены Союза земельных собственников (9 человек). В ГАУ НКВД СССР были высланы списки на 3 980 человек³⁸.

В то же время общее состояние архивов, в том числе условия хранения документов, в 1940–1941 гг. значительно не улучшились. Особенно сложной была ситуация в районных архивах. Проверки работы районных архивов инспекторами архивного отдела УНКВД СССР по Калининской области продолжались до мая 1940 г. и выявляли большое количество нарушений. В актах обследования указывалось, что объёмы документов сокращались, условия хранения не отвечали нормативным требованиям инструкций ГАУ НКВД СССР, ответы на запросы органов НКВД СССР задерживались.

Областной государственный архив находился не в лучших условиях. В протоколе заседания исполкома Калининского областного совета депутатов трудящихся от 11.01.1941 отмечалось, что здание областного архива находится в аварийном состоянии и требует безотлагательного ремонта. Не была решена и проблема с подготовкой профессиональных кадров: начальник архивного отдела УНКВД СССР по Калининской области имел неполное среднее образование, директора архивов – среднее и неполное среднее, старшие научные и научные работники – неоконченное высшее, инспекторы – среднее³⁹.

В целом, за пять лет архивного строительства в Калининской области была создана сеть архивных учреждений: накануне начала Великой Отечественной войны государственные архивы были созданы и функционировали во всех районах области. Архивные учреждения имели помещения, приспособленные для хранения документов, и были обеспечены кадрами для выполнения основных функций. В области был создан единый архивный фонд, насчитывающий около 2 млн. дел.

В то же время, основные задачи, стоящие перед архивами области полностью решены не были. В архивах оставался значительный объём неописанных документов, сроки передачи на государственное хранение документов многих советских организаций нарушались из-за их неупорядоченности, большая часть архивохранилищ нуждалась в капитальном ремонте. Не была решена и задача обеспечения архивов высококвалифицированными кадрами, поставленная перед архивами в 1936 г., образование архивистов оставалось на уровне среднего. Следует отметить, что после передачи государственных архивов в систему НКВД СССР значительно увеличивается количество запросов, выполняемых архивами для органов НКВД СССР. Архивы из научно-исследовательских организаций, каковыми их хотело видеть правительство в 1935–1936 гг., окончательно преобразуются в центры по представлению информации практического характера.

Об авторе:

³⁸ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 128. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 14, 22–23; Д. 119. Л. 4.

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Геннадьевна – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой, кафедра документоведения и архивоведения, Тверской государственный университет, (170100, Россия, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 208); e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru

Organization of Archival Work in the Kalinin Region in 19356–1940

O.G. Leonteva

Tver State University, *Tver, Russia*

The article is devoted to the history of the restoration of the system of archival institutions in the newly created Kalinin region in the pre-war years. The main task facing the archival institutions of the region was to systematize and describe the documents of Soviet organizations and institutions that entered the archives in 1920-1930. No less important was the problem of selecting and training highly qualified specialists for archives. The article describes the legal and methodological basis for the functioning of state archives and examines the results of the activities of the regional archival department and the regional state archive in 1936-1940 and early 1941.

A special fact in the history of the development of archival affairs in the Soviet state is the transfer in 1938-1939 of archival institutions under the jurisdiction of the People's Commissariat of Internal Affairs of the USSR (NKVD of the USSR). The result of this step was the active involvement of archives in identifying information necessary for the operational work of the NKVD of the USSR. The article traces the results of the regional archive's execution of requests from the NKVD of the USSR Office for the Kalinin region to identify information about anti-Soviet elements.

Keywords: *NKVD of the USSR, GAU NKVD of the USSR, Tver region, system of archival institutions, state archives, archives of the Kalinin region, waste paper campaign, description of archival documents, anti-Soviet elements, enemies of the people.*

About the author:

LEONTIEVA Olga Gennadyevna – Candidat of History, Head of the Department, the Department of Documentation and Archival Studies, Tver State University, (170100, Russia, Tver, Trekhsvyatskaya str., 16/31, of. 208); e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru

Статья поступила в редакцию 24.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ. МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(470.331)"18/19"+061.234
DOI 10.26456/vthistory/2025.1.067–081

Деятельность Тверского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (1895–1917 гг.): историография и источники¹

А.В. Цыганова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье представлен обзор историографии деятельности Императорского Православного Палестинского общества (ИППО) и его Тверского отдела. Анализ историографии показал многоаспектность проблематики вопроса в исследовательском поле и слабую изученность процесса формирования региональной структуры ИППО. Автором выявлен комплекс архивных документов о деятельности епархиального отдела в Твери из фондов Государственного архива Тверской области, впервые вводимых в научный оборот. Показаны их информативные возможности как исторического источника для реконструкции процесса создания отдела, механизмы его функционирования, финансирования и восполнения пробела в изучении деятельности региональных отделов.

Ключевые слова: Императорское Православное Палестинское общество, Тверской отдел, епархиальный отдел, Палестинские чтения, вербный сбор, паломничество, историография, исторический источник.

С момента основания Императорского Православного Палестинского общества (далее – ИППО) прошло более 140 лет. Эта общественная организация была создана в 1882 г. с целями великого служения и сохранения духовных и культурных ценностей России на Ближнем Востоке. Общество всегда славилось не только своей помощью паломникам, заботой об их здоровье, поддержании православных святынь на Святой Земле, но и многосторонней культурно-просветительской деятельностью епархиальных отделов ИППО.

Целью настоящего исследования является анализ степени изученности вопроса об истории и деятельности Императорского Православного Палестинского Общества, в том числе его Тверского отдела, а также выявление

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания № 0817-2023-0013 «Деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в Тверском крае в XIX–XXI вв.».

информационных возможностей комплекса неопубликованных исторических источников о деятельности Тверского отдела ИППО с 1895 по 1917 гг.

История и деятельность Императорского Православного Палестинского Общества с момента своего основания до 1917 г. нашли широкое освещение в историографии, которая многочисленна и разнообразна. Она включает научные монографии, статьи, публикации документов. Историографию можно разделить на ряд крупных блоков: работы, посвященные истории появления и развития ИППО; исследования, характеризующие структуру и деятельность общества в целом; труды, посвящённые региональным отделам и аспектам их деятельности; издания о деятельности лиц, чья жизнь была связана с ИППО.

Деятельность Общества в целом в дореволюционный период первыми рассмотрели Ф.К. Греков (Палеолог)², М.П. Соловьёв³, А.А. Дмитриевский⁴. Эти работы содержат историю возникновения Общества и его деятельности с первых лет существования до 1907 г.

Большой интерес представляют работы Н.Н. Лисового по истории ИППО до 1918 г.⁵, повествующие о дипломатической, духовной и гуманистично-просветительской работе Общества в Палестине.

Детальной характеристике основных направлений работы Общества, его известным учредителям и деятелям посвящены статьи А.Г. Грушевого⁶, К.Е. Балдина⁷, Р.Б. Бутовой⁸ и очерк С.Ю. Житенёва⁹.

² Греков (Палеолог) Ф.К. Императорское Православное Палестинское общество: очерк его деятельности за 1882–1890 гг. СПб., 1891.

³ Соловьёв М.П. Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. СПб., 1895; 2-е изд., доп. М., 2012.

⁴ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907 гг.). Историческая записка, составленная по поручению Совета Общества. СПб., 1907. Переиздание (с дополнениями): Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века, 1882–1907 гг. М.; СПб., 2008.

⁵ Лисовой Н.Н. Русское духовное присутствие в Святой Земле в XIX – начале XX в. // Россия в Святой Земле: документы и материалы. М., 2000. Т. I. С. 12–42; Он же. Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // Отечественная история. 2003. № 2. С. 19–37; Он же. Святая Русь на Святой Земле // Московская перспектива. 2003. № 39–40; Он же. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М., 2006.

⁶ Грушевой А.Г. Императорское Палестинское общество. Обзор истории с момента основания до 1917 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2013. Вып. XXXII. С. 472–497.

⁷ Балдин К.Е. Деятельность Императорского Православного Палестинского общества на страницах «Епархиальных ведомостей» в конце XIX – начале XX в. // На пути к гражданскому обществу. 2013. № 1. С. 37–47.

⁸ Бутова Р.Б. Отношения Православного Палестинского Общества и русской духовной миссии в Иерусалиме в конце XIX - первой трети XX вв. // Православный Палестинский сборник. 2022. Вып.120. С. 91–102.

⁹ Житенёв С.Ю. Краткая история Императорского Православного Палестинского Общества: 160-летию Великой княгини Елизаветы Федоровны, Председателя ИППО в 1905–1917 гг. М., 2024.

Большую ценность представляет фундаментальный энциклопедический труд, который объединил коллектив историков и культурологов по исследуемой теме¹⁰. В энциклопедии подробно представлена история Общества, даны биографические справки его учредителей, терминологический аппарат. Энциклопедия содержит 1467 статей и определений терминов, характеризующих во всем разнообразии деятельность Общества за 140 лет его существования.

Обратим внимание на научные работы, посвящённые региональным отделам ИППО. Значительным подспорьем для изучения темы является монография М.Ю. Нечаевой и В.П. Микитюка¹¹. В ней повествуется об открытии местных отделов Общества, характеризуются основные направления их деятельности, состав членов и должностных лиц.

История открытия епархиальных отделов ИППО в конце XIX – начале XX в. в контексте целей и задач этой общественной организации, динамика открытия отделов, роль общественности в деятельности региональных отделов проанализированы в статьях К.Е. Балдина¹², М.Ю. Нечаевой¹³, С.Ю. Житенёва¹⁴, В.В. Цысь¹⁵, С.И. Бояковой (в соавторстве)¹⁶, А.В. Горайко¹⁷.

¹⁰ Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг.: 140-летию ИППО посвящается. Сост., ред. и предисл. С.Ю. Житенева. М., 2022.

¹¹ Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское общество в культурной среде российской провинции. М., 2014.

¹² Балдин К.Е. Создание местных организаций Императорского православного Палестинского общества (1890-е гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 4 (12). С. 6–18.

¹³ Нечаева М.Ю. Открытие епархиальных отделов Императорского Православного Палестинского общества // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1 (5). С. 107–133.

¹⁴ Житенёв С.Ю. Отделы ИППО // Энциклопедия Императорского Православного Палестинского общества, 1882–2022. 140-летию ИППО посвящается. М., 2022. С. 618–619.

¹⁵ Цысь В.В. Отделы Императорского Православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск, 2014.

¹⁶ Боякова С.И., Юрганова И.И., Антонов Е.П., Николаев Д.А. «Начало, совершенно неожиданно для нас, было положено в самой дальней и самой холодной окраине нашего отечества»: из истории открытия Якутского отдела Императорского Православного Палестинского Общества (публикация документов) // Православный Палестинский сборник. 2024. Вып. 123. С. 228–241.

¹⁷ Горайко А.В. История Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: 1893 год, предоткрытие. К 130-летию создания Пензенского отдела ИППО // Православный Палестинский сборник. 2023. Вып. 122. С. 178–197.

По истории и деятельности региональных отделов ИППО изданы и научные монографии. В их числе исследования по Московскому отделу¹⁸, Костромскому¹⁹, Владимирскому²⁰, Нижегородскому²¹, Западной Сибири²².

Отдельные аспекты деятельности ИППО, в частности, паломничество, проведение Палестинских и народных чтений, кружечные сборы широко отражены в историографии. В статье Д.В. Коровина характеризуются публикации о паломниках в Святую Землю на страницах журнала «Московские ведомости» до 1903 г.²³ Статьи К.Е. Балдина содержат сведения о паломниках, побывавших в Палестине и оставивших мемуары²⁴. А.Г. Грушевской повествует об организации и особенностях паломничества под эгидой ИППО²⁵. К работам по истории палестинского паломничества относится и очерк С.Ю. Житенёва об истории паломнических путешествий одного из основателей и Почетного члена ИППО В.Н. Хитрова²⁶. Роль Великого князя Сергея Александровича как Председателя ИППО в контексте русского паломничества освещена в историческом очерке²⁷. Следует упомянуть о статьях П.В. Федотова: в одной из них характеризуется коллекция фотографий

¹⁸ Лисовой Н.Н., Бутова Р. Б., Житенёв С.Ю. Императорское Православное Палестинское Общество в Москве: из истории Московского отделения. К 140-летию Императорского Православного Палестинского Общества. К 115-летию образования Московского отдела. М., 2021.

¹⁹ История Костромского отделения ИППО 1898–2020 гг. с именным указателем / Авторы–составители протоиерей Д.И. Сазонов, П.П. Резепин. Кострома, 2020.

²⁰ Владимирское отделение Императорского Православного Палестинского Общества: вчера и сегодня. 1895–2021 гг. / Влад. Отд. ИППО. Владимир, 2021.

²¹ Святого Духа Благодать. Об основных направлениях деятельности Нижегородского отделения ИППО с момента основания до наших дней. Н. Новгород, 2017.

²² Цысь В.В., Цысь О.П. Отделы Императорского православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск, 2014.

²³ Коровин Д.В. «Московские ведомости» о русских в Святой земле // Богословские труды. 1999. Сб. 35: Материалы научно-богословской конференции, посвящённой 150-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847–1997). С. 209–215.

²⁴ Балдин К.Е. Источники личного происхождения о русском православном паломничестве конца XIX – начала XX в. // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 4. Оцифрованная копия: // Императорское Православное Палестинское Общество. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippo.ru/old/history/ippo-palomnichestvo/4/opis/3/index.html> (дата обращения: 27.01.2025); Он же. Звуки Святой Земли: акустическое пространство Палестины на страницах русских паломнических мемуаров XIX – начала XX вв. // Православный Палестинский сборник. 2022. № 120. С. 147–169.

²⁵ Грушевской А.Г. Материалы к истории деятельности Императорского Православного Палестинского Общества в начале XX века (отчёт А.А. Дмитриевского и В.И. Бельинского о состоянии подворий Общества в 1910 году) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 2 (18). С. 153–180.

²⁶ Житенёв С.Ю. Паломнические путешествия в Святую землю В.Н. Хитрова // Православный Палестинский сборник. 2023. № 122. С. 110–117.

²⁷ Великий Князь Сергей Александрович Романов на посту Председателя Императорского Православного Палестинского общества: исторический очерк. М., 2009.

о Палестине, собранных ИППО до 1918 г.²⁸, в другой идёт речь о руководителях учебных заведений ИППО на Святой Земле²⁹.

В историографии изучались и вопросы финансовых аспектов деятельности Общества. Это нашло отражение в работах К.Е. Балдина³⁰, В.В. и О.П. Цысь³¹. Авторы публикаций характеризуют основные источники финансовых поступлений в бюджет региональных отделов, а также рассматривают процесс подготовки, организации и результаты Вербных сборов в пользу Палестинского общества.

Научно-исследовательская и образовательная деятельность ИППО рассмотрена в трудах Г.В. Аксеновой³², Г.З. Пумпян³³, А.П. Соловьёва³⁴ и

²⁸ Федотов П.В. Коллекция фотографий Императорского Православного Палестинского общества в Государственном музее истории религии. Собирание фотографий Ближнего Востока в XIX веке // Сборник докладов международной конференции «Фотография в музее», 15–18 апреля 2014 г., г. Санкт-Петербург. СПб., 2014. С. 140–145.

²⁹ Федотов П.В. «Сообщения ИППО» как источник информации о руководящем составе школ Палестинского общества // Православный Палестинский сборник. М., 2019. Вып. 116. С. 181–188.

³⁰ Балдин К.Е. Из истории финансовой деятельности Императорского Православного Палестинского общества: всероссийские сборы денежных средств в вербное воскресение. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ippo.ru/news/article/iz-istorii-finansovoy-deyatelnosti-imperatorskogo--410540?ysclid=m7p4ugtmyuob607994294> (дата обращения: 27.01.2025).

³¹ Цысь В.В., Цысь О.П. Финансовые основы функционирования западно-сибирских отделов Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX – начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 1(62). С.112–124.

³² Аксенова Г.В. Пигуловская – хранитель традиций научного делания В.Н. Хитрова: к 130-летию со дня рождения Н.В. Пигуловской и 190-летию со дня рождения В.Н. Хитрова // Православный Палестинский сборник. М., 2024. Вып. 123. С. 90–107.

³³ Пумпян Г.З. Научно-исследовательская деятельность Императорского Православного Палестинского Общества (1881 – начало XX века): по материалам изданий ИППО // Материалы Международной конференции «Россия и арабский мир: К 200-летию профессора Санкт-Петербургского университета шейха Ат-Тантави (1810–1861)», 2–3 ноября 2010, Санкт-Петербургский государственный университет. Восточный факультет. СПб., 2010. С. 98–111.

³⁴ Соловьёв А.П. Образовательная деятельность ИППО в Палестине и Сирии в 1882–1917 гг. // // Православный Палестинский сборник. М., 2021. Вып. 119. С. 308–320.

С.Ю. Житенёва³⁵. Отдельного внимания заслуживают работы известного археолога и историка Л.А. Беляева³⁶ по направлению археологических исследований в Палестине, подчеркнувшего роль и значение религиозной археологии как особой миссии в деятельности Общества.

Такое направление деятельности ИППО, как проведение народных и Палестинских чтений о Святой Земле, рассматривают О.В. Колпакова и О.А. Сухова³⁷, а также В.В и О.П. Цысь, которые опубликовали результаты своих исследований относительно организации Палестинских чтений³⁸. В 2023 г. вышли их работы об указанных чтениях как форме просветительской работы³⁹ и о техническом аспекте проведения чтений – использовании проекционных аппаратов (волшебных фонарей) и диапозитивов (туманных картин)⁴⁰.

Наряду с этим, отмечаемый фрагментарно, Тверской отдел ИППО не стал предметом отдельного исследования, за исключением нескольких статей⁴¹. Организаторская деятельность члена-учредителя Общества, члена Совета и казначея Общества Николая Фёдоровича Фан дер Флита представлена в исследовании В.М. Воробьёва. В работе И.Г. Воробьёвой освещена тема

³⁵ Житенёв С.Ю. Александр Васильевич Назаренко как участник и руководитель научной деятельности Международной общественной организации «Императорское Православное Палестинское Общество» // Церковь в истории России. К 30-летию создания Центра истории религии и Церкви в Институте российской истории РАН. Институт российской истории РАН. М., 2023. С. 59–63.

³⁶ Беляев Л.А. Российско-палестинская иерихонская археологическая экспедиция и музейно-парковый комплекс РФ в Иерихоне: перспективы развития // Вестник Российской фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 3 (118). С. 11–24; Он же. «Религиозная археология» в русской и зарубежной исторической науке // Православный Палестинский сборник. М., 2003. Вып. 100. С. 9–20.

³⁷ Колпакова О.В., Сухова О.А. Палестинские чтения в деятельности Пензенского отдела Императорского Православного Палестинского Общества на рубеже XIX–XX вв. // Православный Палестинский сборник. М., 2024. Вып. 123. С. 242–251.

³⁸ Цысь В.В., Цысь О.П. Организация Палестинских чтений епархиальными отделами Императорского Православного Палестинского общества в конце XIX – начале XX вв. // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 10–11 ноября 2022 г.). Нижневартовск, 2022. С. 257–267; Они же. Подготовка и выпуск изданий для Палестинских чтений Императорским Православным Палестинским Обществом в конце XIX – начале XX в. // Православный Палестинский сборник. М., 2022. Вып. 120. С. 126–146.

³⁹ Цысь В.В., Цысь О.П. Палестинские чтения как форма просветительской работы Императорского Православного Палестинского общества на рубеже XIX–XX веков // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 4. С. 509–526.

⁴⁰ Цысь В.В., Цысь О.П. Использование волшебных фонарей на Палестинских чтениях в конце XIX – начале XX вв. // Научный журнал Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2023. № 2. С. 233–253.

⁴¹ Воробьёв В.М. Первый казначей Православного Палестинского общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 4. С. 130–142; Воробьёва И.Г. Бежецкий священник в Святой земле // Православный паломник. 2007. № 4. С. 12–13.

паломнического путешествия жителей Бежецкого уезда Тверской губернии в Святую землю. Упоминают Тверской отдел в контексте открытия епархиальных отделов и проведения Палестинских чтений М.Ю. Нечаева⁴² и О.В. Колпакова (в соавторстве)⁴³.

В ряду немногих работ следует выделить исследование С.Н. Смирнова⁴⁴. Автор подробно рассматривает становление и открытие епархиального отдела в Твери, его мероприятия историко-просветительского и гуманитарного характера в Тверской губернии в первые годы деятельности (1895–1901 гг.), а также численный и социально-профессиональный состав отдела. Исследование С.Н. Смирнова проведено на основе материалов «Тверских епархиальных ведомостей». Для настоящего исследования важны сведения об информативных возможностях такого источника как материалы периодической печати дореволюционного периода.

Таким образом, анализ историографии позволяет сделать вывод о богатой фактографичности темы исследования. В многочисленных трудах учёных освещены вопросы создания, становления и развития центральной структуры ИППО, его важные и актуальные направления деятельности, в их числе паломническая, образовательная, научная, издательская, международная, а также представлены биографические страницы первых председателей Общества – Великого князя Сергея Александровича и Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, его учредителей и активных деятелей. Тем не менее, очевидно, что история региональных отделов изучена недостаточно, что, в свою очередь, затрудняет формирование комплексной оценки деятельности Общества в дореволюционный период.

Изучение многоаспектной деятельности епархиальных отделов Общества невозможно без анализа источниковой базы. В настоящем исследовании представлена характеристика и информативные возможности неопубликованных архивных документов о деятельности Тверского отдела в дореволюционный период.

Богатый документальный материал отложился в архивных фондах Государственного архива Тверской области (далее – ГАТО). Следует отметить, что в ГАТО не выделено отдельного фонда, посвящённого деятельности Тверского отдела ИППО. Документы отдела отложились в обширных массивах документации дореволюционного периода фондов учреждений духовного ведомства, народного просвещения и учебных заведений, органов административного управления Тверской губернии.

Фонд канцелярии Тверского губернатора (Ф. 56) содержит дела о выдаче заграничных паспортов жителям Тверской губернии для поклонения святым местам в Иерусалиме, разрешения местной губернской власти на

⁴² Нечаева М.Ю. Указ. соч.

⁴³ Колпакова О.В., Сухова О.А. Указ. соч.

⁴⁴ Смирнов С.Н. Деятельность епархиального отдела Императорского Православного Палестинского Общества в Твери в конце XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2023. № 4 (68). С. 71–86.

проведение народных чтений в Твери, внутреннюю переписку Тверского губернатора с Председателем Тверского отдела ИППО, а также документы о прибытии в Тверь в 1898 г. Великого князя Сергея Александровича, занимавшего пост Председателя Императорского Православного Палестинского Общества. Следует отметить, что в фонде были выявлены дела, касающиеся деятельности Православного Палестинского Общества ещё до открытия в Твери епархиального отдела в 1895 г. Так, в 1885 г. на имя тверского губернатора поступил циркуляр Министерства внутренних дел о распространении возвивания Общества о пожертвованиях на возведение особых сооружений близ храма Воскресения Господня в Иерусалиме⁴⁵.

Среди документов фонда выявлены сведения о паломнических поездках жителей Тверской губернии в Палестину. С момента своего основания деятельность ИППО была направлена на сохранение и приумножение истинных православных ценностей, традиций, устоев. В этом направлении огромное значение имели паломнические поездки русских подданных на Святую Землю. В Уставе Общества прямо говорится о содействии и помощи «православным паломникам при посещении ими Святых мест Востока, устройством для них странноприимных домов, больниц, особых паломнических караванов, удешевлением путевых расходов, изданием путеводителей и т. д.»⁴⁶.

Председатель ИППО Великий князь Сергей Александрович уделял значительное внимание в деятельности Палестинского Общества паломническому направлению. Заботы Великого князя касались благоустройства быта и надлежащих условий путешествия русских паломников на Святую землю⁴⁷. Для паломников Общество построило новые подворья в Иерусалиме: Сергиевское, Александровское, Николаевское⁴⁸.

Тверской отдел с самого начала своей деятельности курировал организационные вопросы паломничества в Палестину. От Отдела были избраны уполномоченные по продаже паломнических книжек – священник кафедрального собора Н.Н. Богословский и иеромонах Апостольской церкви Феофан.

Отметим один немаловажный момент. Ещё до открытия Тверского отдела, жители губернии совершали паломнические поездки в Иерусалим. Так, в 1892 г. были поданы прошения на выдачу загранпаспортов на поездку к святым местам в Иерусалим от следующих лиц⁴⁹:

1. Крестьянин Тверской губернии Весьегонского уезда Никольской волости дер. Новинки Ефрем Леонтьев.

2. Новоторжский 2-й гильдии купеческий сын Петр Васильевич Синяев, проживающий в Торжке на Васильевской улице.

⁴⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 4745. Л. 1.

⁴⁶ Устав Императорского Православного Палестинского Общества. [Электронный ресурс]. URL: <https://ros-vos.net/history/ippo/ippo-spr/ustav/?ysclid=m7w40rhglq288587246> (дата обращения: 27.01.2025).

⁴⁷ Великий Князь Сергей Александрович Романов. С. 86.

⁴⁸ Житенёв С.Ю. Краткая история. С. 14.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 5069. Л. 1–26.

3. Новоторжский 2-й гильдии купец Павел Александрович Оминин, проживающий в Торжке на Успенской улице.
4. Крестьянин Весьегонского уезда Лукинской волости Андрей Ефимович Соколов.
5. Крестьянин Весьегонского уезда Чистинской волости дер. Юрьева Назар Миронов.
6. Крестьянин Тверской губернии Степан Евстигнеев.
7. Крестьянка Бежецкого уезда Кузнецова Анна Алексеевна.
8. Новоторжская мещанка Наталья Егорова.
9. Губернский секретарь Алексей Михайлович Вяхирев.
10. Крестьянка Ржевского уезда Федосья Васильева.

Прошения на выдачу паспортов подавали на имя губернатора через канцелярию, которая в свою очередь направляла запросы в органы полицейского управления на предмет проверки политической благонадежности просящих лиц. Паспорта выдавались сроком на 6 месяцев. По свидетельству источников, губернские власти не препятствовали жителям Тверской губернии в их желании посетить Святую землю и на прошения о выдаче заграничных паспортов, как правило, накладывали положительную резолюцию, о чем непременно сообщалось адресату.

Отметим, что паломнические поездки жителей Тверской губернии, вплоть до революции 1917 г., были широко распространены и пользовались популярностью среди различных слоёв населения, что и подтверждается рядом архивных документов.

Фонд канцелярии Тверского архиепископа (Ф. 64) располагает важными для исследования отчетами благочинных о проведении Палестинских чтений в школах и монастырях Тверской губернии. Палестинские чтения были основной формой культурно-просветительской работы не только Тверского отдела, но и других епархиальных отделов, и располагали верующих к паломничеству и пожертвованиям на нужды Общества. Кроме того, чтения выступали одним из источников «увеличения материальных средств общества».

Организация чтений регламентировалась «Правилами для устройства и ведения чтений о Святой Земле», опубликованными в «Тверских епархиальных ведомостях» от 1 декабря 1896 г.⁵⁰ Согласно Правилам программа чтений должна была содержать историко-географические сведения о Святой Земле, русском паломничестве, иноверчестве, деятельности ИППО по поддержанию православия в Святой Земле и опираться на материалы, изданные обществом в виде брошюр. Сроки проведения чтений – с 1 октября до шестой недели Великого поста. Чтения проводились в помещениях общественных учреждений и учебных заведений, в приходских церквях и других пригодных помещениях. Чтения сопровождались пением и использованием лек-

⁵⁰ Правила для устройства и ведения чтений о Святой Земле // Тверские епархиальные ведомости. 1 декабря 1898. № 23. Ч. офиц. С. 616–619.

тором «волшебного фонаря» с «туманными картинами». Во время проведения чтений выставлялись кружки для сбора пожертвований на нужды общества и организовывалась продажа изданий о Святой земле.

Как свидетельствуют источники, чтения пользовались огромной популярностью среди местного населения. В отчётах благочинных приводятся сведения о местах проведения, сроках, лекторах и количестве проведённых чтений в городах и уездах Тверской губернии в 1914 г. Так, в Весьегонске, Вышнем Волочке и Торжке состоялось 6 чтений, в г. Красный Холм – 3, в Бежецке – 1. Наибольшее количество чтений прошли в Кашире и Калязине – 20 (в период с 23 февраля по 31 марта 1914 г.). В отчетах отмечена высокая востребованность чтений местным населением, численность участников составляла от 50 до 150 чел.⁵¹

Между тем, в отчётах отмечался ряд трудностей в проведении чтений в губернских городах и приходах Тверской епархии. В частности, благочинные отмечали недостаток учебной литературы и брошюров о Святой Земле, что приводило к фрагментарной подаче материала⁵².

В фонде «Канцелярия Тверского архиепископа» имеются также материалы о деятельности членов Тверского отдела в годы Первой мировой войны. Так, благочинные округов ежемесячно направляли отчёты архиепископу Тверскому и Кашинскому об исполнении паstryрских обязанностей тверских священников, состоявших членами Тверского отдела ИППО, в военных лазаретах г. Твери⁵³. Также в лазаретах проводились чтения о Святой Земле стараниями тверских священнослужителей, в том числе и деятелями Тверского отдела⁵⁴.

Ценнейшим источником для изучения вопроса являются журналы заседаний Тверского отдела ИППО. Региональные отделы ежегодно проводили свои заседания и вели фиксацию обсуждения вопросов деятельности отделов.

Журналы заседаний Тверского отдела находятся в составе фонда «Экономическое правление Тверского архиерейского дома» (Ф. 467). В фонде сохранилось 9 журналов годичных заседаний Тверского отдела в период с 1910 г. по 1913 г.⁵⁵ Журналы представляют собой машинописные и рукописные листы. В журналах фиксировались дата заседания, порядковый номер, список присутствующих лиц, обсуждаемые вопросы, мнения, решения.

Журналы годичных заседаний Тверского отдела ИППО отражают мероприятия по выполнению задач, установленных «Руководящими правилами для действия отделов и уполномоченных Императорского Православного Палестинского Общества», а именно: 1) распространение сведений о целях общества; 2) привлечение новых членов в общество; 3) организация мер к увеличению материальных средств общества; 4) исполнение возлагаемых поручений.

⁵¹ ГАТО. Ф. 64. Оп. 1 Д. 39. Л. 9, 40.

⁵² Там же. Л. 3.

⁵³ Там же. Д. 200.

⁵⁴ Там же. Д. 79. Л. 119.

⁵⁵ Там же. Ф. 467. Оп. 1. Д. 420, 422, 423, 425.

Как свидетельствуют источники, основной формой работы Тверского отдела являлась организация публичных чтений и лекций о Святой Земле и деятельности Палестинского Общества. В ходе годичных заседаний Тверского отдела данный вопрос регулярно обсуждался членами Отдела. В журналах можно найти информацию о датах и пунктах проведения чтений, лекторах, организационных моментах.

По журналам заседаний можно выявить информацию о персональном составе Тверского отдела и его динамике. Следует отметить, что должностные лица отдела избирались сроком на три года. Традиционно должность председателя исполнялась архиепископом Тверским и Кашинским. Первым председателем был Савва (1819–1896), с декабря 1896 г. в связи со смертью Саввы и до марта 1905 г. этот пост занимал Димитрий (Самбикин), с марта 1905 до января 1910 г. – архиепископ Алексий III (Опоцкий). В 1910 г. председателем отдела был утвержден архиепископ Антоний (Каржавин) (†1914), товарищем председателя – тверской вице-губернатор Ф.Ф. Чернцов, казначеем – священник Мироносицкой церкви М.П. Любский (с 1912 г. протоиерей Живоносноисточниковской церкви М.Я. Лесоклинский⁵⁶), делопроизводителем – письмоводитель Канцелярии Его Высокопреосвященства А.М. Преображенский⁵⁷.

В журналах заседаний упоминаются члены ревизионной комиссии по проверке денежных сумм и члены совещательного совета. К первой группе относились: Н.Н. Модестов, протоиерей кафедрального собора, П.И. Невский, священник Сретенской церкви, А.С. Виноградов, священник Смоленской кладбищенской церкви. В 1902 г. в связи со смертью последнего его заменил И.В. Виноградов, протоиерей Смоленской церкви. С 1909 г. в составе комиссии значились П.И. Невский и И.В. Виноградов, с 1912 г. – П.И. Невский и иеромонах Иоанн, эконом Архиерейского дома⁵⁸.

В постоянный состав совещательного совета входили: протоиерей П.А. Соколов, настоятель кафедрального собора, Н.А. Криницкий, священник Владимирской церкви. С 1901 г. в совет периодически приглашались архимандрит Иннокентий, ректор семинарии, И.Г. Соколов, священник Симеоновской церкви, с 1910 г. – протоиерей М.Я. Лесоклинский⁵⁹.

Помимо состава должностных лиц журналы содержат сведения о членах-сотрудниках и действительных членах Тверского отдела. Поскольку епархиальный отдел был заинтересован в расширении членского состава и соответственно в увеличении финансовых средств, на заседаниях отдела рассматривались вопросы о принятии новых сотрудников. Так, в 1911 г. поступили заявления о зачислении в число членов-сотрудников с ежегодным взносом 10 рублей – настоятеля Новоторжского монастыря Архимандрита Феофана, настоятеля Кашинского Дмитровского монастыря Архимандрита Симона, настоятеля Клобукова монастыря Архимандрита Иоанникия,

⁵⁶ ГАТО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 423. Л. 1.

⁵⁷ Там же. Д. 420. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Д. 423. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Д. 422. Л. 1.

настоятеля Житенного монастыря игумена Нифонта, настоятельницы Казанского Вышневолоцкого женского монастыря игумении Досифеи, настоятельницы Новоторжского монастыря игумении Иоанны и эконома Архирейского дома иеромонаха Иоанна. В число действительных членов вошли настоятельница Бежецкого Благовещенского монастыря игумения Евстolia и настоятельница Кашинского Сретенского монастыря игумения Вера с ежегодным взносом 25 руб.⁶⁰

Для выполнения поставленных задач, предусмотренных уставом Общества, необходима была стабильная и устойчивая финансовая база. Финансовое обеспечение деятельности епархиальных отделов было одним из первостепенных направлений в работе отделов. Епархиальные отделы использовали различные источники финансирования, включая единовременные пожертвования, тарелочные и кружечные сборы, средства от проведения благотворительных мероприятий, а также поддержку со стороны государственных и церковных структур.

В архивных материалах фонда Тверской духовной консистории отложились документы о правилах, регламентирующих проведение денежных сборов, доставке собранных средств в Санкт-Петербург, а также об итогах сборов по Твери и Тверской губернии.

Основным источником средств на нужды Святой земли и паломников являлся Вербный сбор – сбор пожертвований от верующих в Вербную неделю (неделю Ваий). Ежегодно перед началом Вербного сбора центральная структура ИППО осуществляла рассылку правил сбора в региональные отделы, а также правила для производства сбора, надписи к сборным блюдам, возвзвания, объявления и собеседования для своевременной рассылки во все церкви епархии⁶¹. Как показал анализ архивных документов, Тверской отдел неукоснительное соблюдал правила инструкции. Так, в материалах фонда сохранились экземпляры правил тарелочного сбора в Вербную неделю, отправленные из канцелярии ИППО в Санкт-Петербург в Тверскую духовную консисторию, а также отчёты о тарелочном и кружечном сборе в Твери и Тверской губернии.

Рассмотрим более подробно механизм взаимодействия «столицы и провинции» по организации сбора денежных средств в пользу Палестинского общества и отчетах по сбору денег.

В Палестинском обществе были выработаны правила проведения сбора в Вербную неделю, которые заранее направляли из Петербурга в епархиальные отделы общества. Всего правил было девять. Следует отметить, что данные руководства поступали и в Тверской отдел, но, не напрямую, а через канцелярию Тверской духовной консистории, которая уже и направляла их в канцелярию Тверского отдела. Каждый год в феврале–марте в Тверских епархиальных ведомостях публиковались правила осуществления

⁶⁰ ГАТО. Ф. 467. Оп. 1. Д. 422. Л. 2.

⁶¹ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11983. Л. 2.

сбора и мотивирующее возвзание к прихожанам о необходимости внести посильную лепту на нужды православных Палестины. Согласно правилам, Тверская духовная консистория заблаговременно доставляла во все церкви епархии полученные от ИППО пакеты с надписями для сборных блюд, возвзваниями и актами по сбору. После получения возвзваний церквями священнослужители на внебогослужебных беседах и чтениях, в церквях и школах знакомили своих прихожан с целью настоящего сбора, а при входе в церковь бесплатно раздавались прихожанам возвзвания Общества. За неделю до дня сбора к наружным входным дверям церкви прикреплялось на большом листе возвзвание Общества о предстоящем сборе. Сам сбор производился посредством прохождения с блюдом во время богослужений праздника Входа Господня в Иерусалим. Производство сбора принимал на себя один из священнослужителей, церковный староста или один из почетных прихожан, который утверждался по решению настоятеля церкви или Тверского отдела. О собранных деньгах составлялся акт за подпись настоятеля церкви, членов причта, церковного старосты и лица, производившего сбор⁶².

Собранные деньги вместе с актом не позже месяца со дня сбора через благочинного доставляли в Тверскую духовную консисторию, которая, в свою очередь, направляла их в Санкт-Петербург в Совет ИППО⁶³. При этом благочинные Твери сдавали деньги напрямую казначею Консистории, а проживающие за пределами Твери отправляли деньги почтовым переводом⁶⁴. Казначей в обязательном порядке ставил отметку на купонах о принятии денежных средств, и благочинные в своих рапортах прикрепляли купон, что и являлось прямым доказательством акта сдачи и приёма денег⁶⁵. Рапорты направлялись в Тверскую духовную консисторию.

Как свидетельствуют отчёты Тверского отдела, в период с апреля 1910 г. по 5 января 1911 г. в Тверскую духовную консисторию поступило 1938 руб. 72 коп. от Вербного сбора. Из них по решению Епархиального руководства взято заемообразно на выписку бланков 971 руб. 50 коп, с последующим возвратом. В результате в Санкт-Петербург было отослано 967 руб. 22 коп. вместе с актами о количестве сборов по каждой церкви и с пометкой, что остальные деньги (971 руб. 50 коп.) будут доставлены в начале 1911 г.⁶⁶

В ГАТО также выявлены неопубликованные архивные материалы, отражающие механизм взаимодействия Тверского отдела с учебными заведениями Твери и Тверской губернии. Это такие фонды, как: «Директор народных училищ Тверской губернии» (Ф. 20), «Тверская Мариинская гимназия» (Ф. 12), «Тверская мужская гимназия» (Ф. 17), «Тверская учительская женская школа П.П. Максимовича» (Ф. 861).

Подводя итог можно сделать ряд выводов. Анализ историографии, позволяет заключить, что в поле исследовательского интереса находится

⁶² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11983. Л. 36.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 90.

⁶⁵ Там же. Л. 8, 11.

⁶⁶ Там же. Л. 90.

широкий спектр вопросов, связанных с деятельностью ИППО в дореволюционный период. В то же время, несмотря на обширный круг исследований, деятельность ряда епархиальных отделов изучена фрагментарно или вовсе не изучена. Неопубликованные архивные документы позволяют в значительной степени восполнить пробелы в изучении вопроса деятельности епархиальных отделов, их роли и значения в социально-культурной среде российской провинции. Привлечение архивных материалов позволило установить неизвестные ранее факты, касающиеся епархиального отдела в Твери, а именно его персональный, численный и социальный состав в динамике, функционирование канцелярии, особенности взаимодействия с органами административного управления, учреждениями народного просвещения и учебных заведений, епархиальным управлением, организационную подготовку и проведение Палестинских чтений, а также ведущие источники финансирования. Основной массив выявленных архивных документов относится к делопроизводственным материалам ИППО. Анализ историографии и выявленные неопубликованные источники позволяют говорить о перспективности дальнейшего исследования о деятельности Тверского отдела ИППО.

Список литературы:

1. Балдин К.Е. Создание местных организаций Императорского православного Палестинского общества (1890-е гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2012. Вып. 4 (12). С. 6–18.
2. Житенёв С.Ю. Краткая история Императорского Православного Палестинского Общества: 160-летию Великой княгини Елизаветы Федоровны, Председателя ИППО в 1905–1917 гг. посвящается. М.: Индрик, 2024. – 88 с.
3. Лисовой Н.Н., Бутова Р.Б., Житенёв С.Ю. Императорское Православное Палестинское Общество в Москве: из истории Московского отделения. К 140-летию Императорского Православного Палестинского Общества. К 115-летию образования Московского отдела. М.: Индрик, 2021. 320 с.
4. Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде Российской провинции. М.: Индрик, 2014. – 383 с.
5. Цысь В.В., Цысь О.П. Отделы Императорского православного Палестинского общества в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: основные направления, содержание и результаты деятельности. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – 247 с.

Об авторе:

ЦЫГАНОВА Ангелина Валерьевна – старший преподаватель, кафедра социально-культурного сервиса, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31, каб. 202); e-mail: Tsyganova.AV@tversu.ru

Activities of the Tver Department of the Imperial Orthodox Palestine Society (1895-1917): historiography and sources

A.V. Tsyganova

Tver State University, Tver, Russia

The article provides an overview of the historiography of the activities of the Imperial Orthodox Palestine Society (IOPS) and its Tver department. The analysis of historiography has shown the multidimensional nature of the issue in the research field and the poorly understood process of forming the regional structure of the IOPS. The author has identified set of archival documents on the activities of the diocesan department in Tver from the funds of the State Archive of the Tver Region, which are being introduced into scientific circulation for the first time. Their informative possibilities as a historical source for reconstructing the process of creating a department, the mechanisms of its functioning, financing and filling the gap in the study of the activities of regional departments are shown.

Keywords: *Imperial Orthodox Palestinian Society, Tver Department, diocesan department, Palestinian readings, palm gathering, pilgrimage, historiography, historical source.*

About author:

TSYGANOVA Angelina Valeryevna – Senior Lecturer at the Department of Social and Cultural Services, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya str., Office 202), e-mail: Tsyganova.AV@tversu.ru

References:

- Baldin K.E., *Sozdanie mestnikh organizatsii Imperatorskogo pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva (1890-e gg.)*, Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya «Гуманитарные науки», 2012, Vyp. 4 (12), S. 6–18.
- Zhitenyov S.Yu., *Kratkaya istoriya Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva: 160-letiyu Velikoi knyagini Yelizaveti Fedorovni, Predsedatelya IPPO v 1905–1917 gg. posvyashchaetsya*, M., Indrik, 2024, 88 s.
- Lisovoi N.N., Butova R.B., Zhitenyov S.Yu., *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v Moskve: iz istorii Moskovskogo otdeleniya. K 140-letiyu Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva. K 115-letiyu obrazovaniya Moskovskogo otdela*, M., Indrik, 2021, 320 s.
- Nechaeva M.Yu., Mikityuk V.P., *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo v kulturnoi srede rossiiskoi provintsii*, M., Indrik, 2014, 383 s.
- Tsis V.V., Tsis O.P., *Otdeli Imperatorskogo pravoslavnogo Palestinskogo obshchestva v Zapadnoi Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv.: osnovnie napravleniya, soderzhanie i rezulatati deyatelnosti*, Nizhnevartovsk, Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2014, 247 s.

Статья поступила в редакцию 20.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.331)+289+262.14+070.22 Тверские епархиальные ведомости
DOI 10.26456/vthistory/2025.1.082–095

Секты и сектантство на страницах «Тверских епархиальных ведомостей»¹

Н.А. Аглямов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье рассматриваются «Тверские епархиальные ведомости» как источник по истории возникновения и распространения местного сектантства. Определяется информационный потенциал ведомостей и степень освещенности положения сектантов в Тверской губернии/епархии. Анализ осуществляется в рамках четырёх смысловых блоков: развитие конкретных сект (сютаевцы, пашковцы); сектантство в контексте миссионерской деятельности; делопроизводственная документация духовного ведомства; сектанты в церковной публицистике. Делается вывод о возможности формирования на основе публикаций «Тверских епархиальных ведомостей» общих представлений о состоянии местного религиозного сектантства (численности сектантов, локализации отдельных общин, особенностях вероучения) и мерах противодействия со стороны духовенства, несмотря на слабую разработанность этого отдела.

Ключевые слова: «Тверские епархиальные ведомости», Тверская епархия, сектантство, миссионерство, сютаевцы, пашковцы.

На рубеже XIX – XX вв. в России наблюдался всплеск религиозного инакомыслия среди широких слоёв населения. Этот процесс затронул преимущественно крестьянство, однако в него были вовлечены и иные социальные группы. В большинстве своём сектантство носило имплицитный, скрытый характер, что значительно усложняет его изучение. В этой связи представляется актуальным изучение епархиальной периодики, которая потенциально может предоставить уникальные данные для исследования истории провинциальных религиозных диссидентов.

В отечественной историографии епархиальные ведомости неоднократно привлекались к исследованиям данной темы². Тем не менее, далеко

¹ Научный руководитель – докт. ист. наук, профессор, декан исторического факультета Тверского государственного университета Т.Г. Леонтьева.

² См. подробнее: Кориков Д.В. Деятельность русских мистических сект. (По «Оренбургским епархиальным ведомостям») // Документ. Архив. История. Современность. 2007. № 7. С. 3–16.; Розов А.Н. Традиционная культура русских сектантов на страницах

не вся местная церковная периодика исследовалась в этом ключе. «Тверские епархиальные ведомости» (далее – ТЕВ) регулярно использовались в работах по изучению локальной церковной истории и выступали в качестве объекта исследования³ (см.: Аглямов Н.А. Великая война 1914 – 1918 гг. на страницах «Тверских епархиальных ведомостей» // StudArctic Forum. 2023. Т. 8. №3. С. 20–27). Известный ярославский археограф А.А. Титов, впервые занявшийся изучением и систематизацией материала ТЕВ в конце XIX в., отмечал, что раздел, посвященный изучению раскола и сектантства, является наименее разработанным⁴. Такую оценку он дал содержанию ведомостей за первые семнадцать лет их существования (с 1877 по 1893 гг.). Однако ТЕВ выходили в свет вплоть до 1918 г. В связи с этим, целью исследования является выявление степени информационной освещенности в ТЕВ (1877–1918 гг.) положения сектантства в Тверской епархии.

В результате исследования содержания публикаций были выделены следующие сюжетные линии: развитие конкретных сект (сютаевцы, пашковцы); сектантство в контексте миссионерской деятельности; делопроизводственная документация духовного ведомства; сектанты в церковной публицистике.

Сютаевцы и пашковцы

Активизация сектантства во второй половине XIX в. во многом затронула Тверскую епархию. На фоне общего подъема религиозного инакомыслия среди крестьян, на тверской земле возникают новые секты, среди которых особое место занимает секта сютаевцев. Название происходит от имени ее основателя, крестьянина д. Шевелино Новоторжского уезда, Василия Кирилловича Сютаева.

Первые сведения о ней появляются в 1880 г. в местном периодическом издании «Тверской вестник»⁵. Однако в официальном издании Тверской епархии первые статьи, посвященные новой секте, были помещены спустя

епархиальных ведомостей (1860–1917 гг.) // Всероссийский конгресс фольклористов. 2019. № 4. С. 25–32.; Рухлин А.Н. Секты и религиозные движения в Российской империи во второй половине XIX – первой четверти XX в. на страницах Симбирских и Самарских епархиальных ведомостей // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21. № 1. С. 48–62.

³ См. подробнее: Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; Матисон А.В. Православное духовенство русского города XVIII века: генеалогия священно-церковнослужителей Твери. М., 2009; Иванова И.Е. Фольклор и этнография в духовной периодике XIX века: контекстные связи: по материалам «Тверских епархиальных ведомостей». Тверь, 2006; «Тверские епархиальные ведомости»: список и указатель статей, опубликованных в неофициальной части с 1894 по 1917 годы / сост. Н.А. Аглямов, С.М. Тарасов; науч. ред. Т.Г. Леонтьева. [Электронное издание]. Тверь, 2024.

⁴ Титов А.А. Тверские епархиальные ведомости. Список указатель и статей, помещенных в неофициальной части ведомостей за первые семнадцать лет их существования 1877–1893 гг. Сергиев Посад, 1894. С. 7.

⁵ Пругавин А.С. Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства. СПб., 1882. С. 35.

два года – в 1882 г. Авторство обширной статьи о Сютаеве и его последователях принадлежит редактору ведомостей, известному тверскому краеведу, протоиерею Владимирской церкви Твери, В.Ф. Владиславлеву.

Статья имеет несомненную информационную ценность, поскольку содержит уникальные сведения, не отраженные ни в одном другом издании, посвященном этой теме. Так, кроме прочего, автор в подробностях описывает процесс расследования «дела В.К. Сютаева». По сообщению В.Ф. Владиславleva, его начали 30 января 1876 г. по донесению священника с. Яконово Ефрема Градосельского. Он ставил в известность пристава 2 стана Новоторжского уезда, что в семье крестьянина Василия Сютаева новорожденный младенец был крещен без участия священнослужителя по «обряду Иоанна Крестителя»⁶. Полицейское управление провело дознание и отправило дело в духовную консисторию, откуда оно поступило к судебному следователю 2 участка Новоторжского уезда Чебышеву. Однако следователь вместо того, чтобы приступить к расследованию дела вступил в переписку с духовной консисторией, пытаясь выяснить какое именно преступление вменяется Сютаеву. Дискуссия развернулась вокруг возможности применения статей 190 и 192 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которые определяли меры наказания за отступление от православной веры. Несмотря на то, что Чебышев отказался проводить расследование, по распоряжению прокурора было начато предварительное следствие с привлечением другого следователя – Рождественского⁷. Но и эти мероприятия не способствовали продвижению дела: следователь пришел к выводу, что нельзя отнести Сютаева и его семью к какой-либо известной секте. На основе этих выводов прокурор постановил: «не представляется оснований к обвинению Василья Кириллова в совершении деяний, предусмотренных 190 и 192 ст. улож. о наказ»⁸. Таким образом, документы следствия вновь перенаправили в духовную консисторию. Этот сюжет убедительно свидетельствует, что вопрос определения понятия «секта» был актуален как минимум со второй половины XIX в., так как от его понимания зависели порядок судопроизводства и назначение меры наказания. Кроме того, представляется возможным проследить те коллизии, с которыми сталкивалось духовенство, взаимодействуя с полицейской и судебной системами в контексте борьбы с сектантами.

Примерно в это же время территория Тверской епархии стала местом распространения еще одной популярной секты – пашковцев. У её истоков стоял английский миссионер Ренвилл Редсток, который прибыл в Санкт-Петербург в 1874 г. с целью проповедования среди дворянства евангельского христианства. Наиболее активным последователем Редстока стал отставной

⁶ Владиславлев В.Ф. Сютаевцы // ТЕВ. Неофициальная часть. 1882. № 9. С. 257.

⁷ Владиславлев В.Ф. Указ. соч. С. 259–260.

⁸ Там же. С. 333.

полковник гвардии В.А. Пашков, от имени которого произошло название секты в России⁹.

В ТЕВ опубликовали три статьи, посвящённые распространению в Тверской епархии секты пашковцев. Наиболее полным исследованием остается работа преподавателя Тверской духовной семинарии Д.И. Скворцова, помещённая в приложениях к ТЕВ¹⁰. Однако необходимо отметить, что труд был опубликован отдельным изданием в 1893 г.¹¹ Он даёт представление об основных тенденциях развития пашковщины, локализацию сектантских общин, численность adeptov.

Примечательной можно назвать статью «Пашковцы в Вышнем Волочке», в которой речь идёт о распространении секты в дворянской среде. Здесь главным пропагандистом «лжеучения» стал отставной коллежский секретарь Федор Ефимович Ушков – дворянин Смоленской губернии. В статье сообщается, что Ушков служил в Санкт-Петербурге в одном из департаментов, а получив наследство переехал жить вместе с женой в Вышний Волочек, где купил дом «в лучшей в городе (Новгородской или Генеральской) улице»¹². Жизнь дворянского семейства резко меняется в 1882 г., когда Ушков «повредился умом, стал задумываться, всего бояться, револьверы держал заряженными»¹³. По настоянию врача он был отправлен в Санкт-Петербург для обследования. Однако там Ушков знакомится с Пашковым и вступает в его секту, после чего возвращается в Вышний Волочек, вооружённый сектантской литературой для пропаганды учения. В своем доме он организовывал молельные собрания и народные чтения, в публичных местах распространял брошюры. Деятельность Ушкова продлилась недолго: как только духовная консистория начала расследование он с женой «выехал из Волочка на жительство в С.-Петербург», а его «сообщники» были арестованы¹⁴. Спустя год после этого случая община пашковцев возникла в Старицком уезде, о чём сообщалось в ТЕВ. Характерно, что в статье указывается тот же источник происхождения секты – Санкт-Петербург. Крестьянин с. Ладынино Никанор Трофимов несколько раз посещал столицу, где увлекся пашковщиной. Более того, высказывается предположение о поддержке Трофимова «какими-то неизвестными людьми в Санкт-Петербурге», которые

⁹ Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. М., 1993. С. 1644.

¹⁰ Скворцов Д.И. Пашковцы в Тверской епархии // ТЕВ. Неофициальная часть. 1893. № 1. С. 1–10; № 2. С. 11–18; № 3. С. 19–26; № 4. С. 27–34; № 5. С. 35–42; № 6. С. 43–50; № 7. С. 51–58; № 8. С. 59–66; № 9. С. 67–74.

¹¹ См. подробнее: Скворцов Д.И. Пашковцы в Тверской епархии. Тверь, 1893.

¹² Пашковцы в Вышнем Волочке // ТЕВ. Неофициальная часть. 1883. № 9. С. 448.

¹³ Там же. С. 449.

¹⁴ Пашковцы в Вышнем Волочке // ТЕВ. Неофициальная часть. 1883. № 18. С. 546.

предоставляли ему книги и брошюры сектантского содержания, а также денежные средства¹⁵. Своевременная реакция местного духовенства позволила в кратчайшие сроки запустить процесс предварительного следствия, но о его результатах в статье не сообщается.

Таким образом, рассмотренные материалы в целом расширяют представление о развитии религиозного сектантства на территории Тверской епархии. Публикации предоставляют важные сведения касательно локализации сектантских общин, численности их адептов, порядке расследования дел сектантов. Однако необходимо отметить, что подобные статьи помещались в ТЕВ крайне редко: за 41 год издания ведомостей их было опубликовано всего 4.

Сектантство в контексте миссионерской деятельности

На рубеже XIX – XX вв. особо острым стал вопрос борьбы с распространением сектантства. Главными центрами развития сект являлись столицы Российской империи: Санкт-Петербург и Москва. В этом контексте, Тверская губерния, находящаяся между столичными регионами, становилась удобной для пропагандирования сектантских учений. Более того, как отмечает священник И. Ильигорский, представители рационалистических сект (штундисты, баптисты, евангелисты и адвентисты) имели самые разнообразные способы и средства для распространения учений в широких слоях населения, среди которых перечисляются регулярные местные «призывные собрания», порайонные съезды и поездки по общинам¹⁶. Более того, у евангелистов и баптистов насчитывалось порядка 19 периодических изданий, которые использовались для проповедования своих учений, а штундисты по всеместно строили молитвенные дома¹⁷. К началу XX в. деятельность сектантов значительно активизировалась, что не могло не вызывать беспокойства у православного духовенства и стимулировало на ответные действия со стороны РПЦ.

Одним из наиболее эффективных способов противодействия сектантам-пропагандистам считались публичные миссионерские собеседования, которые организовывались епархиальным миссионером и его помощниками¹⁸. Однако в ведомостях примеры таких собеседований были опубликованы только дважды¹⁹. На подобных встречах с сектантами миссионеры зачастую подвергали жесткой критике основные положения «лжеучений». Несмотря на то, что собеседования оказывали определенное влияние на сокра-

¹⁵ Пашковцы в Старицком уезде // ТЕВ. Неофициальная часть. 1885. №19. С. 642.

¹⁶ Ильигорский И. К борьбе с врагами церкви // ТЕВ. Неофициальная часть. 1911. №50. С. 1002.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Ветлин К. О миссионерстве // ТЕВ. Неофициальная часть. 1910. № 38. С. 777.

¹⁹ Крылов Л. Беседа с сектанткой // ТЕВ. Неофициальная часть. 1912. № 2. С. 25–34; Беседа епархиального миссионера с сектантом о возрождении // ТЕВ. Неофициальная часть. 1914. № 10. С. 171–179; № 11. С. 185–194; № 16–17. С. 295–305.

щения числа сектантов, к началу XX в. такой метод борьбы стал подвергаться критике. Епархиальная периодика, в которой зачастую отражались актуальные проблемы духовенства, стала местом открытых дискуссий о пользе и вреде собеседований. Среди их противников существовало мнение, что беседы с сектантами со стороны миссионеров носят агрессивный, отталкивающий характер²⁰, а апеллирование исключительно к примерам из Священного Писания является малопонятным для крестьян и, в связи с этим недостаточно эффективным²¹. Тем не менее, собеседования оставались одним из наиболее распространенных инструментов противодействия сектантству.

Однако позиции православной церкви заметно пошатнулись после подписания Николаем II в 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости», согласно которому в империи фактически устанавливалась свобода вероисповедания. «Общая опасность для Православной церкви, возрастающая с объявлением царского манифеста о свободе вероисповедания, и естественное следствие отсюда – размножение и рост сект...» – подчеркивал неизвестный автор²². С другой стороны отмечалось, что благодаря дарованию свободы вероисповедания было резко изменено положение сектантов и тем самым их «религиозная вражда» к православной церкви была ослаблена²³. Такая ситуация требовала от духовенства незамедлительно избавиться от индифферентизма в области миссионерской деятельности среди сектантов. В связи с этим происходит рост интереса среди священнослужителей к миссионерству.

В то же время церковная миссия столкнулась с давней проблемой – малограмматностью приходского духовенства в части богословия. Священник, не знающий Священное Писание, не мог эффективно противостоять сектантам-пропагандистам, что потенциально могло привести к оттоку паствы в секты. Типичный представитель приходского духовенства, столкнувшийся лицом к лицу с сектантом, был фактически безоружен: у него отсутствовали необходимые знания и умения для нейтрализации сектантской пропаганды. «С чего же нам начинать теперь защиту своей веры против сектантов и что прежде всего нужно выставить, как свою стенобитную машину?» – справедливо вопрошают миссионер Д. Боголюбов²⁴. Активизация миссионерской деятельности и необходимость преодоления общей малограмматности привели духовенство к мысли о необходимости проведения ежегодных курсов в Твери. Организация первых чтений была запланирована на лето 1913 г. Епархиальный миссионер определил главной целью курсов

²⁰ Баженов В. Отрицательная сторона в деле нашей православной миссии // ТЕВ. Неофициальная часть. 1914. № 33. С. 584.

²¹ Введенский А. К лучшей постановке противосектантской полемики // ТЕВ. Неофициальная часть. 1912. № 29. С. 473–475.

²² К предстоящим миссионерским курсам // ТЕВ. Неофициальная часть. 1913. № 32. С. 603.

²³ Баженов В. Указ. соч. С. 583.

²⁴ Боголюбов Д. Новейшая тактика сектантской пропаганды в православных приходах // ТЕВ. Неофициальная часть. 1911. № 49. С. 978.

предоставление «теоретической и практической подготовки пастырям и мирянам к миссионерской работе по обращению заблудших в лоно Церкви Христовой»²⁵. Современники высоко оценивали роль этих курсов. Их организация встретила одобрение в епархиальной периодике. Автор под псевдонимом «И.» отмечал, что «Тверская епархия вступает в новую фазу своего развития и существования; эта новая полоса в жизни Тверской миссии, ее новая организация на основах народно-органической миссии является давно желанной всеми деятелями на обще-церковной ниве...»²⁶. Действительно, курсы встретили интерес со стороны духовенства и светского общества.

Публикации в ТЕВ позволяют судить о ходе и результатах курсов. Открытие миссионерских чтений 18 августа 1913 г. началось с литургии в кафедральном Спасо-Преображенском соборе в Твери. Выступая с приветственным словом, Арсений (Смоленец), епископ Старицкий, отметил, что Тверская епархия «по блеску своего церковного развития является далеко не последней», однако раскольничество и сектантство значительно ее омрачают и выступают свидетельствами «изъянов духовной жизни»²⁷. Говоря о сектантстве, епископ Арсений указывал, что особое внимание необходимо уделить борьбе именно с рационалистическими сектами (баптистами и штундистами), общины которых появились в Затверецкой части Твери. Особую миссию курсов он видел в разоблачении баптизма в глазах интеллигенции, видевшей в нем средство «к оздоровлению русского народа»²⁸.

На курсах имели место эксцессы, которые в некоторой мере влияли на их ход. Так, по сообщениям автора под псевдонимом «И.», двое представителей Вышневолоцкого уезда покинули курсы прежде их окончания, мотивировав это своей неудовлетворенностью содержанием лекций. «Откровенно говоря, эти миряне были со взглядами, настроением и покроем героев революционных годов. Своим присутствием и речами они возбуждали дух недовольства и противления среди мирян, нарушили создавшуюся духовную связь между мирянами...» – отмечает автор сообщения²⁹. Кроме того, от 2 округа Новоторжского уезда на курсы был отправлен «мирянин с сектантскими взглядами», что противоречило целям лекций, которые заключались в подготовке священнослужителей и мирян к миссионерской деятельности, а не в «убеждении колеблющихся»³⁰.

По сообщениям участников курсов лекции читали известные миссионеры и исследователи сектантства и старообрядчества. Кроме прочих, на

²⁵ Речь и. д. миссионера в кафедральном соборе за архиерейским служением в день открытия миссионерских курсов // ТЕВ. Неофициальная часть. 1913. № 36. С. 696.

²⁶ К предстоящим миссионерским курсам... С. 602.

²⁷ Открытие миссионерских курсов в Твери // ТЕВ. Неофициальная часть. 1913. № 35. С. 672.

²⁸ Там же. С. 674.

²⁹ По поводу Тверских миссионерских курсов // ТЕВ. Неофициальная часть. 1913. № 38. С. 742.

³⁰ Там же. С. 742–743.

курсах выступали: пермский миссионер А.Г. Куляшев, московские миссионеры Н.Ю. Воржанский и И.В. Полянский, представитель владимирской миссии А. Акципетров³¹. Содержание лекций в первую очередь имело отношение к полемике с сектантами и старообрядцами, особое внимание обращалось на рассмотрение и разбор наиболее актуальных вопросов, вызывавших активные дискуссии.

По окончании епархиальный миссионер в докладной записке отмечал, что курсы велись в течение 14 дней, имели выдающийся успех, а слушатели лекций из числа священников и мирян неоднократно заявляли о необходимости ежегодного их проведения³². Однако главной преградой к продолжению, по признанию того же епархиального миссионера, являлось недостаточное финансирование. На проведение миссионерских курсов в Твери в 1913 г. было затрачено 1020 руб., не считая средств, дополнительно потраченных из бюджета архиерейского дома³³. В связи с этим предлагалось ежегодно проводить малые курсы на местах наибольшего распространения сектантства и старообрядчества, а на их организацию запросить у съезда духовенства 400 рублей³⁴. Из дальнейших публикаций становится известно, что эта сумма была выделена на проведение миссионерских курсов в 1914 г. из средств епархиального свече-воскового завода. Это обстоятельство вызвало недовольство у некоторых представителей духовенства, о чем можно судить из статьи священника Л. Флоренского. Отмечая, что миссионерство в Тверской епархии находится в «зачаточном состоянии», он считал недопустимым выделять такую незначительную сумму в условиях роста деятельности сектантов-пропагандистов³⁵.

Статья Л. Флоренского является заключительной среди публикаций, посвященных проведению миссионерских курсов в Тверской епархии. После 1913 г. никаких упоминаний о дальнейшей их организации в ведомостях не приводится. В первую очередь это можно связать с началом Первой мировой войны (1914 – 1915 гг.), во время которой РПЦ мобилизовала все свои ресурсы для помощи фронту и организации в тылу госпиталей для раненых солдат и офицеров, а также приютов для детей-сирот. На фоне военных бедствий миссионерская деятельность утратила прежнюю актуальность. Значительная часть материалов, публикавшихся в ТЕВ, была посвящена деятельности духовенства и мирян Тверской епархии в условиях войны.

³¹ Там же С. 743–744.

³² Докладная записка тверского епархиального Миссионерского совета об устройстве в епархии миссионерских курсов // ТЕВ. Неофициальная часть. 1913. № 46. С. 911.

³³ Там же. С. 912.

³⁴ Докладная записка тверского епархиального Миссионерского совета об устройстве в епархии миссионерских курсов. С. 913.

³⁵ Флоренский Л. О миссионерских курсах для пастырей // ТЕВ. Неофициальная часть. 1914. № 35. С. 631.

Делопроизводственная документация духовного ведомства

На страницах ТЕВ делопроизводственная документация духовного ведомства публиковалась как правило в официальной части. Она представлена отчетами различных епархиальных учреждений, журналами и протоколами съездов духовенства, распоряжениями местного церковного начальства. Наибольший интерес для исследования представляют отчеты епархиального миссионера. В ходе анализа выпусков ТЕВ было установлено, что в период с 1889 по 1913 гг. всего было опубликовано 12 отчетов, причем только в двух затрагивался вопрос возникновения и распространения сектантства (в большей части отчетов была отражена работа епархиального миссионера с старообрядческими общинами разных толков). Отчеты составлены в относительно свободной форме, лишенной привычного для делопроизводственной документации канцеляризма. Епархиальный миссионер подробно описывал результаты миссии за определенный период времени (как правило, за 1 год).

Первый отчет о положении сектантства в Тверской епархии был подготовлен епархиальным миссионером Павлом Шавровым в 1894 г. В нем был затронут вопрос распространения и актуального состояния сект сютаевцев и пашковцев. Миссионер сообщал, что ситуация значительно осложнилась для сектантов в связи с назначением в с. Яконово нового энергичного священнослужителя Н.И. Троицкого, который «с успехом охранял своих прихожан от пропаганды Сютаева»³⁶. Кроме того, фактический распад секты сютаевцев был зафиксирован в 1893 г., одновременно со смертью ее организатора. Иную ситуацию миссионер наблюдал среди пашковцев. Эта секта получила широкое распространение в Старицком и Новоторжском уездах, в связи с чем антисектантская миссия была локализована именно там. Борьба шла с переменным успехом и целиком зависела от настроя пашковцев. Отмечается, что в д. Сальницы они «собрались и с бранью набросились» на миссионера, местного священника и дьякона³⁷. Подобные детали во многом проясняют общую картину развития религиозного инакомыслия в Тверской епархии в начале 90-х гг. XIX в.

Второй отчет о состоянии сектантства, составленный епархиальным миссионером И. Ильигорским, был опубликован в ведомостях спустя 20 лет после первого – в 1914 г. Он уже более информативный и отражает несколько аспектов развития сект: численность сектантов, территориальные рамки расселения общин и их внутреннюю жизнь. Наряду с размахом антисектантской пропаганды на территории Тверской епархии автор отмечал особенности миссионерской деятельности и трудности, с которыми прихо-

³⁶ Отчет миссионера Павла Шаврова за 1893 г. // ТЕВ. Неофициальная часть. 1894. № 7. С. 162.

³⁷ Там же. С. 165.

дилось сталкиваться священнослужителям и мирянам в ходе борьбы с «лжеучениями»³⁸. Сектантские организации зачастую уклонялись от контактов с миссионерами, оставаясь вообще за рамками деятельности епархиальной миссии. «Сектантство и индифферентизм к вере и церкви с неверием и лжеверием теоретического и практического характера ширятся и растут», - заключает Ильигорский³⁹.

Из отчетов епархиального миссионера следует, что большое внимание уделялось собеседованиями со старообрядцами.

Сектантство в церковной публицистике

Рост религиозного инакомыслия волновал значительную часть духовенства. Наиболее активные представители духовного сословия делились своими размышлениями по этому поводу на страницах епархиальной прессы. Какие вопросы более всего их волновали?

В ТЕВ были опубликованы три статьи известного проповедника протоиерея А. Введенского под общим названием «К нашей полемике с сектантами», в которых рассматривались проблемы взаимодействия приходского духовенства с сектантами-пропагандистами. Первая статья посвящена изучению нового полемического приема – фиктивного собеседования, который признавался более эффективным, чем привычные миссионерские чтения⁴⁰. Во второй работе автор обращает внимание на смену тактики распространения «лжеучений», связанной с завлечением в sectу преимущественно детей (например, путем усыновления сирот)⁴¹. В рамках третьей поднимается вопрос влияния пьянства среди православных христиан на борьбу с сектантством. Отмечается, что сектанты обращали внимание на подобные пороки и использовали их в качестве аргумента против возвращения в «лоно православной Церкви»⁴².

Схожие вопросы поднимал священник А. Гусев, опубликовавший в ТЕВ обширную статью, посвященную рационалистическим и мистическим сектам. Автор подчеркивает, что наиболее опасными являются секты рационалистического направления (духоборчество, молоканство, штундизм, пашковщина и толстовщина), так как имеют собственную достаточно развитию миссию, которая активно занимается пропагандой «лжеучений» среди

³⁸ Отчет о состоянии расколо-сектантства в Тверской епархии и о деятельности противораскольнической и противосектантской миссии за 1913 г. // ТЕВ. Официальная часть. 1914. № 21–22. С. 270–282; № 23. С. 286–298; № 24. С. 311–314.

³⁹ Там же. С. 313.

⁴⁰ Введенский А. Оригинальный прием полемики. (К нашей борьбе с сектантами) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1912. № 36. С. 599–603.

⁴¹ Введенский А. На что нужно обратить особенное внимание? (К нашей полемике с сектантами) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1912. № 37. С. 613–617.

⁴² Введенский А. Пьянство и сектантство. (К нашей полемике с сектантами) // ТЕВ. Неофициальная часть. 1912. № 38. С. 631–640.

широких слоев населения⁴³. Опасность же мистического сектантства заключается в их скрытом характере, что порой приводит к отсутствию возможности точно установить принадлежность человека к той или иной секте⁴⁴. Среди основных методов противостояния распространению сектантства указываются: устроение правильного богослужения, развитие в приходе просветительской, образовательной и благотворительной деятельности⁴⁵. Таким образом, по мнению автора, вся тяжесть борьбы с сектантами фактически оказывалась на приходском духовенстве.

О необходимости осуществления правильного богослужения указывается в статье епископа Уфимского Андрея (Ухтомского). Он отмечает, что русские публицисты в годы Первой мировой войны ставят в вину правительству Германии распространение сектантства, которое активно спонсирует баптистских проповедников в России⁴⁶. Однако этот взгляд на проблему подвергается резкой критике со стороны епископа. Он отмечает, что главной причиной возникновения религиозного сектантства являются «нестроения» внутренней церковной жизни. Именно из-за отсутствия полноценной приходской жизни развиваются антицерковные течения и секты⁴⁷.

Подобного мнения придерживался епархиальный миссионер И. Ильигорский. Рассматривая психологию сектантов и мотивы вступления людей в секты, он отмечал, что важнейшей причиной развития религиозного инакомыслия является несоответствие жизни православных священнослужителей христианским идеалам, что приводит к упадку приходской жизни и «моральному и религиозному невежеству»⁴⁸.

Эту тему также затрагивал священник В. Баженов. Подчеркивая, что скромная и благочестивая жизнь приходского священнослужителя является важнейшим условием успеха миссии, он говорил о существенных недочетах в деятельности пастырей. Так, для предотвращения распространения сектантства, по его мнению, в приходе необходимо наладить «истовое и благоговейное совершение таинств», устроить в храмах народное пение во время богослужений, а также организовать общества «христианской взаимопомощи»⁴⁹.

Таким образом, публицистов в первую очередь интересовали причины возникновения и развития религиозного инакомыслия, а также способы про-

⁴³ Гусев А. К пастырской борьбе с сектантством // ТЕВ. Неофициальная часть. 1914. № 51–52. С. 911–912.

⁴⁴ Там же. С. 921.

⁴⁵ Там же. 1915. № 1. С. 9–16.

⁴⁶ Кто виноват в развитии нашего сектантства? // ТЕВ. Неофициальная часть. 1915. № 51–52. С. 867.

⁴⁷ Там же. С. 868.

⁴⁸ Ильигорский И. Истинны ли духовные основы в сектантстве? // ТЕВ. Неофициальная часть. 1915. № 4. С. 64.

⁴⁹ Баженов В. Какие духовно-пастырские меры должен принимать пастырь-миссионер по отношению к заблудшим чадам своего прихода? // ТЕВ. Неофициальная часть. 1915. № 15. С. 240–242.

тиводействия этому процессу. Характерно, что все статьи, посвященные вопросам распространения сектантства, были опубликованы в период с 1912 по 1915 гг. Возможно, рост интереса к этой проблеме связан с прошедшими в 1913 г. миссионерскими курсами в Твери. Тем не менее очевидно, что статьи по этой теме размещались в ТЕВ крайне редко, очевидно вопросы изучения сектантства находились на «периферии» информационных интересов тверского духовенства и редакции ТЕВ.

Заключение

Таким образом, в результате исследования информационного потенциала ТЕВ были установлены основные вопросы и проблемы развития местного сектантства. Публикации дают возможность выявить перечень сект, распространенных на территории Тверской епархии, их численность, особенности вероучения, а также определить меры, принимаемые духовенством и светскими властями против пропаганды «лжеучений» среди православного населения. Вопросы постановки миссионерской деятельности являются наиболее актуальными в контексте освещения епархиальными ведомостями состояния сектантства в Тверской епархии. В целом, материалы ТЕВ позволяют в общих чертах сформировать представление о развитии религиозного сектантства и противодействия ему. Однако, в целом можно согласиться с оценкой А.А. Титова, что отдел, посвященный истории сектантства в Тверской епархии, является слабо разработанным.

Список литературы:

1. Иванова И.Е. Фольклор и этнография в духовной периодике XIX века: контекстные связи: по материалам «Тверских епархиальных ведомостей». Тверь: Лилия Принт, 2006. – 146 с.
2. Кориков Д.В. Деятельность русских мистических сект. (По «Оренбургским епархиальным ведомостям») // Документ. Архив. История. Современность. 2007. № 7. С. 3–16.
3. Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. – 272 с.
4. Матисон А.В. Православное духовенство русского города XVIII века: генеалогия священно-церковнослужителей Твери. М.: Старая Басманная, 2009. – 268 с.
5. Розов А.Н. Традиционная культура русских сектантов на страницах епархиальных ведомостей (1860–1917 гг.) // Всероссийский конгресс фольклористов. 2019. № 4. С. 25–32.
6. Рухлин А.Н. Секты и религиозные движения в Российской империи во второй половине XIX – первой четверти XX в. на страницах Симбирских и Самарских епархиальных ведомостей // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21. № 1. С. 48–62.

Об авторе:

АГЛЯМОВ Николай Александрович – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31, каб. 207); e-mail: aglyamovn@mail.ru

Sects and sectarianism on the pages of the Tver Diocesan Gazette

N.A. Aglyamov

Tver State University, Tver, Russia

The article considers Tver Diocesan Gazette as a source on the history of the emergence and spread of local sectarianism. The information potential of the bulletins and the degree of coverage of the situation of sectarians in the Tver province/eparchy are determined. The analysis is carried out within the framework of four semantic blocks: the development of specific sects (Syutaevtsy, Pashkovtsy); sectarianism in the context of missionary activity; clerical documentation of the clerical department; sectarians in church journalism. It is concluded that it is possible to form general ideas about the state of local religious sectarianism (the number of sectarians, localization of individual communities, peculiarities of doctrine) and measures of counteraction on the part of the clergy on the basis of the publications of the Tver Diocesan Gazette, despite the weak development of this department.

Keywords: *Tver Diocesan Gazette, Tver diocese, sectarianism, missionaryism, Syutayevtsy, Pashkovtsy.*

About the author:

AGLYAMOV Nikolay Aleksandrovich – Postgraduate Student, Department of National History, Tver State University (170100, Russia, Tver, ul. Trekhsvyatskaya, 16/31, room 207); e-mail: aglyamovn@mail.ru

References:

- Ivanova I.E., *Folklore and ethnography in the spiritual periodicals of the XIX century: contextual connections: based on the materials of Tver Diocesan Gazette*, Tver, Lilia Print, 2006. – 146 s.
- Korikov D.V., *Activity of Russian mystical sects. (On «Orenburg Diocesan Vedomosti»)*, Document. Archive. History. Modernity, 2007, № 7, S. 3–16.
- Leont'eva T.G., *Faith and progress: Orthodox rural clergy of Russia in the second half of XIX – early XX centuries*, M., New Chronograph, 2002. – 272 s.
- Mattison A.V., *Orthodox clergy of the Russian city of the XVIII century: genealogy of the priest-church clergy of Tver*, M., Staraya Basmannaia, 2009. – 268 s.
- Rozov A.N., *Traditional culture of Russian sectarians on the pages of diocesan bulletins (1860–1917)*, All-Russian Congress of Folklorists, 2019, № 4, S. 25–32.

Rukhlin A.N., *Sects and religious movements in the Russian Empire in the second half of the XIX – first quarter of the XX century on the pages of Simbirsk and Samara diocesan bulletins*, Humanitarian: Actual problems of humanitarian science and education, 2021, T. 21, № 1, S. 48–62.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(430).086+062.02:93/99
DOI 10.26456/vthistory/2025.1.096–104

История создания мемориальных музеев в ФРГ на местах памяти бывших концентрационных лагерей¹

Е.В. Балашова

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

Статья посвящена истории создания мемориальных музеев на месте бывших концентрационных лагерей в Германии. Показано, что развитие мест памяти соответствовало периодам – «волнам памяти» в процессе работы с исторической памятью немецкого общества. Послевоенное время охарактеризовано как период забвения, что видно по процессам разрушения и изменения функций территорий, а также по установлению статичных памятных знаков, которые «подводили черту под прошлым». Период «извлечения уроков» раскрыт через описание общественных инициатив и вариантов сопротивления инициативам. Третий период после объединения страны характеризуется созданием некоммерческих организаций, которые становятся базой для официального открытия мемориальных музеев. Подчеркиваются различия между ФРГ и ГДР в деле сохранения памяти.

Ключевые слова: мемориальный музей, место памяти, «волны памяти», национал-социалистическое прошлое, концентрационные лагеря, мемориальные инициативы.

К концу Второй мировой войны система концентрационных лагерей нацистской Германии насчитывала более тысячи лагерей, включая некоторые из самых печально известных, таких как Освенцим, Берген-Бельзен, Бухенвальд и Дахау². По данным «Энциклопедии Холокоста» всего за период с 1933 по 1945 г. насчитывалось около сорока тысяч лагерей различного

¹ Научный руководитель – док. ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории ЯГПУ им. К.Д. Ушинского А.М. Ермаков.

² Encyclopedia of camps and ghettos, 1933–1945. Volume I. Early Camps, Youth Camps, and Concentration Camps and Subcamps under the SS-Business Administration Main Office (WVHA). / Ed. Geoffrey P. Megargee. Indiana University Press, Bloomington, 2009, XXXXXIII.

типа и других мест массового заключения³. В настоящее время в ФРГ существует около сорока мемориальных музеев на местах бывших концентрационных лагерей; они составляют часть мемориального ландшафта страны.

История появления подобных мест охватывает весь послевоенный период. Для территории характерно послевоенное развитие согласно периодам проработки немецкого прошлого, выделенным отечественным историком А.И. Борозняком и названным «волнами памяти»⁴.

Период «замалчивания» продолжался до 1960-х гг. и включал организацию достойного захоронения жертв, процессы над нацистскими преступниками, принятие решений о дальнейшем использовании территорий бывших лагерей, процесс законодательного закрепления компенсаций жертвам национал-социализма.

Наличие крупных захоронений в братских могилах требовало немедленного поминовения по причине невозможного сокрытия. Перезахоронение жертв, эксгумация, перевозка тел на родину, организация кладбищ и установка первых памятных знаков датируется примерно одинаково: 1945–1960-е гг.

Оккупационные власти держав-победительниц стремились привлечь к работам по эксгумации и перевозке тел не только нацистских преступников и их пособников. Причиной вовлечения в процесс простых немцев была, помимо необходимости возмездия, ещё и потребность в рабочих руках. Однако, люди не проявляли к умершим никакого сочувствия: «Никто не ставит вопросы о совместной ответственности населения. Никто не говорит: хорошо, что мёртвых похоронили. Никто не спрашивает о переживаниях убитых, их жизни, преследованиях или о том, как они умерли»⁵.

Память обобщалась, была отвлечённой, не имевшей отношения к конкретным действиям и людям, что видно через размытые формулировки о жертвах и преступниках. Надпись 1963 г. в Бизингене является образным выражением: «Здесь покоятся 1 158 неизвестных. Их имена из многих европейских стран. Это жертвы гнусного насилия»⁶. «Здесь лежат 389 сыновей многих народов Европы. Они жертвы тирании в темные времена. Их смерть

³ United States Holocaust Memorial Museum, Washington, DC. Nazi camps // Holocaust Encyclopedia [Elektronische Ressource] URL: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/ru/article/nazi-camps> (Datum der Behandlung: 24.12.2024).

⁴ Борозняк А.И. ФРГ: волны исторической памяти // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 2/3. С. 58–65.

⁵ Mall V. Roth H. Flugplatz und KZ-Aussenlager. Hailfingen Tailfingen. Recherchen und Begegnungen // Gewerkschaft Erziehung und Wissenschaft (GEW) Landesgeschäftsstelle Baden-Württemberg [Elektronische Ressource] URL: https://www.gew-bw.de/fileadmin/media/sonstige_downloads/bw/Kreise/Boeblingen/Info/Volker_Mall.pdf (Datum der Behandlung: 24.12.24).

⁶ Grunert H., Hentsch U., Lempp G., Marquart-Schad B., Montag U., Schelling R., Strasdeit D. Materialen. Wir sind gezeichnet fürs Leben, an Leib und Seele. Unternehmen „Wüste“ – das südwürttembergische Ölschieferprojekt und seine sieben Konzentrationslager. Ein Lese- und Arbeitsheft. Landeszentrale für politische Bildung Baden-Württemberg, Stuttgart, 2012. S. 52.

призывает нас всех поступать правильно, бороться со злом и чтить Бога в его творениях. 1939–1945»⁷ – обобщённая надпись на братской могиле кладбища бывшего лагеря в Леонберге, которая содержит еще и фактическую ошибку. Наименование кладбища в Бизингене «почётное кладбище» (Ehrenfriedhof) вместо «кладбище концентрационного лагеря» указывает на «языковое преодоление прошлого»⁸ с целью сохранения положительного образа города. Поскольку нацисты совершили свои преступления на виду у немецкого населения, свидетелям и соучастникам хотелось быстрее забыть о неудобном прошлом. Национал-социалистическое прошлое оказалось похороненным рядом с телами⁹.

В использовании территорий бывших концентрационных лагерей, можно выделить ряд тенденций. Объекты, где располагались производственные сооружения, хранились боеприпасы или взрывчатые вещества, использовались войсками западных держав–победительниц, а затем – бундесвером. В бункере–укрытии подводных лодок «Валентин», где производили подводные лодки типа «XXI», территория использовалась военными как склад и полигон. В военных целях использовались и территории внешнего лагеря Заксенхаузена Шёневайде, фабрики в Либенау (Нижняя Саксония), остатки концентрационного лагеря в Бремен-Фарге (казарма Везер-Гест), Хаслаха, Лангенштайн-Цвайберге (система туннелей), внешних концентрационных лагерей Лауры, Кальтенкирхена (с 1966 г.) и Гребенхайна.

В ряде случаев продолжались попытки промышленного использования объектов на месте бывших концлагерей. В Бизингене французские оккупационные власти попробовали продолжить добычу сланца, но это оказалось нерентабельным. В Тайльфингене предполагалось использование территории по назначению (расширение взлетно-посадочной полосы и строительство аэропорта), но было приостановлено из-за перехода власти от французов к американцам. В то же время заводы Дрюtte-Зальцгиттер (бывший металлургический комбинат «Герман Геринг») и Фольксваген работают по сей день.

В бывших лагерных бараках размещали беженцев и перемещённых лиц. Так, на бочарном заводе «Курц» в Швебиш-Халле после войны проживали немецкие беженцы из Венгрии и Судетской области, а позже – гастар-

⁷ Rundgang. Stationen: «Weg der Erinnerung» // KZ Gedenkstaette Leonberg [Elektronische Ressource] URL: <https://www.kz-gedenkstaette-leonberg.de/rundgang/details/1> (Datum der Behandlung: 24.12.2024).

⁸ Glauning Ch. Entgrenzung und KZ-System. Das Unternehmen „Wüste“ und das Konzentrationslager in Bisingen. // Landesbildungsserver Baden-Württemberg [Elektronische Ressource] URL: <https://www.schule-bw.de/faecher-und-schularbeiten/gesellschaftswissenschaftliche-und-philosophische-faecher/landeskunde-landesgeschichte/module/epochen/zeitgeschichte/ns/bisingen/d7.pdf> (Datum der Behandlung: 24.12.2024).

⁹ Niven B. Facing the Nazi Past: United Germany and the Legacy of the Third Reich. Taylor & Francis e-Library, London, New York, 2005. P. 16.

байтеры из Италии. В Штадталлендорфе беженцы из Судетской области значительно увеличили численность населения города, организовывая и работая на вновь появившихся коммерческих предприятиях.

Там, где лагерные строения примыкали к городской застройке, бараки были сожжены в санитарных целях. Но в случае нахождения лагеря непосредственно в городе бараки использовались для временного жилья, либо на их месте появлялась коммерческая застройка. В Гребенхайне в 1963 г. социальные службы Федерального управления финансов открыли дом отдыха в двух бывших бараках и в доме лагерной караульной команды. Кроме того, функционировало бывшее казино под названием «WaId-Casino Oberwald». Здания, имевшие отношение к рабочему лагерю в Гребенхайне, стали частью спа-отеля¹⁰. В городе Херсбруке удалось полностью переработать неудобное прошлое. На месте крупнейшего внешнего лагеря Флоссенбюрга разместились начальная школа, налоговая инспекция, спортивные площадки, жилье, парковка, зелёные насаждения. После создания водохранилища Хаппург территория лагеря Флоссенбюрг была частично затоплена.

Специальное облесение территорий было характерно как для Западной, так и для Восточной Германии. Подобную тенденцию можно было наблюдать на примере бывшего аэропорта Тайльфинген, взлётно-посадочные полосы которого вместе с массовыми захоронениями были засажены лесом в 1970-е гг.

Необходимо отметить, что ситуация с национал-социалистическим прошлым в ФРГ и ГДР различалась. Первые мемориалы появились именно в ГДР на месте бывших концентрационных лагерей Лангенштайн-Цвайберге (1948), Миттельбау-Дора (1966), Бендорф (1971), Лаура (1979). Отметим, что в ФРГ, гораздо большей по территории, к моменту объединения страны было четыре мемориальных музея, и все они были открыты лишь в 1980-е гг.

Как правило, началом создания музея становилась установка мемориального камня или доски, как это произошло в 1970 г. в Хаслахе, на месте завода HASAG в Лейпциге (1970), в Кохендорфе (1997), Зандхофене (1982), в районе Поппенбюттель в Гамбурге (1982), на заводе Фольксваген в Вольфсбурге (1991), в Шлибен-Берга (1963).

Второй период характеризуется вынесением темы в общественное пространство, например, сообщениями в средствах массовой информации. Организация экскурсий также способствовала популяризации мест: в Штольни Гольдбахера экскурсии проводятся с 1981 г., а в Людвигсбурге с 1987 г. проводится тур «По следам Третьего рейха».

Наиболее эффективным способом влияния на немецкую общественность стали специально организованные слушания в органах государственной власти. Первые публичные обсуждения истории местных лагерей в

¹⁰ Eigner C. «Muna im Wald, wir finden dich bald! ». Die Luftpumitionsanstalt Hartmannshain (Muna) bei Grebenhain im Vogelsberg von 1946 bis heute. Forderverein MUNA-Museum Grebenhain e.V., Grebenhain, 2018. S.92.

конце 1970-х – 1980-е гг. происходили по инициативе представителей фракции социал-демократов (Кальтенкирхен, 1975), церковного сообщества в сотрудничестве с местным муниципалитетом (Леонберг, 1979) или рабочей группы по изучению истории города (Зальцгиттер, Дрюtte, 1982; Хузум, 1983).

Первые публикации, документальные исследования издавались об Эккервальде (1985), о лагере Хайльфинген (1978) в книге «Национал-социалистический концентрационный лагерь на службе тотальной войны», о Херсбруке (1983). Публикации создавали общественный резонанс так же, как и публикации в местных газетах. В 1975 г. Герхард Хох опубликовал статью в социал-демократической газете Кальтеркирхена «INFO» под заголовком «Кровавая земля Кальтенкирхена»¹¹.

Особенностью ситуации на территории ГДР было то, что мемориалы, а значит, и первые инициативы происходили значительно раньше, что связано с политикой правящей партии и сильным советским влиянием. С 1965 г. группа «Молодые историки» школы Вюрцбаха начала переписку с узниками и в сотрудничестве с мемориалом Бухенвальда издала брошюру «Лaura – ад в сланцевой горе». Первые официальные мемориальные мероприятия на месте бывшего лагеря Миттельбау-Дора были проведены в 1950-х гг. в основном как часть так называемых «паломничеств» бывших французских военнопленных и их родственников. В 1964 г. перед бывшим крематорием в Доре была установлена скульптура Юргена фон Войски, что положило началу развития мемориального комплекса. 11 сентября 1949 г. (ещё до основания ГДР) был открыт первый на территории Германии мемориал на месте бывшего лагеря Лангенштайн-Цвайберге.

В ФРГ инициаторами создания музеев выступали как частные лица, так и государственные органы, но появлению постоянных экспозиций предшествовала долгая история, которая, с одной стороны, показывала пример взаимодействия представителей гражданского общества и государственных структур, с другой стороны – равнодушие и отказы в поддержке со стороны органов власти, а также заметное сопротивление местных жителей.

Инициаторами являлись бывшие узники, представители СДПГ и её молодежной организации «Молодые социалисты», представители церковного сообщества, учащиеся школ и студенты под руководством своих преподавателей. Как правило, почти в каждом случае можно назвать имя или несколько имен конкретных людей: городской архивист и краевед – историк Манфред Хильденбранд из Хаслаха; историк Фриц Бринкманн-Фризе – руководитель мемориала в Штадталлендорфе; мэр Нордхаузена Фриц Гиснер, бывший узник Бухенвальда – инициатор мемориала Миттельбау-Дора; мэр общины Бендорф, Хайнц Хиршберг, который вел личную переписку с бывшим узником лагеря Е.М. Григорьевым; супружеская пара Рут и Хайнц

¹¹ Гилл Ю. Концлагерь-филиал Кальтенкирхен // KZ-Gedenkstätte Kaltenkirchen in Springhirsch [Elektronische Ressource] URL: <https://www.kz-kaltenkirchen.de/images/Fremdsprachentexte/geschichtliches-russisch.pdf> (Datum der Behandlung: 24.12.2024).

Людвиг заботилась о мемориале Лаура с 1960-х гг. в течение 40 лет; учитель средней школы Фленсбурга Йорн-Петер Леппин из Ладелунда; представитель фракции социал-демократов в Кальтенкирхене Герхард Хох.

Шаг президента ФРГ Густава Хайнемана о регулярном проведении общегосударственного конкурса по истории Германии среди молодёжи дал импульс молодым людям для изучения местной истории. Ученик Томас Мефферт из Роттенбургской гимназии им. Ойгена Больца в 1999 г. написал работу «Аэрором, оборудованный дляочных полетов, и лагерь Хайльфинген-Тайльфинген в 1944/1945 годах»¹². Ученики гимназии Оберальстдорф (Поппенбюттель), которые в 1980–1981 г. исследовали историю лагеря, опубликовали результаты в брошюре.

Вместе с инициативами существовали и противоположные тенденции. В юбилейном издании 1952 г., посвящённом 600-летию Гуксагена, не было сказано ни слова о массовых убийствах, а концентрационный лагерь Брайтенау не был упомянут, а в «Домашней книге» муниципалитета Бизингена-Штайхенхофена в 1953 г даже говорилось о «жертве жителей Бизингена на войне» о том, как «тёмная тень концентрационного лагеря висит над всей общиной»¹³.

Отношение представителей власти показывало не только равнодушие, но и явное отрицание. Например, произошёл скандал на торжественной церемонии открытия мемориала в Зандхофене (Мангейм). Муниципальный советник Генрих Кирш в присутствии депутатов бундестага от двух ведущих партий страны ХДС и СДПГ заявил, что «прошло так много времени», что не следует возлагать вину на тех немцев, которые «не по своей воле» жили по соседству с концлагерем и теперь не хотят об этом вспоминать. «Почему люди, которым были навязаны все ужасы войны и тирании, должны испытывать чувство вины? Ведь они сами страдали», – заявил оратор¹⁴.

В 1985 г. на территории завода Дрюtte была установлена мемориальная доска, но ни бывшие узники, ни журналисты не могли пройти на терри-

¹² Das KZ-Außenlager. Bücher und Veröffentlichungen zum Thema // KZ Gedenkstätte Hailfingen Tailfingen [Elektronische Ressource] URL: <https://www.kz-gedenkstaette-hailfingen-tailfingen.de/php/veroeffentlichung.php> (Datum der Behandlung: 24.12.2024).

¹³ Glauning Ch. Entgrenzung und KZ-System. Das Unternehmen „Wüste“ und das Konzentrationslager in Bisingen. // Landesbildungsserver Baden-Württemberg [Elektronische Ressource] URL: <https://www.schule-bw.de/faecher-und-schularbeiten/gesellschaftswissenschaftliche-und-philosophische-faecher/landeskunde-landesgeschichte/module/epochen/zeitgeschichte/ns/bisingen/d7.pdf> (Datum der Behandlung: 24.12.2024).

¹⁴ Ермаков А.М. Третий российско-германский форум специалистов, работающих с молодежью: гражданское образование и культура памяти в современной Германии // Ярославский педагогический вестник. № 1. Ярославль, 2016. С. 369.

Ermakov A.M., *Tretij rossijsko-germanskiy forum specialistov, rabotayushchih s molodezh'yu: grazhdanskoe obrazovanie i kul'tura pamyati v sovremennoj Germanii*. № 1. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, Yaroslavl, 2016. S. 365–370.¹⁵ Zacharias E. Idee und Realisierung Die Gedenkstätte am historischen Ort. Arbeitkreis Stadtgeschichte e.V. Gedenkstätte KZ Drutte, Salzgitter, 2004. S. 6.

торию предприятия через проходную. Отказ позволить перепланировать газон под мемориальной доской «показывает, что руководство опасалось “ползучего”, развития мемориальной идеи»¹⁵.

Оценку прошлого местным населением можно проиллюстрировать откликами на книгу Герхарда Хоха «Главное место изгнания – командование концлагеря Кальтенкирхен» (1979). Как показали сообщения прессы, эта документация ужасов в регионе подняла много шума. Жители возмущались, называли его «загрязнителем гнезда», «коммунистической собакой, выпускающей газы», или пытались опорочить автора в письмах в редакцию, даже не вдаваясь в факты, представленные в книге, ведь автор не давал покоя ужасному прошлому их собственной среды обитания¹⁶. Акты осквернения памятных знаков в Хайльфингене (1982 г.) и Файхингене (1990 г.) также доказывают отрицательное отношение.

В середине 1990-х гг. мемориалы стали менять свою функцию, превращаясь из места поминовения в место исторического просвещения, экспозиции развивались и преобразовывались из статичных памятников в музеи, что ознаменовало переход к периоду «активной культуры памяти».

Процесс институционализации мемориальных центров, начавшийся на рубеже 1980-х – 1990-х гг., включал в себя создание рабочей группы (Arbeitskreis), союза-спонсора (Förderverein) или союза-собственника (Trägerverein), которые занимались разработкой истории места и готовили научную концепцию будущего мемориального центра. Заметим, что между работой групп и открытием мемориальных музеев могло пройти достаточно большое количество времени. К примеру, группа под руководством Ганса Моммзена разрабатывала историю принудительного труда на заводе Фольксваген с 1986 г., а центр был открыт только в 1998 г. Очевидно, отсутствие выражения в презентации прошлого завода такое продолжительное время было связано с тем, что «нужно было противостоять своей собственной истории»¹⁷. От создания рабочей группы (1998) до открытия мемориала (2005) в Файхингене прошло 17 лет. За этот период было невозможно найти спонсора, несмотря на создание союза-спонсора в 1990 г.

Мемориалы, открытые до 1990 г., возникали по схожей схеме, но рабочие группы не оформлялись как некоммерческие организации. Они были созданы, как в Зандхофене, по инициативе городских властей с привлечением городского молодежного кружка, профсоюзов, городского архива, частных лиц и ученых Мангеймского университета прикладных наук. Мемориалов на

¹⁵ Zacharias E. Idee und Realisierung Die Gedenkstatte am historischen Ort. Arbeitkreis Stadtgeschichte e.V. Gedenkstätte KZ Drutte, Salzgitter, 2004. S. 6.

¹⁶ Гилл Ю. Концлагерь-филиал Кальтенкирхен // KZ-Gedenkstätte Kaltenkirchen in Springhirsch [Электронische Ресурс] URL: <https://www.kz-kaltenkirchen.de/images/Fremdsprachentexte/geschichtliches-russisch.pdf> (Datum der Behandlung: 24.12.2024).

¹⁷ Kocks K. Uhl H.-J. «Aus der Geschichte lernen». Anmerkungen zur Auseinandersetzung von Belegschaft, Arbeitnehmervertretung, Management und Unternehmensleitung bei Volkswagen mit der Zwangsarbeit im Dritten Reich. Druckerei Schäfer, Wolfsburg, 1999. S. 10.

территории ГДР этот механизм не касался, поскольку союзы организовывались уже после централизованного создания мемориальных центров. Это союз мемориала Лангенштайн-Цвайберге и союз «Молодежь для Доры», которые требовались для разработки новых концепций выставок, поскольку старые были признаны «идеологически устаревшими». Так, муниципалитет Бендорфа специально создал рабочее место на период с 1994 по 1996 г. для аспиранта-историка Бьорна Кугера, который был занят разработкой новой концепции мемориала «Концентрационный лагерь – мемориал Бендорф».

При создании мемориального музея объединялись многие силы. Так, мемориальный и документальный центр Дрюtte был открыт благодаря созданию консультационного комитета, в который входили историки и другие члены рабочей группы, а также историк из городского архива, руководитель мемориала концлагеря Нойенгамме и глава мемориала Дюссельдорфа, бывший заключённый концлагеря, представитель органов охраны памятников и член трудового совета. Данный пример характерен для мемориальных музеев, открывшихся после объединения страны.

Таким образом, история аутентичных мест памяти и процесс создания мемориального музея на территориях бывших концентрационных лагерей соответствовали трем периодам проработки нацистского прошлого Германии. Послевоенная история мест памяти характеризовалась разнонаправленностью действий всех участников процесса: использование мест в социальных целях и установка памятных знаков, мемориальные инициативы выделяли сопротивление, рабочие группы и союзы как частные инициативы становились частью процессов формальной институционализации. При этом, после открытия экспозиций процесс не завершился, поскольку происходят расширения мемориальной территории, реконструкция и реставрация материальных остатков и обновления экспозиций в соответствии с требованиями времени.

Список литературы:

1. Ермаков А.М. Третий российско-германский форум специалистов, работающих с молодежью: гражданское образование и культура памяти в современной Германии // Ярославский педагогический вестник. № 1. Ярославль, 2016. С. 365–370.
2. Eigner C. «Muna im Wald, wir finden dich bald! ». Die Luftpflanzungsanstalt Hartmannshain (Muna) bei Grebenhain im Vogelsberg von 1946 bis heute. Grebenhain: Forderverein MUNA-Museum Grebenhain e.V., 2018. 120 s.
3. Kocks K. Uhl H.-J. «Aus der Geschichte lernen». Anmerkungen zur Auseinandersetzung von Belegschaft, Arbeitnehmervertretung, Management und Unternehmensleitung bei Volkswagen mit der Zwangsarbeit im Dritten Reich. Wolfsburg: Druckerei Schäfer, 1999. 24 s.
4. Niven B. Facing the Nazi Past: United Germany and the Legacy of the Third Reich, London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2005. 276 p.

Об авторе:

БАЛАШОВА Елена Валерьевна – аспирант, кафедра всеобщей истории, ЯГПУ им. К.Д. Ушинского (150000, Россия, Ярославль, Республиканская ул., 108/1); e-mail: zalybina.lena@yandex.ru

The History of Establishment of Memorial Museums on the Places of Memory of Former Concentration Camps

E.V. Balashova

Yaroslavl State Pedagogical University, *Yaroslavl, Russia*

The article devoted to the history of establishment of memorial museums on the site of former concentration camps in Germany. The development of memory sites corresponded to three periods – «memory waves», in the process of working with the historic memory of German society. The post-war period characterized as a period of oblivion through the processes of destruction and changes in the functions of territories, as well as the establishment of static commemorative signs that «drew a line under the past». The period of «learning lessons» revealed through the description of public initiatives and options for resisting initiatives. The third period after the unification of the country characterized by the creation of various non-profit organizations, which became the basis for the official opening of the memorial museums. The differences between FRG and GDR in the preservation of memory at the sites of former concentration camps emphasized.

Keywords: *memorial museum, place of memory, «memory waves», National Socialist past, concentration camps, memorial initiatives.*

About the author:

BALASHOVA Elena Valer`evna – Postgraduate Student, the Department of General History, Yaroslavl State Pedagogical University (150000, Russia, Yaroslavl, Republikanskaya str., 108/1); e-mail: zalybina.lena@yandex.ru

References:

Ermakov A.M., *Tretij rossijsko-germanskij forum specialistov, rabotayushchih s molodezh'yu: grazhdanskoe obrazovanie i kul'tura pamyati v sovremennoj Germanii*, Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik, 2016, № 1, S. 365–370.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024 г.

Подписана в печать 16.03.2025 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47)-254.4”18”

DOI 10.26456/vthistory/2025.1.105–120

Ревизоры Учебного комитета при Св. Синоде как агенты реформы духовного образования 1867 года¹

Ю.П. Орлова*

АНООBO «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

Исследование посвящено вкладу ревизоров Учебного комитета при Св. Синоде в реформирование православных духовных семинарий в 1860–1870-х гг. В статье на основе отчётов по ревизиям рассматриваются изменения, затронувшие систему управления духовным образованием во время пребывания на посту обер-прокурора Синода Д.А. Толстого. Особое внимание уделено взаимодействию ревизоров и семинарских правлений в деле реформирования принципов нравственного воспитания. Показано, что вопреки укоренившимся в историографии представлениям, деятельность ревизоров не ограничивалась надзором за внедрением и соблюдением устава 1867 г. Ревизоры видели себя борцами с устаревшими педагогическими традициями и посягали на автономию семинарских правлений в вопросе организации воспитания, а их отчёты стали ключевым материалом для регламентации и стандартизации воспитательного процесса пореформенных духовных семинарий.

Ключевые слова: история образования, нравственное воспитание, реформа духовных семинарий 1867 г., ревизии духовно-учебных заведений, Учебный комитет.

В литературе середины XIX в. закрепился образ ревизоров как пассивных и безразличных к чужим бедам чиновников, задача которых - обнаружить злоупотребления и донести о них вышестоящему начальству². Авторы-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ и ФВИ РК № 23-28-10260: «Европейский Север России как фронтier освоения территории: этно-социальный ландшафт, границы, статистические и структурные изменения XIX–XX вв.».

* Научный руководитель – канд. ист. наук, доцент факультета истории европейского университета в Санкт-Петербурге Ю.А. Сафонова.

² Напр., Н.В. Гоголь «Ревизор», Ф. М. Достоевский «Записки из мёртвого дома», А.И. Герцен «Былое и думы», Д.Н. Мамин-Сибиряк «Бойцы», М.Е. Салтыков-Шедрин «История одного города», Н.С. Лесков «Соборяне». См.: Могилевский Н.А. Губернаторы и чиновники эпохи Великих реформ в русской литературе 1850–60-х гг. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 19–35.

современники видели в них скорее разрушителей привычной жизни, чем соиздателей новых порядков.

Такое представление вышло за пределы классических художественных произведений и продолжает транслироваться в современной историографии. И если исследователи сенатских проверок постепенно отходят от этой тенденции, обращаясь к роли ревизоров в функционировании государственных институтов и местного управления в Российской империи³, то специалисты по истории церкви уделяют синодальным инспекторам гораздо меньше внимания. Так, А.В. Сушко со ссылкой на воспоминания бывшего семинариста писателя Н.В. Елагина призывает не переоценивать влияние ревизоров Учебного комитета, не верить в то, что ревизоры действительно истребляли семинарские беспорядки⁴.

Исследователи зачастую сводят деятельность ревизоров Учебного комитета при Св. Синоде к формальным обязанностям: сбору информации о состоянии духовно-учебных учреждений и надзору за порядком⁵. Составленные по результатам ревизий отчёты используются в качестве вспомогательных источников для уточнения фактологической информации об отдельных духовных школах и их учениках⁶.

В действительности ревизоры Учебного комитета выполняли широкий перечень задач, выходящих за рамки обычного надзора и преследования злоупотреблений на местах. Единственной попыткой проблематизировать роль ревизоров в духовно-учебной системе стала недавняя статья П.Ф. Широкова. Автор подчёркивает, что появление профессиональных ревизоров в 1860-х гг. внесло весомый вклад в становление духовного образования в России, а их наблюдения легли в основу циркулярных указов по духовно-учебному ведомству⁷. Однако его работа по-прежнему не даёт ответа на следующие вопросы: как ревизоры позиционировали себя и на что обращали

³ Бикташева А.Н. L'état c'est nous? Местное гражданство, имперское подданство и ревизия государственных учреждений в Казанской губернии (1819–1820 гг.) // Ab Imperio. 2006. №4. С. 137–186; Том Ю.В. К вопросу об организации общероссийского осмотра губерний // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. № 1. С. 56–78.

⁴ Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). СПб., 2010. С. 51.

⁵ Напр.: Попова О.Д. «Коммунальная квартира» епархиалок... (повседневная жизнь воспитанниц закрытых учебных заведений в рамках жилищного пространства) // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 4–1. С. 28–34.

⁶ Гуркина Н.К. Ревизионные отчеты Учебного комитета Святейшего Синода как источник по истории провинциальных духовных учебных заведений начала XX в. // Научные Труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2013. № 2. С. 8–16; Попова О.Д. Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 1 (58). С. 7–17; Вытнов В.К., связь. Отчеты о ревизии духовных учебных заведений как исторический источник (на примере Донской епархии) // Христианское чтение. 2020. № 1. С. 210–215.

⁷ Ферапонт (Широков), иером. Система ревизий духовно-учебных заведений во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 253–260.

внимание? в чём конкретно заключался их вклад в систему духовно-учебного управления? как реализовывались принципы автономии семинарских правлений под контролем синодальных ревизоров? Ответы на эти вопросы позволят лучше понять специфику реформы духовного образования 1867 г.

Хотя в ходе инспекций чиновники Учебного комитета обращали внимание на состояние учебной и хозяйственной частей, организацию съездов духовенства, в статье я буду рассматривать деятельность ревизоров в контексте нравственного воспитания семинаристов. Такой фокус кажется актуальным по двум причинам.

Во-первых, воспитательная часть была наименее формализованной сферой деятельности ревизоров. Устав духовных семинарий 1867 г. задавал только общее направление реформе и предоставлял большую автономию семинарским правлениям. Составление конкретных инструкций и дисциплинарных правил, а также выбор наказаний при их нарушении вменялись в обязанности правления семинарии⁸. Эта практика была новой не только для духовных школ, но и для пореформенного образования в целом. Так, правила для воспитанников гимназий и прогимназий после реформирования в 1860-х – 1870-х гг. по-прежнему устанавливались централизованно Министерством народного просвещения⁹. Задача синодальных ревизоров была проверять содержание внутренних регламентов на соответствие Уставу, отслеживать их соблюдение и разрешать недопонимания на местах.

Во-вторых, одной из ключевых причин реформы духовного образования 1860-х гг. было падение авторитета священников и нравственного уровня духовных воспитанников¹⁰. Ярким симптомом обострения проблемы в конце 1850-х гг. стала обличительная публикация И. Белюстин¹¹. Кроме того, в обществе распространялись нигилистические и социалистические идеи, которые по мере развития печати проникали и в духовно-учебные заведения¹². В результате перед реформаторами стояла цель не только обновить учебный план в соответствии с современными педагогическими требованиями, но и найти решение зреющим социальным конфликтам, воспитать новое поколение духовенства, готовое к современным вызовам.

Для проведения таких масштабных преобразований было важно сформировать принципы обучения и воспитания будущих священников, а также механизм управления духовным образованием. С этой целью в 1867 г. был

⁸ Журнал Учебного комитета при Святейшем Синоде с соображениями по вопросам, касающимся устройства воспитательной части в духовных семинариях 1871 год. СПб., 1880. С. 20.

⁹ Правила для учеников гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения. Казань, 1874. С. 3–23.

¹⁰ Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 136.

¹¹ Белюстин И.С. Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin, Paris. London. 1858.

¹² Freeze G.L. Op. cit. P. 237.

основан Учебный комитет при Св. Синоде – централизованный орган, в задачи которого входило внедрение новых уставов, отбор учебных пособий и ревизии учебных заведений¹³.

Согласно уставу Учебного комитета, изначально в его состав входило девять человек – шесть заседавших непосредственно в комитете и три ревизора¹⁴. Первыми ревизорами были обер-секретарь Синода И.А. Ненарокомов, старший чиновник Канцелярии Синода С.В. Керский и бывший служащий ведомства Министерства народного просвещения С.И. Лебедев. В 1871 г. число ревизоров было увеличено до пяти. Первые пять реформируемых семинарий (Астраханская, Рязанская, Нижегородская, Костромская и Самарская) были ревизованы одним из авторов устава духовных семинарий, директором Канцелярии обер-прокурора и близким знакомым Д.А. Толстого Н.А. Сергиевским¹⁵. Дополнительно привлекались сверхштатные сотрудники.

До реформы роль ревизоров исполняли исключительно высокопоставленные духовные лица, члены правлений духовных академий, в свободное от основных служебных обязанностей время¹⁶. С 1867 г. ревизии духовно-учебных заведений стали систематическими, а ревизоры – штатными членами Учебного комитета. Требования к ним также изменились. С этого момента релевантный опыт стал важнее происхождения. Хотя председатель комитета неизменно был представителем духовенства, на должность ревизоров назначались светские лица – чиновники, имевшие богословское или педагогическое образование, методико-педагогический опыт в духовных и народных школах. Исключение составляли немногие, например, С.И. Лебедев учился и позднее работал в Санкт-Петербургском педагогическом институте¹⁷.

Изменения были связаны с сомнениями обер-прокурора Синода Д.А. Толстого в достоверности дoreформенных ревизий. Они были короткими и часто копировали друг друга. Считалось, что они маскировали семинарские проблемы, а не помогали их разрешить. Введением специальной должности и привлечением опытных и незainteresованных светских чиновников Д.А. Толстой хотел добиться прозрачности и беспристрастности оценок¹⁸.

¹³ См. подробнее: Суржиков К.В. Внутренняя структура и личный состав Учебного комитета при Святейшем Синоде (краткий обзор) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 371–377.

¹⁴ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 797. Оп. 37. Отд. I. Ст. 1. Д. 131. Л. 496–497.

¹⁵ Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 207.; *Ферапонт (Широков), иером.* Динамика развития духовных семинарий после учебной реформы 1867 года (по материалам отчетов о ревизии) // Труды Коломенской духовной семинарии. 2023. № 2 (21). С. 63.

¹⁶ *Ферапонт (Широков), иером.* Ревизии духовных школ до учебной реформы 1867 года // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 4 (21). С. 83–94.

¹⁷ См. подробнее: *Ферапонт (Широков), иером.* Деятельность С.В. Керского на посту ревизора Учебного комитета // Научные труды Самарской духовной семинарии: сборник статей. Самара, 2022. Вып. XI–XII. С. 82.

¹⁸ Сухова Н.Ю. Указ. соч. С. 178.

После реформы члены Учебного комитета избирались лично обер-прокурором из числа доверенных лиц. По такому принципу председателем был назначен и протоиерей И.А. Васильев. Священнослужитель был хорошо знаком с представителями разных ветвей рода Толстых¹⁹. С Д.А. Толстым он лично познакомился, вероятно, в начале 1860-х гг. По воспоминаниям современников, протоиерей встречался с будущим обер-прокурором в Париже и помогал ему редактировать книгу «Le Catholicisme romain en Russie». Позднее И.А. Васильев не раз напоминал Д.А. Толстому об оказанной услуге, прося об ответных милостях²⁰.

Все ревизоры так или иначе были связаны с духовным ведомством (учились в семинариях, некоторые – в духовных академиях), но не принимали сан и выбирали светскую карьеру. Так, С.В. Керский (1831–1903) родился в семье протоиерея, окончил Пензенскую семинарию, а затем получил степень магистра богословия в Казанской духовной академии. Четыре года проработал смотрителем и учителем Лысковского духовного училища в Нижегородской губернии, после чего в 1858 г. получил должность чиновника канцелярии обер-прокурора Синода. За время службы членом-ревизором Учебного комитета прошёл путь от статского до тайного советника²¹. Другой пример, ещё более далёкий от образа прежних служащих Синода, – действительный статский советник С.И. Лебедев ([1817]–1882). Как и его коллега по комитету, он был выходцем из духовенства и получил среднее образование в духовной семинарии. Однако затем он окончил Педагогический институт в Санкт-Петербурге и остался там преподавать русскую словесность. В 1851 г. получил звание профессора, а в 1860 г. был назначен цензором Санкт-Петербургского цензурного комитета²².

Таким образом, на смену ревизорам-архимандритам пришли ревизоры-чиновники. Они были деятельными и исполнительными бюрократами и опытными педагогами-методистами, не стеснёнными церковной иерархией. Пореформенные ревизоры могли даже проигнорировать ритуальные жесты вроде визита к епархиальному архиерею по прибытии на место ревизии²³.

Чиновники Учебного комитета при Синоде должны были посещать семинарии и училища отдельных епархий, оценивать результаты преобразований, компетентность педагогов, образовательный и нравственный уровень

¹⁹ Парижские письма протоиерея Иосифа Васильевича Васильева к обер-прокурорам Святейшего синода и другим лицам с 1846 по 1867 гг. / Биограф. сведения, предисловие и примечания Л.К. Бродского. Петроград, 1915.

²⁰ Катанский А.Л. Воспоминания старого профессора. С 1847 по 1913 год. Нижний Новгород, 2010. С. 245.

²¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. СПб., 1913. Т. 2. 2464 стб.

²² Список гражданским чинам IV класса. Исправлен по 1-е июля 1864 г / Инспекторский отд. собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1864. С. 706.

²³ Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад, 1898–1911. Т. 5. С. 772.

воспитанников. Ревизоры сами устанавливали сроки своих ревизий²⁴. Обычно они проводили в духовных семинариях три-четыре недели. За это время чиновники проверяли внутренние регламенты, вычитывали учебные программы и сочинения, изучали состав библиотек и архивов, посещали уроки, общежития и квартиры, а также лично общались с семинаристами²⁵.

По подсчётом члена Учебного комитета С.И. Миропольского, за первые двадцать пять лет работы комитета было совершено 248 ревизий²⁶. По итогам каждой ревизоры устно сообщали наблюдения епархиальному архиерею и составляли подробные письменные отчёты для обер-прокурора Синода.

Если отталкиваться от числа сохранившихся отчётов в фонде Учебного комитета РГИА, то за 18 лет действия устава 1867 г. ревизоры провели 203 ревизии²⁷. За это время чиновники Учебного комитета посетили каждую из 51 семинарии в среднем четыре раза. При этом проверки не были регулярными. Так, Костромскую духовную семинарию ревизовали в 1867, 1868, 1870, 1873, 1878 и 1883 гг. Повышенное внимание в первые годы реформы, вероятно, было связано с оценкой готовности учебного заведения к преобразованиям по новому уставу в 1870 г²⁸. Ревизии в других духовных семинариях также после полного реформирования проводились реже, в среднем раз в пять лет (например, Астраханской, Кишинёвской, Кавказской, Нижегородской и Рязанской).

Как показано в таблице, распределение числа ревизий по годам было неоднородным. Больше всего (двадцать) проверок пришлось на 1873 г. С 1872 по 1879 г. стабильно проводилось больше десяти ревизий в год. Это объясняется как стремлением Синода упорядочить вносимые изменения и оценить их эффективность, так и обострением социально-политической обстановки в Российской империи, началом дела о пропаганде в империи.

Количество ревизий православных духовных семинарий, 1867–1884 гг.

1867	1868	1869	1870	1871	1872	1873	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884
5	14	10	9	9	10	20	11	15	11	11	16	14	9	11	10	9	9
203																	

Чаще всего отчёт о ревизии состоял из четырёх блоков: обучение, воспитание, хозяйственная часть и обзор окружных и епархиальных съездов духовенства. В первой части ревизоры подробно разбирали учебные пособия,

²⁴ Миропольский С.И. Двадцатипятилетие Учебного комитета при Святейшем Синоде // Приложение к Церковным ведомостям. 1892. № 23. С. 839.

²⁵ Напр., Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Черниговской епархии, произведенной с 3 мая по 4 июня 1870 г. в видах подготовления оных к полному преобразованию по высочайше утвержденным в 14 день мая 1867 года уставам и штатам. СПб., 1870.

²⁶ Миропольский С.И. Указ. соч. С. 839.

²⁷ Подсчитано по: РГИА. Ф. 802. Оп. 9, 17.

²⁸ Лебедев С.И. Преобразование духовно-учебных заведений в Костроме (1870 год). СПб., 1871.

оценивали качество преподавания и квалификацию учителей. Все вопросы, касающиеся нравственного развития учащихся, их проступков и мер, прилагаемых для улучшения поведения, разбирались во второй части. Нравственное состояние семинаристов настолько волновало Синод, что в некоторых случаях его анализ составлял до половины отчёта (например, в отчёте по ревизии Самарской семинарии 1873 г. И.К. Зинченко потратил на разбор воспитательной части двадцать из сорока страниц²⁹).

Обер-прокурор внимательно читал и комментировал каждый документ. Затем отчёты обсуждались на заседаниях Учебного комитета в присутствии всех штатных членов, в том числе и ревизоров. Таким образом ревизоры согласовывали мнения о норме поведения семинаристов и правильной организации учебного процесса.

По результатам обсуждений составлялся перечень рекомендаций, который утверждался Синодом³⁰. Наконец исправленные и дополненные рекомендациями отчёты печатались и рассыпались по всем семинарским правлениям и епархиальным главам. Они должны были служить указаниями к действию, а также разъяснением существующих регламентов и дополнением к ним с примерами из повседневной практики³¹.

Правления духовных семинарий действительно читали рассылаемые брошюры – ссылки на них встречаются в ежегодных ректорских отчётах о состоянии духовно-учебных заведений³². Д.А. Толстой также признавал, что составленные по отчётам заключения приносили «существенную пользу учебно-воспитальному делу множеством педагогических указаний»³³.

Точно сформулировать цели и задачи ревизий невозможно из-за отсутствия письменных инструкций для ревизоров. Однако косвенно судить о них мы можем по содержанию отчётов, формат и объём которых определяли сами составители³⁴, и по последующим обсуждениям в Синоде.

Первостепенной задачей ревизоров был контроль подготовки и преобразования духовных семинарий по новому уставу. Это касалось не только проверки соответствия учебных программ, квалификации преподавателей и новой организации классов. В рамках реформы были отменены устаревшие практики воспитания и введены новые (Основным документом, регламентирующим практики воспитания семинаристов, был Журнал Учебного комитета при Святейшем Синоде с соображениями по вопросам, касающимся устройства воспитательной части в духовных семинариях 1871 года). Например, запрещались искусственные иерархии учеников (принцип

²⁹ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Самарской епархии: 1873 г. СПб., 1874. С. 11–31.

³⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 49. Отд. I. Ст. 2. Д. 70. Л. 41–48; Д. 53а. Л. 52–55.

³¹ Там же. Ф. 802. Оп. 16. Д. 142. Л. 1–2.

³² Там же. Оп. 9. Отчёты. Раздел I. Д. 1. Л. 233.

³³ Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего синода графа Д.А. Толстого по Ведомству православного исповедания за 1872 г. СПб., 1873. С. 154.

³⁴ Миропольский С.И. Указ. соч. С. 839.

старших, следящих за поведением младших), телесные наказания. Ревизоры проверяли исполнение этих и других пунктов устава, указывали ректору на нарушения и сообщали о них обер-прокурору Синода.

Нередко оказывалось, что семинарские правления неправильно понимали смысл новых регламентов. С.И. Миропольский в своих мемуарах писал, что, хотя основные документы в виде устава, объяснительной записки к нему и циркулярных указов рассыпались по епархиям сразу после издания, «жизнь ставила массу практических вопросов, на которые Учебному комитету приходилось давать обстоятельные разъяснения и указания»³⁵. Забота об этом ложилась на плечи ревизоров.

По их собственным словам, ревизоры боролись с традициями и стремились «противопоставить закон укоренившемуся обычаю, или застарелым педагогическим привычкам, или воззрениям членов педагогического собрания»³⁶. При этом они позиционировали себя как помощников семинарских правлений, цель которых не наказать за ошибки, а помочь их исправить³⁷. Можно предположить, что правления не разделяли их видение ситуации. Для них ревизоры по большей части оставались чиновниками, носителями синодальной власти. По этой причине преподаватели обращались к ним с прошениями об улучшении места службы или материального положения и даже передавали доносы друг на друга, рассчитывая, что их слова так с большей вероятностью будут переданы обер-прокурору³⁸.

Хотя ревизоры были методистами и вырабатывали основные рекомендации совместно на заседаниях Учебного комитета, они обращали внимание на разные сферы семинарской жизни. Так, С.И. Лебедев, занимаясь параллельно с ревизорской деятельностью составлением учебных программ по словесности, фокусировался в отчётах больше на её преподавании, чем на нравственном воспитании будущих служителей клира³⁹. Отчёты И.К. Зинченко и С.В. Керского, занимавших до назначения в Синод должности инспектора и смотрителя духовно-учебных заведений, были более подробными. В них уделялось гораздо больше внимания вопросам нравственности.

Надзор за поведением и настроениями воспитанников был важен как в контексте улучшения репутации клириков, так и в связи с политическими волнениями внутри страны. Каждый отчёт сопровождался характеристикой нравственного состояния учащихся и их отношения к церковной службе, а также анализом зафиксированных в журналах поведения проступков.

³⁵ Миропольский С.И. Указ. соч. С. 833.

³⁶ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Черниговской епархии, произведенной с 3 мая по 4 июня 1870 г.... С. 3.

³⁷ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-ученых заведений Курской епархии (1870 г.). СПб., 1871. С. 65.

³⁸ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Полоцкой епархии в 1872 году. СПб., 1872. С. 88.

³⁹ Лебедев С.И. Преобразование духовно-учебных заведений во Пскове (1870 года). СПб., 1871. С. 5–6.

Несмотря на разность интересов, в фокусе внимания ревизоров оказывались несколько повторяющихся сюжетов. Самым частым предметом обсуждения в отчётах была проблема пьянства семинаристов. Ревизоры обнаруживали этот порок повсеместно и отдельно подчёркивали бездействие семинарских правлений в борьбе с ним. Во время ревизии Владимирской семинарии в 1869 г. И.А. Ненарокомов отметил, что в журнал поведения учеников заносятся далеко не все случаи нетрезвости, а воспитатели не стремятся ни исправить, ни в должной мере наказать замеченных в этом пороке учеников⁴⁰. Такая «ложная гуманность» членов семинарских правлений замечалась на протяжении всего действия устава 1867–1884 гг. В той же Владимирской семинарии спустя шесть лет уже другой ревизор по-прежнему обнаруживал множество случаев нетрезвости и не сомневался, что «одной из причин существования в среде владимирских семинаристов наклонности к пьянству служит снисходительное отношение к обнаружениям этого порока со стороны семинарского правления»⁴¹.

Если разгульный образ жизни и пьянство семинаристов волновало Синод и раньше, с 1867 гг. в обязанности ревизоров вошла забота о чтении воспитанников. Ни одна ревизия не обходилась без анализа состава библиотек, учебного и внеклассного чтения. Таким образом ревизоры оценивали влияние актуальных политических событий на умы семинаристов и отслеживали циркуляцию революционных идей в духовных школах.

Чтобы лучше понять настроения и образ мыслей учеников, ревизоры запрашивали читательские дневники и просматривали их учебные сочинения. В них часто обнаруживались такие черты, как эгоизм и «холодность к религиозным упражнениям»⁴². По мнению ревизоров, подобные качества вырабатывались из-за недостатка надзора за воспитанниками и чтения ими запрещённой литературы. В 1871 г. И.К. Зинченко отмечал, что ученики Черниговской семинарии в сочинениях доказывают необходимость и важность христианской религии от противного, через критику материалистических сочинений. Однако опровержение этих учений «в большинстве случаев заменяется оговоркой, сущность которой заключается во фразе: но здравый разум не может согласиться с этим. А это означает, что противовес этим теориям в головах учеников не велик»⁴³.

⁴⁰ Ненарокомов И.А. Отчет о ревизии Владимирской семинарии и тамошнего духовного училища (в 1869 г.) с изложением сведений о приготовлении духовно-учебных заведений Владимирской епархии к полному преобразованию по высочайше утвержденным 14 мая 1867 года уставам. СПб., 1869. С. 20.

⁴¹ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Владимирской епархии 1875 года. СПб., 1876. С. 15.

⁴² Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Курской епархии (1870 г.). С. 54.

⁴³ Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Черниговской епархии, произведенной с 3 мая по 4 июня 1870 г.... С. 19.

Во время ревизий чиновники Учебного комитета часто находили педагогов неспособными аргументированно доказать несостоятельность противорелигиозных высказываний философов и превосходство богословской интерпретации мира над естественно-научной⁴⁴. Инспекторы и смотрители библиотек также не проявляли особого энтузиазма в борьбе с циркуляцией запрещённой и нежелательной литературы в стенах семинарии. Спустя десять лет после начала реформы ревизоры по-прежнему находили в ученических и семинарских библиотеках непригодные, с их точки зрения, для семинаристов книги⁴⁵.

К последним они относили не только тенденциозную литературу, но и беллетристику – произведения современных писателей, бесполезные для подготовки будущих пастырей, например, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Пользуясь своим правом давать рекомендации семинарским правлениям, ревизоры прямо на местах предлагали инспекторам ограничить доступ к такой «неудобной» литературе⁴⁶.

Ревизоры также внимательно проверяли инструкции инспекторам семинарии и правила поведения учеников, составление которых по уставу 1867 г. становилось обязанностью семинарских правлений. Отсутствие универсальных правил должно было сделать обучение более гибким и адаптированным под нужды конкретного учебного заведения⁴⁷.

По словам С.И. Миропольского, члены Учебного комитета хотели «избежать тягостного в деле воспитания униформизма и чисто теоретической кабинетной обработки живых вопросов воспитания»⁴⁸. Предполагалось печатать рекомендации ревизоров в отчётах и рассыпать их по семинарским правлениям, чтобы те на примерах друг друга вырабатывали свои системы воспитания. В первые годы реформы обер-прокурор пресекал любые попытки стандартизировать правила. Так, в 1868 г. С.В. Керский обнаружил, что инспекторы и преподаватели Смоленской духовной семинарии вопреки требованию устава не заботятся о нравственности учеников, и письменным отношением на имя ректора велел составить конкретные правила для наставников с чётким перечислением их обязанностей⁴⁹. Д.А. Толстой отметил требования С.В. Керского, предоставив выбор методов воспитания «благоразумию, педагогической опытности и добросовестному усердию самих наставников»⁵⁰.

⁴⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 150. Д. 884. Л. 15 об.

⁴⁵ Сафонова Ю.А. Самообразование vs внеклассное чтение: светская литература в православных духовных семинариях после реформы 1867 г. // Антропологический форум. 2023. №57. С. 78.

⁴⁶ Зинченко И.К. Отчет по обозрению духовно-учебных заведений Вятской епархии. СПб., 1871. С. 37.

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 149. Д. 150. Л. 8.

⁴⁸ Миропольский С.И. Двадцатипятилетие Учебного комитета... С. 834.

⁴⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1868 г. Д. 44. Л. 54 об.

⁵⁰ Там же. Д. 44. Л. 79 об.

Однако члены правлений приняли управленческую автономию без энтузиазма. Почти в каждом отчёте ревизоры отмечали халатность в составлении документов. Одна часть регламентов была слово в слово списана с опубликованной инструкции Санкт-Петербургской семинарии⁵¹. Другая полностью повторяла положения устава 1867 г., касающиеся обязанностей учеников и воспитателей⁵². Те же правления, которые проявляли инициативу и творчески подходили к составлению правил, нередко критиковались за доходящую до абсурда мелочность⁵³.

По результатам проверок на пересмотр отправлялась почти каждая инструкция, а составленные ревизорами списки необходимых изменений включали порой несколько десятков пунктов⁵⁴. Хотя образцы и рекомендации для правлений печатались в ревизорских отчётах и рассыпались по всем епархиям, а после ревизий многие правления действительно пересматривали инструкции⁵⁵, ошибки и противоречия обнаруживались на протяжении всего времени действия устава 1867 г.⁵⁶.

Стоит отметить, что ревизоры исправляли не только «не согласные с семинарским уставом», но и «несостоятельные с педагогической точки зрения» правила. Так, С.В. Керский в правилах для воспитанников Кавказской семинарии обнаружил, что «пение светское и простонародное и разыгрывание на инструментах светских нот строго воспрещаются как занятия неприличные духовным воспитанникам или прямо вредные»⁵⁷. Такой запрет показался ему чересчур радикальным и противоречащим современным педагогическим идеям о важности эстетического воспитания.

Другой ревизор, С.И. Лебедев, критиковал использование в качестве наказания стояние на коленях: «Наказание такого рода, принадлежащее не столько к нравственному, сколько к физическому, по моему мнению, надлежало бы вывести из употребления, по крайней мере частого, как меру, не-пригодную к смягчению нрава учеников»⁵⁸. В подобных замечаниях прослеживалось стремление ревизоров гуманизировать и модернизировать воспитательную систему духовной школы. В целом внедрение в духовных школах современных педагогических принципов было едва ли не центральной миссией ревизоров. Их энтузиазм, однако, сталкивался с инертностью и консерватизмом семинарских правлений.

⁵¹ Напр.: Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Подольской епархии (1871 года). СПб., 1872. С. 55.

⁵² Напр.: Зинченко И.К. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Курской епархии (1870 г.). С. 48.

⁵³ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Кишиневской епархии (в 1868 г.). Кишинев, 1871. С. 39.

⁵⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874 г. Д. 71. Л. 15.

⁵⁵ Там же. Отчёты. Разд. I. Д. 52. Л. 22.

⁵⁶ Там же. 1878 г. Д. 67.; 1880 г. Д. 33.

⁵⁷ Керский С.В. Преобразование духовно-учебных заведений Кавказской епархии в 1871 году. СПб., 1871. С. 138.

⁵⁸ Лебедев С.И. Преобразование духовно-учебных заведений в Костроме (1870 г.). С. 13.

В результате именно ревизоры инициировали расследования, приводившие к исключению неблагонадёжных учеников и снятию с должностей неправляющихся с обязанностями членов правлений и преподавателей. Например, после экстренной ревизии Тифлисской семинарии в связи с беспорядками в 1872 г. были уволены инспектор и его помощник, а годом позже после повторной ревизии снят с должности и ректор⁵⁹.

В отчётах ревизоров явно прослеживается патерналистское отношение к семинарским правлениям. Чиновники низко оценивали их педагогические и управленические навыки и порой грубо вмешивались в вопросы воспитания, препятствуя тем самым реализации заложенных в реформу принципов семинарского самоуправления.

Однако и сами правления духовных семинарий не спешили воспользоваться данной им автономией. На это могло быть несколько причин. Во-первых, у них не было необходимых для самоорганизации навыков и опыта. Предшествующие сто лет система духовных школ находилась в строгом подчинении вышестоящим институциям. Выработкой воспитательных регламентов семинарий занимались преимущественно архиереи и члены Синода. Во-вторых, не хватало молодых и энергичных педагогов и служащих, разделявших идеи новой реформы и готовых ответственно подойти к организационным вопросам⁶⁰. Вкупе с давлением ревизоров и страхом увольнений эти факторы не оставляли пространства для развития самостоятельности, необходимой для реализации принципов семинарской автономии. Таким образом, первоначально заложенная в концепцию реформы идея увеличения автономии духовных школ оказалась несостоятельной. Не желая усложнять делопроизводство, Синод рассыпал ревизоров и использовал отчёты как альтернативный способ нормализации внутрисеминарских практик. Суждения ревизоров должны были замещать формальные правила и создавать пространство для поиска оптимальных педагогических и управленических решений.

Предполагалось, что ревизоры будут собирать прецеденты и точечно корректировать действия семинарских правлений, но правления не воспользовались данной им свободой самоуправления так, как того ожидал Синод. Отчёты печатались, исправления накапливались, но проблемы, с которыми была призвана бороться реформа 1867 г., не исчезали. Спустя шесть лет после начала преобразований С.В. Керский всё так же обнаруживал в стенах духовных семинарий «разнообразные явления», напоминавшие «старую бурсу», и обвинял правления в ложной гуманности по отношению к предосудительным поступкам воспитанников⁶¹.

⁵⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1874 г. Д. 71. Л. 9.

⁶⁰ Леонтьева Т.Г. Учебный процесс в духовных семинариях России XIX в. по воспоминаниям выпускников // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 3. С. 9–10; Сушкин А.В. Указ. соч. С. 164–165.

⁶¹ Керский С.В. Отчет о ревизии духовно-учебных заведений Ярославской епархии в 1873 году. СПб., 1877. С. 93.

Если в 1868 г. стремление отдельных ревизоров к стандартизации правил встречало сопротивление обер-прокурора, то уже к середине 1870-х гг. стало понятно, что альтернативные варианты не сработали. В январе 1875 г. все постановления и накопленные замечания ревизоров были собраны и формализованы в «Собрании постановлений 1867–1874 гг. относительно устройства духовных семинарий и училищ, согласно требованиям высочайше учреждённых 14 мая 1867 г. духовно-училищных уставов»⁶².

Хотя официально автономия семинарий в вопросах воспитания не упразднялась, влияние ревизоров возросло и обрело формальное основание. В 1875 г. они получили право давать письменные распоряжения семинарским правлениям без предварительного согласования с обер-прокурором Синода по всем собранным ранее прецедентам⁶³. Разочаровавшись в результатах семинарского самоуправления, Синод пошёл по привычному пути бюрократизации и рутинизации процессов управления духовным образованием.

Список литературы:

1. Бикташева А.Н. L'état c'est nous? Местное гражданство, имперское подданство и ревизия государственных учреждений в Казанской губернии (1819–1820 гг.) // Ab Imperio. 2006. № 4. С. 137–186.
2. Вытнов В.К., свящ. Отчеты о ревизии духовных учебных заведений как исторический источник (на примере Донской епархии) // Христиансское чтение. 2020. № 1. С. 210–215.
3. Гуркина Н.К. Ревизионные отчеты Учебного комитета Святейшего Синода как источник по истории провинциальных духовных учебных заведений начала XX в. // Научные Труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2013. № 2. С. 8–16.
4. Леонтьева Т.Г. Учебный процесс в духовных семинариях России XIX в. по воспоминаниям выпускников // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 3. С. 4–16.
5. Могилевский Н.А. Губернаторы и чиновники эпохи Великих реформ в русской литературе 1850–60-х гг. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 19–35.
6. Попова О.Д. «Коммунальная квартира» епархиалок... (повседневная жизнь воспитанниц закрытых учебных заведений в рамках жилищного пространства) // Вестник Вятского государственного университета. 2013. № 4–1. С. 28–34.
7. Попова О.Д. Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2018. № 1 (58). С. 7–17.

⁶² Собрание постановлений Святейшего Синода 1867–1874 гг. относительно устройства духовных семинарий и училищ, согласно требованиям высочайше утвержденных 14 мая 1867 года духовно-училищных уставов. СПб., 1875.

⁶³ РГИА. Ф. 797. Оп. 45. Отд. I. Ст. II. Д. 96. Л. 5 об.

8. Сухова Н.Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М.: Издательство ПСТГУ, 2006. 658 с.
9. Суржиков К.В. Внутренняя структура и личный состав Учебного комитета при Святейшем Синоде (краткий обзор) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 371–377.
10. Сафонова Ю.А. Самообразование vs внеклассное чтение: светская литература в православных духовных семинариях после реформы 1867 г. // Антропологический форум. 2023. № 57. С. 61–85.
11. Сушко А.В. Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). СПб. : СПбГМА им. И. И. Мечникова, 2010. 254 с.
12. Том Ю.В. К вопросу об организации общероссийского осмотра губерний // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. № 1. С. 56–78.
13. Ферапонт (Широков), иером. Деятельность С.В. Керского на посту ревизора Учебного комитета // Научные труды Самарской духовной семинарии: сборник статей. Том Выпуск XI / Выпуск XII. Самара: ООО «Слово», 2022. С. 81–89.
14. Ферапонт (Широков), иером. Ревизии духовных школ до учебной реформы 1867 года // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2022. № 4 (21). С. 83–94.
15. Ферапонт (Широков), иером. Динамика развития духовных семинарий после учебной реформы 1867 года (по материалам отчетов о ревизии) // Труды Коломенской духовной семинарии. 2023. № 2 (21). С. 62–69.
16. Ферапонт (Широков), иером. Система ревизий духовно-учебных заведений во 2-й пол. XIX — нач. XX вв. // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 253–260.
17. Freeze G.L. The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. 507 p.

Об авторе:

ОРЛОВА Юлия Павловна – аспирант, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге (191187, Россия, г. Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1А); e-mail: iorlova@eu.spb.ru

Auditors of the Educational Committee under the Holy Synod as Agents of the Reform of Theological Education of 1867

Yu.P. Orlova

European university at St.Petersburg, St.Petersburg, Russia

The study is devoted to the contribution of the auditors of the Educational Committee under the Holy Synod to the reform of Orthodox theological seminaries in the 1860-1870s. Based on the auditors' reports, the article

examines the changes that affected the system of governance of theological education during this time. Considerable attention is paid to the interaction between auditors and seminary boards in reforming the principles of moral education. The author argues that auditors' activities went beyond supervision and control over the state of theological schools. Auditors positioned themselves as fighters against old pedagogical traditions and encroached on the autonomy of seminary boards. Their reports became a basis for regulation and standardization the educational process of post-reform theological seminaries.

Keywords: *history of education, moral education, reform of theological seminaries of 1867, audits of theological schools, the Educational committee.*

About the author:

ORLOVA Yulia Pavlovna – PhD student, Department of History, European University at St. Petersburg (191187, Russia, St. Petersburg, Gaginskaya St., 6/1A); e-mail: iorlova@eu.spb.ru

References:

- Biktasheva A.N., *L'état c'est nous? Mestnoe grazhdanstvo, imperskoe poddanstvo i reviziya gosudarstvennykh uchrezhdenii v Kazanskoi gubernii (1819–1820 gg.)*, Ab Imperio, 2006, № 4, S. 137–186.
- Vytnov V.K., svyashch., *Otchety o revizii duchkovnykh uchebnykh zavedenii kak istoricheskii istochnik (na primere Donskoi eparkhii)*, Khristianskoe chtenie, 2020, № 1, S. 210–215.
- Gurkina N.K., *Rezensionnye otchety Uchebnogo komiteta Svyateishego Sinoda kak istochnik po istorii provintsial'nykh duchkovnykh uchebnykh zavedenii nachala XX v.*, Nauchnye Trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhIGS, 2013, № 2, S. 8–16.
- Leont'eva T.G., *Uchebnyi protsess v duchkovnykh seminariyakh Rossii XIX v. po vospominaniyam vypusknikov*, Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Серия: История, 2016, № 3, S. 4–16.
- Mogilevskii N.A., *Gubernatory i chinovniki epochi Velikikh reform v russkoj literature 1850–60-kh gg.*, Vestnik MGPU, Серия «Исторические науки», 2024, № 1 (53), S. 19–35.
- Popova O.D., «*Kommunal'naya kvartira» eparkhialok... (povsednevnaya zhizn' vospitannits zakrytykh uchebnykh zavedenii v ramkakh zhilishchnogo prostranstva*», Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013, № 4–1, S. 28–34.
- Popova O.D., *Materialy revizii duchkovno-uchebnykh zavedenii kak istoricheskii istochnik i ikh rol' v prochtenii memuarov seminaristov*, Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina, 2018, № 1 (58), S. 7–17.
- Sukhova N.Yu., *Vysshaya duchkovnaya shkola: problemy i reformy (vtoraya polovina XIX veka)*. M.: PSTGU, 2006.

- Surzhikov K.V., *Vnutrennyaya struktura i lichnyi sostav Uchebnogo komiteta pri Svyateishem Sinode (kratkii obzor)*, Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii. 2021, № 3 (8), S. 371–377.
- Safronova Yu.A., *Samoobrazovanie vs vneklassnoe chtenie: svetskaya literatura v pravoslavnnykh dukhovnykh seminariyakh posle reformy 1867 g.*, Antropologicheskii forum, 2023, № 57, S. 61–85.
- Sushko A.V., *Dukhovnye seminarii v poreformennoi Rossii (1861–1884 gg.)*. SPb.: SPBGMA im. I.I. Mechnikova, 2010.
- Tot Yu.V., *K voprosu ob organizatsii obshcherossiiskogo osmotra gubernii*, Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorya, 2021, № 1, S. 56–78.
- Ferapont (Shirokov), ierom., *Deyatel'nost' S.V. Kerskogo na postu revizora Uchebnogo komiteta*, Nauchnye trudy Samarskoi dukhovnoi seminarii: sbornik statei. Tom Vypusk XI / Vypusk XII. Samara, 2022, S. 81–89.
- Ferapont (Shirokov), ierom., *Revizii dukhovnykh shkol do uchebnoi reformy 1867 goda*, Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii, 2022, № 4 (21), S. 83–94.
- Ferapont (Shirokov), ierom., *Dinamika razvitiya dukhovnykh seminarii posle uchebnoi reformy 1867 goda (po materialam otchetov o revizii)*, Trudy Kolomenskoi dukhovnoi seminarii, 2023, № 2 (21), S. 62–69.
- Ferapont (Shirokov), ierom., *Sistema revizii dukhovno-uchebnykh zavedenii vo 2-i pol. XIX — nach. XX vv.*, Khristianskoe chtenie, 2024, № 2, S. 253–260.

Статья поступила в редакцию 27.11.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 930+233-852.5Y

DOI 10.26456/vthistory/2025.1.121–129

Историографические аспекты изучения концепции йоги Е.П. Блаватской¹

О.А. Менделеева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье представлен обзор системы йоги Е. П. Блаватской и её влияние на развитие общественного интереса к йоге в России, США и Европе в конце XIX – начале XX в. Автор проводит антропологическое исследование, опираясь на этнографические материалы, собранные Е.П. Блаватской во время её пребывания в Индии в 1880-х гг. Особое внимание уделяется взглядам автора на сущность йогических практик и восприятию феномена в интеллектуальных и духовных сообществах. Концепция Е.П. Блаватской рассматривается не только в философском контексте, но и как источник этнографических данных, ценных для изучения истории йоги. Автор приходит к выводу, что концепция Блаватской стала ключевой для повышения научного и общественного интереса к йоге за пределами Индии в конце XIX в., подготовив почву для более поздних работ.

Ключевые слова: Е.П. Блаватская, Индия, раджа-йога, хатха-йога, садху, магия.

Религиозное разнообразие Индостана на протяжении нескольких столетий является важной частью исследований восточной истории и культуры. Однако изучение йоги – это относительно молодое направление и достаточно сложный вопрос в контексте антропологии. Йога как система знаний и практик представляет собой большое количество направлений, как классических (преимущественно для Запада), так и архаических, глубоко вплетенных в индийские культурные практики, обнаружить которые можно только путем специальных исследований.

Вплоть до середины XX в. йога воспринималась преимущественно через систему Патанджали, то есть как теоретическая сторона феномена, отражение философии йоги. Вместе с тем надо понимать, что йога является глубоко укорененным феноменом индийской культуры, внедренным в мировоз-

¹ Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории А.В. Белова, Тверской государственный университет.

зрение населения. Е.П. Блаватская, тесно познакомившись с индийскими йогическими теоретическими работами уже в конце XIX в., отмечала их культурную ценность, а также значимость данного учения для достижения физического здоровья и интеллектуального развития, вплоть до достижения так называемого «высшего» знания.

Изучение йоги во второй половине XIX – начале XX в. не имело большого успеха: местные жители и представители научных и философских кругов не изучали йогу из-за концентрации внимания скорее на темах политической и культурной эманципации страны от метрополии. Европейские исследователи, в свою очередь, были мало знакомы с системой йоги в комплексе единого учения, так как йоги, как правило, совершенствовались обособленно в силу принципа отрещения от желаний и потребностей для совершенствования. Вследствие этого вплоть до 1893 г. йога как таковая была не известна широким кругам религиозно-просвещённого мира.

Одно из крупнейших антропологических исследований йоги было представлено ведущим исследователем религиоведения, М. Элиаде. В работе «Йога: бессмертие и свобода» автор представил йогу как комплексное учение, которое имело в своей структуре элементы, предназначавшиеся разным культурам, социальным слоям и уровням сознания. Этот фундаментальный труд был построен как на личном практическом опыте автора, как общения с гуру, так и на многочисленных письменных источниках².

Многочисленными являются обширные исследования истории йоги, среди которых «История йоги» В. Вашингтон³, «История современной йоги: Патанджали и западный эзотеризм» Э. Микелис⁴, «История йоги: от древней Индии до современного Запада» А. Ширера⁵ и др., в которых отдельное внимание было уделено влиянию Теософского общества и деятельности С. Вивекананды на распространение йоги в Западной Европе и США. Учитывая общий характер работ, глубокого анализа концепции йоги Е.П. Блаватской авторы не дают, однако показано её влияние в историческом контексте популяризации йоги в XIX – начале XX в.

В России и в зарубежной историографии на данный момент существует значительное количество исследований, которые посвящены рецепции йоги в отечественном сознании во второй половине XIX – начале XX в.

² Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода / пер. с англ. С.В. Пахомова. М., 2022.

³ Washington V. A history of yoga // Archive. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/historyofyoga0000wort> (date of address: 01.08.2024).

⁴ De Michelis E. A History of Modern Yoga: Patanjali and Western Esotericism // Google Book. [Электронный ресурс]. URL: A History of Modern Yoga: Patanjali and Western Esotericism – Elizabeth De Michelis - Google Books (date of address: 07.08.2024).

⁵ Shearer A. The Story of Yoga: From Ancient India to the Modern West // Google Book. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=U97QDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=yoga+and+theosophy+indian+influences+on+western+&ots=vhOMbsOZyY&sig=-uct5RygG-SKXZXXH1TX6ZMjiDV4&redir_esc=y#v=onepage&q=yoga%20and%20theosophy%20indian%20influences%20on%20western&f=false (date of address: 18.08.2024).

Работы Н.М. Сачковой⁶, О.В. Солопова⁷, М. Александровой⁸ и др. восполняют серое пятно в изучении дореволюционного восприятия йоги философско-религиозными кругами и интеллигенцией.

Источниками для проведения данного исследования послужили публицистическое издание «Комментарии к “Трактату о философии йоги”», изданное под редакцией Е.П. Блавацкой⁹, а также её же этнографический труд «Из пещер и дебрей Индостана»¹⁰. Вспомогательным источником исследования послужил древнеиндийский трактат «Йога-сутра Патанджали»¹¹.

Цель данной статьи – раскрыть содержание концепции йоги Е.П.Блавацкой, показать влияние её работ на распространение идей йоги в России, США и странах Европы.

Е.П. Блавацкая – уроженка Российской империи, основательница Теософского общества, которое во второй половине XIX – начале XX в. привлекло в свои ряды множество последователей. Внимание теософов, нацеленных на изучение восточных религий, привлекло йогическое учение, распространенное в Индии, где она проводила активную деятельность. Во многом её издательская деятельность привела к повышению интереса к йоге в России в конце XIX в. Одновременное освещение данной темы учеными, последователями оккультизма и теософами позволило всесторонне осветить учение, что стало основой для формирования антропологии йоги¹².

После выступления Вивекананда Свами на Парламенте всех религий в Чикаго (США) в 1893 г. Европу и Америку захлестнуло увлечение йогой. Однако опрометчиво говорить, что для подобного успеха было мало оснований. Деятельность теософского общества, его тесные связи с восточными

⁶ Сачкова Н.М. Рецепция антропологии йоги в России начала XX в. // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2020 № 4 С. 82–99.

⁷ Солопов О.В. Рецепции классической йоги в русской философии второй половины XIX – первой половины XX в. // Манускрипт. 2021. Т.14. Вып. 8.С. 1679–1686; *Ego же. Раджа-йога в системе религиозно-нравственной философии М.В. Лодыженского // Философская мысль.* 2020. № 11. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.coir/library_rcad_art^c.php?id=33579 (дата обращения: 18.07.2024).

⁸ Alexandrova M. The Key to All the Wisdom of the East: Yoga in Pre-Revolutionary Russia // Academia. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/69949924/Yoga_in_Pre_Revolutionary_Russia?auto=download (date of address: 21.07.2024).

⁹ Блавацкая Е.П. Заметки к «Трактату о философии йоги» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.teopedia.org/lib/%D0%91%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%95%D0%9F_.-_%D0%97%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D1%82%D0%BA%D0%B8_%D0%BA_%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83_%D0%BE_%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%B8_%D0%B9%D0%BE%D0%B3%D0%B8 (дата обращения: 14.07.2024).

¹⁰ Блавацкая Е.П. Письма из пещер и дебрей Индостана. М., 2008.

¹¹ Йога-сутра Патанджали / пер. А. Веретин. М., 2006.

¹² Сачкова Н.М. Рецепция антропологии йоги в России начала XX в. // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2020 № 4 С. 82–99.

учителями и философско-религиозными школами дало первое представление западным последователям о неисследованном и сложном учении йоги.

Впервые широко в публицистическом пространстве тема йогического учения была поднята Е.П. Блаватской в «Теософисте» в 1880 г. В издании № 12 редакторы журнала переиздали «Трактат о философии йоги» д-ра Н.К. Поля (первое издание в 1850 г. в Великобритании). Указывая на имеющиеся неточности и заблуждения автора, она написала предисловие к изданию, а также сопроводила его примечаниями и комментариями. Помимо этого, этнографические упоминания йоги не раз отмечены в её большом труде «Из пещер и дебрей Индостана», а также в теософском труде «Тайная Доктрина».

Российская дворянка, как и другие теософы, видела в йоге пример учения, с помощью которого возможно достичь высшего тайного знания. Именно из-за этого, по её мнению, оно не было открыто европейцам в более ранние периоды, а само знание и способы его достижения были давно скрыты.

Автор концепции указывала, что йога в буддизме существовала в двух проявлениях: в виде хатха-йоги и раджа-йоги. В соответствии с указанным противопоставлением они совершенствовали разные аспекты: хатха-йога («низшая» форма в соответствии с рассматриваемой концепцией) была нацелена на физическое совершенствование, раджа-йога («совершенное» учение) была направлена на развитие духа, разума, на достижение высшего знания. Вследствие этого характерно проявление негативного отношения к тем, кто практиковал исключительно хатха-йогу, так как таким образом, по мнению автора, развивалась способность к темной магии, а её последователи были презираемыми даже в самой Индии¹³.

После выступления Свами Викекананды раджа-йога стала синонимом термина «йога» в его широком понимании. О действительно их близком понимании значения данного термина говорят позднейшие труды индийского философа и государственного деятеля С. Радхакришнана. Рассматривая систему йоги Патанджали (классической йоги), он выделил следующие элементы: яма (воздержание от мыслей и поступков, мешающих достижению экстаза), нияма (соблюдение правил и предписаний), асана (дисциплина тела), пранаяма (контроль дыхания), пратьяхара (прекращение функционирования чувств), дхарана (концентрация мыслей на определенной точке), со-зерцание и экстаз¹⁴. Большинство этих же элементов выделяет и Е.П. Блаватская, которая очевидно ассоциировала, как и другие теософы, достижение знания с достижением самадхи (экстаза), через контроль разума через отрешение от мира и сосредоточении на совершенствовании тела и духа.

В «Письмах из пещер и дебрей Индостана» автор труда неоднократно упоминала последователей йоги в ходе описания религиозных сект (термин «секта» Е.П. Блаватская упоминает в современном значении «конфессия»),

¹³ Блаватская Е.П. Заметки к «Трактату о философии йоги»...

¹⁴ Радхакришнан С. Система йога Патанджали // Индийская философия. М., 1993. Т. 2. С. 168–184.

а также социального строения индийского общества и ритуальной культуры Индии¹⁵.

Об аскетизме как необходимом этапе самосовершенствования Е.П. Блаватская упоминает достаточно подробно в контексте индуизма. Опираясь на изученный материал и общение с представителями местной интеллигенции, она указывала, что большинство индусов, уходящих в добровольный аскетизм, делают это в зрелом возрасте после того, как заводят семью и имеют взрослых наследников. Применительно к этим аскетам, стремящимся достичь освобождения, она применяет понятие «садду». Садду или садху – термин, обозначающий человека, вставшего на путь поисков высших религиозных целей, просветления, самосовершенствования¹⁶. Именно с отречением от мира, соблюдением обетов и совершением йогических практик видится путь достижения цели йоги – освобождения пурुши и созерцание собственного «Я». Однако совершение физических упражнений и совершенствование сознания сопровождается определенными «магическими способностями».

Достаточно часто Е.П. Блаватская обращала внимание на существовавшие в Индии сложные межэтнические и межконфессиональные отношения. Вследствие глубокого интереса к йоге повествование не ограничивалось изложением системы йоги в её теософских и этнографических трудах. В своих работах она также отражала сложные и противоречивые отношения, которые складывались между садду и бунни (йоги, последователей шиваизма).

Индийцев, осуществляющих йогические практики, согласно рассматриваемой концепции, делили, в соответствии с возврениями представителей изучаемой культуры, на садду и буни. Общественное представление о них автор изложила в следующем высказывании: «Далее: на первых народ взирает как на магов, сынов солнца и божественного начала; на вторых как на опасных колдунов»¹⁷. Связана представленная характеристика с особенностями применения «магических способностей», достигаемых в результате длительных медитаций и концентраций.

Индия – страна, в культуру которой очень тесно вплетен культ магии. «Маг», «чародей» всегда играл значительную роль в сказаниях, народном эпосе, повседневной жизни. Помимо этого, очень тесно переплетена с магией и религия. По представлениям населения, магические практики являлись средством поддержания равновесия¹⁸. Вследствие этого достижение йогинами подобных способностей для населения было причиной поклонения. В связи с этим Е.П. Блаватская указывала на сакральное положение аскетов в обществе¹⁹. Однако характер употребления этих способностей также

¹⁵ Блаватская Е.П. Письма из пещер и дебрей Индостана. С. 34–36.

¹⁶ Садху // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/sadkhu-fef04d> (дата обращения: 19.07.2024).

¹⁷ Блаватская Е.П. Из пещер и дебрей Индостана.

¹⁸ Coles S. Singh N. Magic and rationality in Indian culture // Tandfonline. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03078290.2011.580286> (дата обращения: 09.07.2024).

¹⁹Coles S. Singh N. Op. cit.

имел значение, из-за чего практики садху приобретали положительную общественную оценку, однако магические практики буны порицались, в обществе остерегались контактов с ними.

Е.П. Блаватская объясняет это целями использования йогами магических способностей. Буны «похваляются» своими способностями, используя их для обогащения, таким образом, не исполняя обетов йоги, принимая лишь поверхностные достижения физического совершенствования. Садху же, будучи отрешенными от мирских желаний, обретая «магические» способности, не получали никакой выгоды от них, сохраняя конечной целью освобождение от сансары.

Схожие культурные парадигмы описывал в своем труде М. Элиаде, указывая, что получение магических сил является как следствием совершенствования, так и новым искущением. Как только йогин уступает желанию использовать свои магические способности, возможность приобрести новые способности становится минимальной. Вследствие этого он становится обычным магом, неспособным превзойти самого себя²⁰. Исходя из данного положения, наблюдения Е.П. Блаватской отличаются поразительной точностью, хотя путешественница на имела достаточно возможностей, чтобы контактировать с последователями йоги. Однако она точно подмечала общественные настроения, а также вникала в особенности социального построения индийского общества.

В сущности, система классической йоги действительно имеет свидетельства некоторых описанных явлений, таких как парение в воздухе, чтение мыслей и т. д., однако трактат «Йога-сутры Патанджали» указывает, что сверхъестественные силы не имеют к этому отношения. Так, способность заглядывать в прошлое, слышать звуки на дальних расстояниях или даже возможность видеть сущность предметов является результатом концентрации и сосредоточенности, достижения высших чувственных способностей и интуиции²¹. Помимо этого, в существующих феноменах присутствуют и научные объяснения, на что указывала и Е.П. Блаватская. Издавая «Комментарии к “Трактату о йоге”», автор указывала, что возможность регулировать температуру тела или длительное время находиться в состоянии ненадобности воды и пищи является следствием определённой техникой дыхания, при которой человек достигает определённой стадии медитации²². Патанджали также очень подробно останавливается на множестве сиддхов (возможности, развитые благодаря духовным практикам), указывая, что они возможны в силу саньяме, т. е. возможности йога познать объект. Понимание объекта и его созерцание даёт человеку возможность воздействовать на него, поэтому возможно, например, воздействие на восприятие цветов другим человеком. Поэтому следует отметить, что Е.П. Блаватская не искала сверхъесте-

²⁰ Элиаде. М. Указ. соч. С. 123.

²¹ Йога-сутра Патанджали. С. 3–20.

²² Блаватская Е.П. Заметки к «Трактату о философии йоги»...

ственных оснований в «магических» практиках, она следовала за классическими произведениями йоги и стремилась с научной точки зрения объяснить парапсихологические и оккультные явления, исключая возможность божественного вмешательства. Многие аспекты, указанные автором концепции уже доказаны медициной, а тема влияния пранаямы на организм до сих пор является актуальной.

Несмотря на наличие большого количества критики в сторону представленной концепции йоги, следует учитывать исторические факторы эпохи, а также специфику её менталитета. Конечно, в силу обстоятельств Е.П. Блаватская не имела прямого доступа к изучению йоги в качестве адепта, однако её труды стали результатом длительного изучения культурного феномена с тем объёмом доступной информации, который не был позволен многим исследователям второй половины XIX в.

Помимо этого, стоит выделить её антишовинистический подход к изучению индийской культуры, вследствие чего в изученных трудах нельзя отсылок к «фетишизму» или «религиозному инфантилизму», который достаточно часто можно обнаружить у других исследователей представленной эпохи. Вследствие этого система йоги Е.П. Блаватской неизбежно имела достаточно необъясняемых элементов и упрощённую систему классификации йоги, в том числе её разнообразия на всей территории Индии. Однако она была построена на этнографических материалах, полученных с помощью длительного наблюдения, а также изучении философских трудов индийских авторов и собеседнических методов с местным населением, поэтому внесла значительный вклад в изучение индийского общества и культуры и распространение йогической культуры на Западе. Восприятие её работ на Западе имело положительный характер среди толерантно настроенных интеллектуальных кругов, вследствие чего популяризация йоги в конце XIX – начала XX в. имела большие масштабы.

Список литературы:

1. Сачкова Н.М. Рецепция антропологии йоги в России начала XX в. // *Studia Religiosa Rossica*: научный журнал о религии. 2020 № 4 С. 82–99.
2. Соловьев О.В. Рецепции классической йоги в русской философии второй половины XIX – первой половины XX в. // Манускрипт. 2021. Т.14. Вып. 8. С. 1679-1686.
3. Соловьев О.В. Раджа-йога в системе религиозно-нравственной философии М.В. Лодыженского // Философская мысль. 2020. № 11. [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.coir/library_rcad_art^c.php?id=33579 (дата обращения: 18.07.2024).
4. Радхакришнан С. Система йога Патанджали // Индийская философия. Т. 2. М.: МИФ, 1993. С. 168-184.
5. Элиаде М. Йога: бессмертие и свобода / пер. с англ. С.В. Пахомова. М.: Академический проект, 2022.

6. *Alexandrova M.* The Key to All the Wisdom of the East: Yoga in Pre-Revolutionary Russia // Academia. [Electronic resource]. URL: https://www.academia.edu/69949924/Yoga_in_Pre_Revolutionary_Russia?auto=download (date of address: 21.07.2024).
7. *Coles S., Singh N.* Magic and rationality in Indian culture // Tandfonline. [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/03078290.2011.580286> (date of address: 09.07.2024).
8. *De Michelis E.* A History of Modern Yoga: Patanjali and Western Esotericism // Google Book. [Electronic resource]. URL: A History of Modern Yoga: Patanjali and Western Esotericism - Elizabeth De Michelis - Google Books (date of address: 07.08.2024).
9. *Shearer A.* The Story of Yoga: From Ancient India to the Modern West // Google Book. [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?hl=en&lr=&id=U97QDwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PP1&dq=yoga+and+theosophy+indian+influences+on+western+&ots=vhOMbsOZyY&sig=-uct5RygGSKXZXXH1TX6ZMjiDV4&redir_esc=y#v=onepage&q=yoga%20and%20theosophy%20indian%20influences%20on%20western&f=false (date of address: 18.08.2024).
10. *Vashington V.* A history of yoga // Archive. [Electronic resource]. URL: <https://archive.org/details/historyofyoga0000wort> (date of address: 01.08.2024).

Об авторе:

МЕНДЕЛЕЕВА Ольга Андреевна – аспирант, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (170100, Россия, Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31); e-mail: sadikova1998@list.ru

**The system of yoga in the works of H.P. Blavatsky and its reception in
Western culture**

O.A. Mendeleeva

Tver State University, *Tver, Russia*

The article presents an overview of H.P. Blavatsky's yoga system and its influence on the development of public interest in yoga in Russia, the United States and Europe in the late XIXth - early XXth centuries. The author conducts an anthropological study based on ethnographic materials collected by H.P. Blavatsky during her stay in India in the 1880s. Special attention is paid to the author's views on the essence of yogic practices and the perception of the phenomenon in intellectual and spiritual communities. H.P. Blavatsky's concept is considered not only in a philosophical context, but also as a source of ethnographic data valuable for studying the history of yoga.

The author concludes that Blavatsky's conception became the key for increasing scientific and public interest in yoga outside India in the late 19th century, paving the way for later works.

Keywords: H.P. Blavatsky, India, raja yoga, hatha yoga, sadhu, magic.

About the author:

MENDELEEEVA Olga Andreevna – Postgraduate Student, Dept of General History, Tver State University (170100, Russia, Tver, 16/31 Trekhsviatetskaya St., Tver), e-mail: sadikova1998@list.ru

References:

- Sachkova N.M., *Reception of anthropology of yoga in Russia in the early twentieth century*, Studia Religiosa Rossica: scientific journal about religion, 2020, № 4, S. 82–99.
- Solopov O.V., *Receptions of classical yoga in Russian philosophy of the second half of XIX – first half of XX century*, Manuscript, 2021, Vol. 14, Vyp. 8, S. 1679–1686.
- Solopov O.V., *Raja-yoga in the system of religious and moral philosophy of M.V. Lodyzhenesky*, Philosophical Thought, 2020, № 11, [Elektronnyj resurs], URL: https://nbpublish.coir/library_rcad_art^c.php?id=33579 (date of address: 18.07.2024).
- Radhakrishnan S., *Patanjali's System of Yoga*, Indian Philosophy, T. 2, M., MIF, 1993, C. 168–184.
- Eliade M., *Yoga: immortality and freedom*, per. from English S.V. Pakhomov, M., Academic Project, 2022.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470.12)"19"+058.56
DOI 10.26456/vthistory/2025.1.130–140

«Случайные революционеры» среди политических ссыльных в начале XX в. (На примере Вологодской губернии)¹

П.В. Тихомиров

АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге»,
г. Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается отношение политических ссыльных к «случайным революционерам», таким же сосланным «государственным преступникам», не вовлеченным, в отличие от первых, в политическое движение. «Сознательные» революционеры приписывали их влиянию деморализацию, деполитизацию и криминализацию групп ссыльных. Вместе с тем «случайные революционеры», будучи исключенными из общества, могли восприниматься как объект революционного влияния. Автор показывает, что самоорганизация политических ссыльных предполагала также и возможность «случайным революционерам» приобщиться к революционной культуре, получив доступ к важным ресурсам. Многие оформившиеся практики внутри организаций политических ссыльных были отчасти следствием борьбы со «случайными революционерами».

Ключевые слова: случайные революционеры, политическая ссылка, деполитизация.

Политический ссыльный социалист-революционер А.М. Губанов, отбывавший наказание в Никольском уезде Вологодской губернии, характеризуя состояние дел, писал в январе 1909 г.: «Среди сосланных есть много “случайных” людей и “темных” личностей. Бывший борец (из случайных) превращается в ходячую апатию и не в состоянии заниматься ни наукой, ни даже чтением газет. Они насаждают разврат, проституцию, пьянство. Мои товарищи дерутся между собою из-за проституток. Скандалы и битьё обычательских окон – это обычное явление»².

¹ Научный руководитель – док. ист. наук, профессор АНООВО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН Б.И. Колоницкий.

² Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 57.

В письмах и воспоминаниях ссыльные социалисты довольно часто обращались к теме «случайных революционеров», подразумевая под этим собираетельным образом всех тех сосланных «государственных преступников», которые не были близки к революционной культуре и традиции и практически не имели опыта участия в политической борьбе. Государственное преступление, за которое виновные подвергались ссылке, понималось сравнительно широко. К таковым относили не только составление и распространение письменных и печатных сочинений или изображений, но и устные оскорблении, порочащие честь членов императорского дома³. «Если и попадаются некоторые в качестве обвиняемых в государственном преступлении, то последние большей частью совершают в пьяном, бессознательном состоянии в силу крайнего своего невежества, без всякого злого умысла», – подчеркивали сотрудники Вологодского губернского жандармского управления (ВГЖУ) ещё в 1899 г.⁴

В революционной культуре политическая ссылка была предметом героизации движения. В беллетристике и воспоминаниях рубежа XIX–XX в., как показывает М. Могильнер, ссылка демонстрировала способность революционеров преодолевать трудности, связанные как с суровой природой, так и с произволом государства⁵. В последующем этот канон описания повлиял и на историографию истории революции⁶. Из неё оказались вытеснены те политические ссыльные, кто не соответствовал подобному канону, хотя они, очевидно, оказали влияние на революционную культуру.

Тема «ложных идентичностей» стала самостоятельным предметом изучения. Многие исследования фокусируются на первых десятилетиях советской истории, когда, по мнению авторов, отдельному человеку приходилось «пересоздавать» себя, находить в себе личность, подходящую для послереволюционного общества⁷. Впрочем, «случайные революционеры» появились задолго до революции 1917 г. и создания советского государства. Историки уже отмечали, что многие «уличные хулиганы», а то и «криминальные аван-

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X – XX веков. М., 1988. Том 6. С. 174–309; Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. СПб., 1903. С. 53–54.

⁴ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 335. Л. 54.

⁵ Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 168.

⁶ См. рец.: Могильнер М.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва: РОССПЭН, 2000. 399 с.): Ab Imperio. 2000. № 3–4. С. 438.

⁷ Фицпатрик Ш. Срывают маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 11–40, 301–319; Fitzpatrick S. Making a Self for the Times: Impersonation and Imposture in 20th-Century Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. № 3. P. 469–487.

тиюристы» активно включались в революционное движение, особенно начиная с 1905 г.⁸ История взаимоотношений между революционерами и «случайными революционерами» остаётся, однако, за рамками внимания. Между тем в политической ссылке соседствовали революционеры, отправленные отбывать наказание за участие в радикальных организациях (в том числе – террористических), и не имевшие никаких представлений о подпольной деятельности «государственные преступники», обвинённые в «устной пропаганде», нередко – «без всякого злого умысла». Все они, с точки зрения юрисдикции, были политическимисылыми, однако их опыт, привычки и цели, очевидно, заметно отличались. «Спросите вы любого крестьянина-сыльного, за что его выслали, – писал вологодский публицист И. Серов, – и он ответит, что нагрубил уряднику, а тот донёс куда следует; и в результате он политический преступник и, как таковой, просидел несколько месяцев в тюрьме, а затем попал в ссылку»⁹.

Соседство «случайных революционеров» и «настоящих» было следствием как особенностей формирования революционной культуры, культуры криминальной, так и пенитенциарной системы империи. В статье история вологодской ссылки рассматривается не как исключительный, а скорее как типичный случай. Так, историки сибирской ссылки указывали на наличие среди политическихсылых «случайных элементов»¹⁰.

Средисылых были уголовные и политические, а среди политических – «настоящие» и «случайные» революционеры. Строгой границы между двумя категориями не было. Крайне непросто определить, кто из политическихсылых был «случайным» революционером, а кто – «настоящим» борцом. Ключевое значение имела не причина высылки, а поведениесылного – насколько оно соответствовало «статусу революционера».

«Случайные революционеры» не самоназвание, а дискредитирующий термин, которым «настоящие революционеры» обличали тех, кто не имел стойких политическихубеждений, достаточного политического опыта и представлений о революционной культуре. Одна из характеристик, приписываемых когортам «случайных революционеров», состояла в их неграмотности. Следовательно, каких-либо письменных свидетельств со стороны «случайных революционеров» не могло сохраниться, за них говорили «настоящие революционеры» и «государство». Описывая «случайных революционеров», политическиесылые не скучились на обвинения их в ухудшении отношений с местным населением и в деморализации ссылки.

Один из мемуаристов, П. Кочетов, вспоминал, что, «продолжая заниматься и в местах ссылки воровством, пьянством и дебошами, эта братия

⁸ Pujals S. The Accidental Revolutionary in the Russian Revolution: Impersonation, Criminity and Revolutionary Mythology in the Early Soviet Period, 1905–1935 // Revolutionary Russia. 2009. Vol. 22. № 2. P. 181–201 (особо см.: Р. 181–182).

⁹ Серов И. Вологодская ссылка // Вестник знания. 1909. № 8–9. С. 231.

¹⁰ См.: Хазиахметов Э.Ш. Большевики в Нарымском крае. Новосибирск, 1967. С. 43–44; Он же. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск, 1978. С. 34.

бросала тень и на всю ссылку, так как не стеснялась называть себя политическими перед местным населением»¹¹. Почему политическим ссылочным было так важно сохранять репутацию в глазах местных жителей?

Неблагополучное материальное положение делало многих из них зависимыми от местного населения. Прибывая в место ссылки, поднадзорные сразу сталкивались с необходимостью поиска жилья, съём которого находился в прямой зависимости от отношения к ним потенциальных арендодателей. Мемуарист вспоминал, что в день приезда группы ссылочных в 1906 г. местный протопоп стал проповедовать, что иметь какое-либо сношение с людьми, не признающими царя и отрицающими бытие бога, – тяжкий грех. В результате проповеди местные жители не решались сдавать ссылочным квартиру, и они несколько дней жили в полицейском участке. «Несколько недель при проходе ссылочных по улице, – продолжал Кочетов, – на них смотрели не иначе, как из-за занавески. С течением времени население присмотрелось к ссылочным, и квартиры сдавали охотно»¹². Необычное соседство могло удивить и напугать местных жителей; политическим ссылочным предстояло доказать, что они не низвергатели царя и бога, а ведущие борьбу за народные права и свободы революционеры.

Другая проблема состояла в том, что размер пособий не мог удовлетворить потребности поднадзорных. В источниках и исследованиях приводятся разные цифры размера пособий – от 2 руб. 50 коп. в месяц до 11 руб. (Разница связана с тем, что размер пособий мог быть разным в разных уездах; со временем сумма выдаваемых средств повышалась, к тому же она зависела и от сословного положения поднадзорного – представители «привилегированных сословий» получали больше¹³). Не все ссылочные, однако, могли рассчитывать на средства, выдаваемые местной администрацией. Согласно «Положению о полицейском надзоре», ссылочные, «уклоняющиеся от занятий по лености, дурному поведению или привычке к праздности, лишаются права на получение пособия от казны»¹⁴. Столь размытая формулировка давала местной администрации право на расширительную трактовку. Существовавшие проблемы финансирования ГЖУ влияли на увеличение числа ссылочных, не получавших никаких средств¹⁵. Впрочем, как писал устьсольский ссылочный, « прожить здесь на 8 руб. 30 коп., которые вы-

¹¹ Кочетов П. Вологодская ссылка 1907–1910 // Каторга и ссылка. 1932. № 4. С. 82.

¹² Кочетов П. Указ. соч. С. 81.

¹³ Быстроев В. Роль и значение политических ссылочных в общественной жизни Вологодского края, в частности в 1905 году // 1905. Сборник статей о революционном движении 1905–1907 гг. в Вологодской губернии / Под ред. В.Н. Новосельского. Вологда, 1925. С. 44; Серов И. Указ. соч. С. 230.

¹⁴ Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей // Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье. Т. 2: 1882. СПб., 1886. С. 87.

¹⁵ Российский государственный исторических архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 107. Л. 1–1 об.

дают здесь, совершенно невозможно, да и на 11 руб., пожалуй, не проживёшь»¹⁶. (Для сравнения: низкоквалифицированные работники (среди которых было немало подростков) получали – в разных местах – от 8 до 20 рублей в месяц¹⁷.) Многие к тому же не могли положиться на помощь извне – со стороны родственников, друзей, однопартийцев. При благоприятном раскладе политические ссыльные могли рассчитывать на снижение цен на арендуемое жильё, скидки на местных рынках, а то и на оказание материальной поддержки.

«Тёмные личности, авантюристы, конокрады, даже сутенеры»¹⁸ не могли найти источник заработка и, находясь вдали от родных мест, не отказывались от прежних привычек. Будучи такими же «политическими преступниками», они негативно влияли на представления местных жителей о политических ссыльных. Некоторые из «случайных революционеров» пользовались революционной риторикой для вымогательств и ограблений¹⁹.

Важное влияние приписывали «случайным революционерам» и на деморализацию (и деполитизацию) ссылки. «Это была случайная революционная публика и даже не революционная с точки зрения нашей. Редко кто из них имел некоторые убеждения революционные, не буду говорить с точки зрения сегодняшнего дня, но захватила его революция», – вспоминал отбывавший ссылку в Вологде и Грязовце Мельников, подводя итог: «Они стали разлагать ссылку»²⁰. Другой поднадзорный, находясь языком описания, обратился к популярному после Первой российской революции образу Санина: «Ссыльные пьют, развратают, заражаются сифилисом, дерутся из-за проституток и доходят до “туруханских бунтов”, заключавшихся в повальном насилии над женщинами и старухами в пьяном виде. Эти современные язвы могут действовать двояким образом: 1) закалять, укреплять в борьбе, 2) ослаблять веру в борьбу, в дело и обращать борца в Санина», – писал А.М. Губанов²¹. Книга М. Арцыбашева «Санин», опубликованная в 1907 г., по-новому представляла фигуру революционера. Автор одним из первых подверг разрушению сложившийся и уже ставший устойчивым образ революционера как носителя вечных ценностей и обладателя цельной судьбы. Владимир Санин – революционер, который последовательно и сознательно снижал значение моральных

¹⁶ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 260.

¹⁷ Вологда в конце XIX – начале XX века (Заметки о населении, городском хозяйстве и быте) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. URL: <https://www.booksite.ru/trade/main/signboard/1.htm> (дата обращения: 14.01.2024).

¹⁸ Зайкевич В. Условия и характер Вологодской ссылки в 1905 году // Северная звезда. 1922. № 4. С. 74.

¹⁹ Коновалов Ф.Я. «Посланный вооружен револьвером...»: (из истории великоустюгской ссылки [1907–1908]) // Великий Устюг: альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 123–131; Он же. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Вологда; Молочное, 2006. Ч. 1. С. 133–134.

²⁰ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 506. Оп. 1. Д. 486. Л. 27.

²¹ ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 4213. Л. 61.

принципов для дела революции. Книга стала популярной уже в момент выхода, а имя главного героя – нарицательным²². Не всегда, однако, его образ передавался точно – в данном случае Губанов причисляет к «Саниным» «случайных революционеров», которые, по его же замыслу, не были заняты глубокой рефлексией.

Письма и воспоминания ссыльных содержат экспрессивные высказывания в адрес «случайных революционеров», но гораздо меньше они сообщают конкретных подробностей. Многие из мемуаристов подчеркивали, что активное влияние случайных революционеров началось только в 1905–1906 гг.²³, что совпадало и со временем резкого увеличения числа ссыльных: если к 1905 г. в Вологодской губернии насчитывалось до 371 поднадзорного ссыльного, то уже к следующему году – 823, а пик пришёлся на 1908 г. – 4503²⁴. Однако, как можно заметить, «случайные революционеры» появились задолго до этого. Вероятно, когда состав вологодской ссылки был сравнительно малочисленным, две категории политических ссыльных могли игнорировать друг друга. К тому же для многих революционеров год начала Первой революции стал рубежом, породившим разрыв между двумя поколениями социалистов²⁵ – вероятно, именно поэтому мемуаристы стремились настойчиво подчеркнуть разницу между политической ссылкой до и после 1905–1906 гг. Наряду с этим в последовавший за Первой революцией период складывался новый канон и язык описания революционной культуры, а на книжных полках заняла своё место литература, в центре внимания которой расположились нравственные вопросы подпольной борьбы.

Сложившаяся ситуация деполитизации, деморализации и криминализации революционных групп, а также дискредитации категории «политический ссыльный» нуждалась в разрешении.

С одной стороны, «случайные революционеры» были ближе к уголовной, нежели к революционной культуре, что требовало борьбы за сохранение революционной традиции, а, следовательно, и увеличения дистанции между двумя группами ссыльных. С другой стороны, «случайные революционеры» могли рассматриваться как объект влияния «настоящих», поскольку уже были исключены из общества по противогосударственной статье. Последнее основание могло означать, что их проще вовлечь в радикальное движение, нежели основную массу местных рабочих и крестьян. Вопрос заключался только в том, как снять противоречие между необходимостью демаркации внутри ссылки и «исправлением» «случайных революционеров».

²² Могильнер М. Миѳология подпольного человека... С. 121–130.

²³ Кочетов П. Указ. соч. С. 77; Быстров В. Роль и значение политических ссыльных в общественной жизни Вологодского края, в частности в 1905 году. 1925; Оглоблин Н.Н. Политические ссыльные на Вычегде // Исторический вестник. 1913. Т. 132. №–6. С. 920.

²⁴ Обзор Вологодской губернии за 1905 год. Вологда, 1906; Обзор Вологодской губернии за 1906 год. Вологда, 1908; Обзор Вологодской губернии за 1907 год. Вологда, 1909; Обзор Вологодской губернии за 1908 год. Вологда, 1909; Быстров В. Указ. соч. С. 43; Михайлов Б.Г. Большевики в вологодской ссылке. Вологда, 1974. С. 25.

²⁵ Pujals S. Op. cit. P. 181.

Ещё до революции 1905–1907 гг. происходил процесс активной самоорганизации политических ссыльных. Они объединялись в партийные группы и вне- и надпартийные организации – колонии ссыльных. Последние были направлены на улучшение материального и культурного положения. Колонии имели кассы взаимопомощи, пополнявшиеся членскими взносами, а также добровольными пожертвованиями местных жителей. Члены колонии учредили кооперативы или заключали соглашения с местными торговцами, помогали новоприбывшим товарищам в поиске жилья, а отбывшим срок ссылки или сбегавшим из неё выдавали денежные пособия (Эти цели (среди прочих) были названы в первом пункте устава Яренской колонии политических ссыльных, который приводил местный краевед²⁶). Политические ссыльные, находившиеся в наименее благоприятном материальном положении, могли рассчитывать на оказание помощи. При колонии также, как правило, существовала местная библиотека, действовали кружки образования, где ссыльные обучали неграмотных товарищей.

Колонии ссыльных были закрытыми организациями: чтобы вступить в её состав, следовало пройти процедуру одобрения кандидатуры. Ключевым требованием к кандидату в уставе колонии был назван его высокий моральный облик. Устав тотемской колонии политических ссыльных гласил: «Лица[,] замеченные в неблаговидных поступках и вредящие развитию колонии[,] не могут быть членами её»²⁷. Внимание к облику члена колонии стало основанием для учреждения товарищеских судов, на которых разбирались ситуации «некорректного поведения» (Один из пунктов устава Яренской колонии политических ссыльных, основанной в 1906 г., гласил: «Член колонии может быть исключен за упорное неподчинение уставу, а также за вред, причиняемый колонии его поступками, абсолютным большинством при референдуме». Примечание к этому пункту указывало: «Для выяснения поведения товарища собранием районных представителей, до решения вопроса посредством референдума, избирается каждый раз только следственная комиссия из трех лиц»²⁸). По словам вологодского губернатора А.Н. Хвостова, занимавшего эту должность с 1906 по 1910 г., «взаимные судьбища» ссыльных проходили постоянно²⁹ (Похожую мысль озвучил мемуарист Н. Мещеряков в отношении иркутской ссылки накануне Первой мировой войны³⁰). Политических ссыльных, обвиненных в «недостойном поведении», исключали из организации, что означало, во-первых, отстранение от материальных и культурных благ, которыми колонии располагали, а во-вто-

²⁶ Шляпин В.П. Политические ссыльные г. Яренска // Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 138. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 138. № 5. Л. 9.

²⁷ ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 99. Л. 50 об.

²⁸ Шляпин В.П. Указ. соч. Л. 10.

²⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 144. Д. 2369. Л. 13 об.

³⁰ Мещеряков Н. Как мы жили в ссылке. Записки старого большевика. М., 1934. С. 73.

рых, подчас и «бойкот» со стороны местных жителей, отказывавшимся сдавать им жильё³¹. Таким образом, колонии политических ссыльных предлагали «случайному революционеру» альтернативу – материальные и культурные ресурсы, для доступа к которым следовало изменить свои привычки и разорвать связи с уголовной средой.

Одна из целей, которую преследовали колонии, состояла в том, чтобы провести демаркацию между двумя группами ссыльных («случайными» и «настоящими», «сознательными»). Члены колонии, по воспоминаниям современника, объясняли местным жителям, что именно они являются представителями «официального органа ссылки», а потому не несут ответственность за поведение не состоявших в колониях поднадзорных ссыльных. В некоторых случаях при съёме жилья местные жители даже начали требовать членский билет и при его отсутствии отказывали в аренде³². Иногда членам колонии удавалось озвучить своё ограничение от «случайных революционеров» на страницах местной прессы. 2 января 1908 г. в ответ на убийство политическими ссыльными местного жителя в редакцию газеты «Север» поступило письмо от осуждавших грабежи и убийство поднадзорных. В письме объяснялось, что преступники не имеют ничего общего с «настоящими революционерами»: «В последнее время в качестве политических ссыльных высыпаются люди, имеющие очень мало общего с освободительным движением. В свою среду таковых господ полит[ические] ссыльные не принимают, но вследствие того, что те и другие в глазах общества известны под именем полит[ических] ссыльных, часто поступки, совершаемые этими господами, приписывают всем политическим ссыльным»³³. Появлялись статьи о «шулерах, карманниках и т. д.», которые направляются, в частности, в Вологодскую ссылку и которых нельзя причислять к «настоящим революционерам», и в столичной левой печати³⁴.

Некоторые мемуаристы полагали, что соседство «случайных революционеров» и «революционеров настоящих» – это следствие решений власти, которая выбрала такой метод борьбы с государственными преступниками³⁵. Сложно сказать, насколько это было сознательным решением. Местные губернаторы, однако, выражали своё недовольство наплывом огромного числа малограмотных рабочих и крестьян (не близких революционной культуре), в ответ предлагая прекратить на время ссылку в губернию. 17 ноября 1903 г. вологодский губернатор А.А. Лодыженский (1902–1906), обращаясь в Земский отдел Министерства внутренних дел, отмечал, что ссыльные крестьяне с большим трудом могли найти источник заработка ввиду низкой квалификации, высокой конкуренции со стороны местных ремесленников и ра-

³¹ Кочетов П. Указ. соч. С. 86.

³² Кочетов П. Указ. соч. С. 82, 86.

³³ Комитет колонии. Письмо в редакцию // Север. 1908. 6 января. №148. С. 3.

³⁴ Выборгский Г. Ответ на «страничку из жизни ссыльных» // Правда. 1913. 19 февраля. №39. С. 4.

³⁵ См.: Кочетов П. Указ. соч. С. 77.

бочих, а также крайне недоверчивого к ним отношения со стороны коренного населения. «При таком положении дела, – продолжал Лодыженский, – большинство ссыльных, не имея иных средств, или прибегает к благотворительности местных жителей, или возвращается к прежнему порочному образу жизни, или же скрывается из мест водворения с целью найти себе заработки в других губерниях»³⁶.

Так или иначе, пенитенциарная политика империи ставила в один ряд деятелей радикальных партий и «хулиганов», однократно оскорбивших царскую фамилию. У ссыльных революционеров было несколько стратегий взаимоотношений со «случайными революционерами» – от отстранения и демаркации до вовлечения в революционное движение.

Созданные ссыльными колонии, как и иные организации, предполагали контроль деятельности своих членов – по крайней мере, они не допускали проступков, которые легли бы пятном на репутацию группы. Организованная часть ссылки маркировала себя как «настоящих» политических ссыльных, которые обязаны соблюдать самодисциплину, нести ответственность за репутацию своей группы, тем самым дистанцируясь от уголовных преступников и «случайных революционеров», сближавшихся с последними. Присутствие «случайных революционеров» требовало более строгого отношения к самим себе и своим товарищам.

Вместе с тем организованные группы, доступ в которые не зависел ни от партийного членства, ни от сословной принадлежности, но зависел от личных качеств и облика потенциального члена, обладали важными материальными и культурными ресурсами. Тем самым они позволяли привлечь на сторону революционного движения ссыльных, мало знакомых с революционными традициями, но готовых порвать с криминальной культурой. Членство в колонии политических ссыльных было также и свидетельством принадлежности к «высокой» культуре подполья. Самоорганизация, насколько она была возможна в условиях полицейского и жандармского надзора, позволяла одновременно и проводить демаркационную черту (революционер – «случайный революционер»), и стать инструментом вовлечения последних в революционное движение.

Далекие от революционной борьбы, партийного строительства и не имевшие устойчивых политических взглядов, многие «случайные революционеры» отчасти деполитизировали политическую ссылку. Находясь в местах ссылки, многие революционеры не были готовы к столь неожиданной встрече и уж тем более – к уголовной и «полуголовной атмосфере». «Случайные революционеры» между тем снижали авторитет политических ссыльных, который те едва успевали заработать в глазах коренного населения. Все это влияло и на материальные условия, и на возможности революционной пропаганды. Сложившаяся ситуация могла разрешиться только присвоением статуса «политического ссыльного» за определённым числом

³⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 54. 1903 г. Д. 51. Л. 19–20.

ссыльных, что, в свою очередь, было возможным только в случае организации внепартийных колоний. Иными словами, ещё один след «случайных революционеров» в истории политической ссылки состоит в том, что они оказались одним (но не единственным) фактором стремления к снятию партийной демаркации внутри революционных групп.

Список литературы:

1. Быстров В. Роль и значение политических ссыльных в общественной жизни Вологодского края, в частности в 1905 году // 1905. Сборник статей о революционном движении 1905–1907 гг. в Вологодской губернии. Под ред. В. Н. Новосельского. Вологда: Издание вологодского Истпарта, 1925. С. 40–76.
2. Коновалов Ф.Я. Эффективность административной ссылки как меры наказания в начале XX века (по материалам Вологодской губернии) // Европейский Север России: традиция и модернизационные процессы. Ч. 1. Вологда; Молочное. 2006. С. 133–134.
3. Коновалов Ф.Я. «Посланный вооружен револьвером...»: (из истории великоустюгской ссылки [1907–1908]) // Великий Устюг: альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 123–131.
4. Михайлов Б.Г. Большевики в вологодской ссылке. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1974. – 51 с.
5. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 208 с.
6. Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 373 с.
7. Хазиахметов Э.Ш. Большевики в Нарымском крае. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1967. – 187 с.
8. Хазиахметов Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905 – 1917 гг. (облик, организации, революционные связи). Томск: Издательство Томского университета, 1978. – 183 с.
9. Fitzpatrick S. Making a Self for the Times: Impersonation and Imposture in 20th-Century Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. №3. P. 469–487.
10. Pujals S. The Accidental Revolutionary in the Russian Revolution: Impersonation, Criminality and Revolutionary Mythology in the Early Soviet Period, 1905–1935 // Revolutionary Russia. 2009. Vol. 22. №2. P. 181–201.

Об авторе:

ТИХОМИРОВ Павел Владимирович – аспирант, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге» (191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 6/1А); e-mail: ptikhomirov@eu.spb.ru

«Accidental Revolutionaries» Among Political Exiles in the Early 20th Century (the Case of Vologda Province)

P.V. Tikhomirov

European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

The article examines the attitude of political exiles to «accidental revolutionaries». They were the same «state criminals», but were not involved in the political movement. «Conscious» revolutionaries perceived them as the cause of demoralization, depoliticization and criminalization of groups of exiles. At the same time, «accidental revolutionaries» were excluded from society and could be perceived by revolutionaries as an object of influence. The author shows that the self-organization of political exiles also implied the possibility for «accidental revolutionaries» to join revolutionary culture and gain access to important resources. Many of the practices that emerged within political exile organizations were partly a consequence of the struggle against «accidental revolutionaries».

Keywords: accidental revolutionaries, political exile, depoliticization.

About the author:

TIKHOMIROV Pavel Vladimirovich – Graduate Student, European University in St. Petersburg (St. Petersburg, Gagarinskaya Street, house 6/1A); e-mail: ptikhomirov@eu.spb.ru

References

- Bystrov V. *Rol' i znachenie politicheskikh ssyl'nyh v obshchestvennoj zhizni Vologodskogo kraja, v chastnosti v 1905 godu*, 1905. Sbornik statej o revolyucionnom dvizhenii 1905–1907 gg. v Vologodskoj gubernii, Pod red. V.N. Novosel'skogo, Vologda, Izdanie vologodskogo Isparta, 1925, S. 40–76.
- Fitzpatrick S., *Sryvajte maski!: Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka*, M., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2011. – 373 s.
- Khaziahmetov E.S., *Bol'sheviki v Narymskom krae*, Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. – 187 s.
- Khaziahmetov E.S., *Sibirskaya politicheskaya ssylka 1905–1917 gg. (oblik, organizaciia, revolyucionnye svyazi)*, Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1978. – 183 s.
- Konovalov F.Ya., *Effektivnost' administrativnoj ssylki kak mery nakazaniya v nachale XX veka (po materialam Vologodskoj gubernii)*, Evropejskij Sever Rossii: tradiciya i modernizacionnye process, Ch. 1, Vologda, Molochnoe, 2006, S. 133–134.
- Konovalov F.Y., «*Poslannyy vooruzhen revol'verom...»: (iz istorii velikoustyugskoj ssylki [1907–1908])*, Velikij Ustyug: al'manah, Vologda, 1995, Vyp. 1, S. 123–131.
- Mihajlov B.G., *Bol'sheviki v vologodskoj ssylke*, Vologda, Vologodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1974. – 51 s.
- Mogil'ner M., *Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: radikal'nyj mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 1999. – 208 s.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК [93/94:355.425.4]«1941/1942»(470.331)

DOI 10.26456/vthistory/2025.1.141–153

Организация и деятельность партизанских отрядов в Зубцовском районе Калининской области в начальный период Великой Отечественной войны

С.А. Герасимова

Тверской государственный объединённый музей,
г. Тверь, Россия

В статье рассматриваются не освещавшиеся ранее вопросы по военной истории Тверского региона 1941–1945 гг. Автор впервые представляет полную историю партизанских отрядов, созданных партийно-советским руководством Зубцовского района Калининской области в начальный период Великой Отечественной войны. В статье также говорится о формировании исторической памяти о партизанском движении на территории района, в результате чего в общественном сознании сложились представления, не в полном объеме отражающие реальные события. Следствием этого стало забвение некоторых фактов и героев местной истории, что свидетельствует об актуальности продолжения изучения истории антифашистского сопротивления на территории региона. Исследование основано на материалах Тверского центра документации новейшей истории и архива Управления ФСБ по Смоленской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизанское движение, историческая память, Зубцовский район Калининской области.

Калининская (совр. Тверская) область в годы Великой Отечественной войны была местом массового и успешного партизанского движения, но данное утверждение, в большей степени, относится к периоду мая 1942–июля 1944 гг. В начальный период войны – июнь 1941–май 1942 гг. – в областном партизанском движении, вероятно, как и в других регионах, существовало много проблем (См.: Герасимова С.А. Партизанское движение в Калининской области в 1941 – начале 1942 года (в современных границах Тверского региона) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2021. № 3 (59). С. 22–38).

В начале Великой Отечественной войны согласно директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партизанские отряды на местах создавались партийными и советскими органами. Руководители регионов и районов лично отвечали за формирование отрядов, их вооружение, создание продуктовых баз и даже должны были лично возглавить отряды и подпольные райкомы, что в последующем часто приводило к их выдаче оккупантам. В Калининской области в начальный период войны партизанские отряды в

районах создавались из партийно-советского и комсомольского активов по мере приближения противника к их территориям достаточно поспешно, поскольку на быстрое развитие военных действий лета и осени 1941 г. руководство страны и области не рассчитывали. В нескольких районах области, оккупированных германскими войсками, создать «партийно-советские» партизанские отряды накануне оккупации не удалось. Ни в советское, ни в постсоветское время причины этой ситуации исследователями не рассматривались, что привело к забвению не только антигероев, но и героев антифашистского сопротивления локальной истории. Это, в частности, относится к истории партизанского движения в Зубцовском районе Калининской области.

Целью данной статьи является освещение истории организации и деятельности партизанских отрядов в Зубцовском районе в начальный период Великой Отечественной войны, а также выявление имен людей, оказавших в разных формах сопротивление оккупантам. Уточним, что вопросы работы отрядов и групп, созданных органами НКВД, военными структурами, окружёнцами, действовавшими на территории района, в данной статье не рассматриваются.

Основными источниками для статьи стали документы из фондов Калининского обкома ВКП(б), Штаба партизанского движения Калининской области, райкомов партии отдельных районов, в частности Зубцовского, хранящиеся в Тверском центре документации новейшей истории. В фонде Калининского обкома было выявлено дело с документами партийного расследования 1943 г.: записи опросов, объяснительные записки, письма 16 партийных и советских работников Зубцова 1941 г., жителей Зубцовского, Погорельского районов Калининской области, Сычевского, Новодугинского районов Смоленской области. Наличие в деле протокола допроса фельдшера Столипинской (иногда написание населенного пункта – Столыпино) больницы Зубцовского района В.Т. Шаркова, арестованного в марте 1943 г. сотрудниками НКВД Сычевского района, заставило обратиться к его следственному делу, которое находится в архиве Управления ФСБ по Смоленской области. Изученные документы нарисовали необычную, нестандартную для районов области начала вражеской оккупации ситуацию, сложившуюся в Зубцовском районе.

Напомним, что к началу Великой Отечественной войны на территории современного Зубцовского района существовало два административных образования: Зубцовский и Погорельский районы. В Погорельском районе к созданию партизанского отряда приступили еще до его оккупации в октябре 1941 г. Хотя и с некоторыми трудностями отряд был создан и действовал в тылу врага восточнее п. Погорелое Городище с середины октября 1941 г. по февраль 1942 г. – три с половиной месяца. За это время первоначально назначенное командование отряда сменилось: командиром отряда стал председатель райисполкома К.П. Петров, комиссаром – 1-й секретарь райкома ВКП(б) С.Г. Дороченков. Отряд проводил небольшие диверсии против ок-

купантов и с началом освобождения восточной части района в январе-феврале 1942 г. вышел из вражеского тыла, а его участники приступили к восстановлению партийных, советских и хозяйственных структур района¹.

В Зубцовском районе к началу войны главным партийным руководителем, т. е. 1-м секретарем районного комитета ВКП(б) был Пётр Гаврилович Степанов, 1901 года рождения, уроженец Сычевского уезда, в партии состоял с 1927 г., в конце 1930 – начале 1940-х гг. работал 1-м секретарём Нелидовского райкома, 2-м секретарём Опочецкого окружкома партии. Председателем Зубцовского районного исполнительного комитета был Юрий Андреевич Орлов, 1909 г.р., уроженец Бежецкого уезда. До этого он работал в комсомольских, партийных, советских органах Бежецкого и Молоковского районов, с 1937 г. был назначен начальников Калининского управления землеустройства. В Зубцовском районе Степанов и Орлов были новыми людьми, руководителями района они стали лишь в начале 1941 г.²

Октябрьские дни 1941 г. были очень тяжёлыми и неясными для руководства Калининской области и её районов. 2 октября 1941 г. на московском направлении началось наступление германских войск в рамках операции «Тайфун» по захвату Москвы. Продвижение врага к областному центру г. Калинину развивалось стремительно, но данных об этом районные руководители и население не имели. К тому же существовало мнение, что московское направление советские войска будут оборонять «до последнего». Появление немецких войск в Зубцове, Погорелом Городище, Старице, да и в областном центре было неожиданным: «Занятие райцентра Погорелое Городище немецко-фашистскими войсками в октябре 1941 года явилось неожиданным для всех районных работников и населения», «В Зубцовский район немец попал совершенно неожиданно», «Противник, наступая на Калинин, подверг сильной бомбежке г. Старицу. Это было внезапным для руководства Старицкого района», «О том, что городу (Калинину. – С.Г.) угрожает опасность оккупацией мне не было известно»³. Ситуация для руководства районов складывалась экстремальная. По мнению всех опрошенных при партийном расследовании в 1943 г., 1-й секретарь Зубцовского райкома партии П.Г. Степанов ничего не сделал по организации партийного отряда, в документах встречается слово «провалил»⁴.

Когда Зубцов 11 октября 1941 г. был занят германскими войсками, партийные и советские работники района ушли из города, готовясь к работе в тылу, ждали указаний от Степанова, но их не было. Люди стали самостоятельно уходить к линии фронта, или оседали у своих знакомых в деревнях. 13

¹ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ). Ф. 479. П. 2. Д. 2. Л. 93–94; Дороченков С.Г. В суровые дни // На правом фланге Московской битвы. / сост. М.Я. Майстровский. Тверь, 1991. С. 304–313.

² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 20. Д. 2493; Д. 1478.

³ Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 744. Л. 85; Ф. 147. Оп. 3. Д. 155. Л. 14; Ф. 479. Оп. 2. Д. 2. Л. 72; Ф. 7849 б/о. Д. 27393с. Л. 39.

⁴ Там же. Ф. 147. Оп. 3. Д. 155.

октября 1941 г., когда рядом со Степановым остался один человек, а по шоссе в сторону г. Калинина двигались немецкие танки, Степанов попытался застрелиться, но неудачно. Ранение было в голову, он потерял зрение. В бессознательном состоянии его поместили в дом колхозницы Е.И. Широниной в д. Польниково (В ряде документов – Пыльниково, Пульниково. – С.Г.) Погорельского района, где он пролежал больше месяца.

Работу по организации сопротивления оккупантам взял на себя Ю.А. Орлов. Местом своего пребывания в октябре–декабре 1941 г. он выбрал Столипинскую больницу, которой руководил фельдшер В.Т. Шарков. Квартира Шаркова стала ячейкой квартирой для живших на нелегальном положении у своих родных в деревнях советских и партийных работников, которые поддерживали связь с Орловым. Благодаря изученным документам удалось составить примерный список тех людей, кто сотрудничал с Орловым. Деятельность группы осуществлялась в северной части района.

Днём Орлов уходил по деревням для организационной работы по созданию партизанского отряда, вечером возвращался к Шаркову. Орлов посещал председателей сельсоветов, председателей колхозов, секретарей местных партийных организаций. Результатом таких посещений становился саботаж распоряжений местных оккупационных властей. В частности, принимались меры к укрытию хлеба, скота, домашних вещей от немцев. Члены группы Орлова осуществили несколько небольших диверсий, в частности, был организован поджог Масальского льнозавода, который оккупанты подготовили к пуску. Была предпринята попытка взорвать мост через реку Держа на дороге из Зубцова в Старицу, она завершилась неудачей. Члены группы убивали «одиночных» немцев, Орлов во время своих походов по району фиксировал места расположения немецких аэродромов, минных полей, воинских частей⁵.

Вряд ли можно назвать эту группу партизанским отрядом, логичнее говорить о деятельности антифашистской подпольной группы, работа которой была отягощена постоянной заботой о раненом секретаре райкома П.Г. Степанове, находившемся в дер. Шарково. 5 ноября Орлов организовал выезд фельдшера Шаркова в эту деревню, была сделана удачная операция – Степанов стал немного видеть одним глазом. Заботу о нём поручили инструктору районного отдела образования Л.Ф. Носовой. Она приезжала к Степанову после операции с перевязочными материалами, неоднократно снабжала продуктами, и в то же время ходила на разведку в Зубцов, в разные деревни, о результатах сообщала Орлову.

Но в районе уже прошёл слух о том, что где-то скрывается коммунист, секретарь райкома. Для поиска Степанова был выделен карательный отряд, приходил он и в д. Польниково, но жители деревни Степанова не выдали, несмотря на угрозу смерти за укрытие коммуниста, говорили, что это большой местный житель. В середине ноября Степанова всё-таки перевезли в

⁵ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 2. Л. 92-93; Ф.147. Оп. 3. Д. 155; Архив Управления Федеральной Службы Безопасности (далее – УФСБ) по Смоленской области. Д. 9688-с.

другую деревню – Борки, где находился детский дом. Здесь, в доме завхоза детдома Евдокимова, Степанов жил почти до середины декабря.

Постоянное хождение Орлова по деревням не могло не дать и отрицательного результата. В одной из деревень он встретился с женой работника Зубцовского горсовета, которая хорошо его знала и, как оказалось, сотрудничала с немцами. Вернувшись вечером 4 декабря в Столипинскую больницу, Орлов, встретился с пришедшей у нему работницей райкома партии А.М. Горюновой. Ей было поручено перейти через линию фронта и передать собранные Орловым разведданные командованию частей Красной армии. Но рано утром 5 декабря здание больницы было окружено немцами: три бро-немашины, человек 40 солдат карательного отряда. Орлов, который спал не раздеваясь, быстро надел валенки, полушубок, взял пистолет, сказал Шаркову: «Спасайся, как можешь» и вышел. Шарков свой пистолет кинул в чайник, вместе с женой, больничной санитаркой и Горюновой, которые спали в соседней комнате, попытались выйти через чёрный ход в парк, но там тоже были немцы. Каратели ворвались в здание, взломали дверь небольшого помещения, где нашли застрелившегося Орлова. Его притащили в комнату Шаркова, которого избивали и требовали подтвердить, что это председатель райсовета Орлов. Шарков говорил, что это какой проходящий военнопленный. Приведённый староста деревни подтвердил личность Орлова. Каратели велели Орлова похоронить, а Шаркова увезли в Зубцов, потом в Старицкий район, где располагалось отделение СД. Удивительно, но женщин не тронули. Позднее стало ясно, что немцев привела жительница района, с которой накануне разговаривал Ю.А. Орлов.

Через четыре дня немцы вернулись, заставили труп Орлова выкопать, привязали его к машине и отвезли в Зубцов, где повесили. Об этом они сообщали в листовках, распространённых в районе. Об этом же факте после войны вспоминал житель Зубцова П.М. Пузанов, который оставался в городе во время оккупации. «Немцы – звери», – говорил он. – «Привезли застрелившегося мужчину и повесили его. Они наших даже мертвых боялись!». А.М. Горюнова в декабре 1941 г. всё-таки перешла линию фронта и передала разведданные, собранные Орловым.

После гибели Орлова в Зубцовском районе начались расправы над выявленными оставшимися в районе членами руководства района, коммунистами и советскими работниками. Только 9–10 декабря было казнено 9 человек. 11 декабря Носова и Степанов спешно ушли из Борковского детского дома. За десять дней они пешком дошли до деревни в Новодугинском районе Смоленской области, где жила мать Степанова. Там и жили до освобождения района в марте 1943 г. И здесь жители деревни называли Степанова своим, местным, не выдали фашистам⁶.

⁶ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 2. Л. 92-93; Ф.147. Оп. 3. Д. 155; Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 9688-с.; Воспоминания Т.И. Некрасовой // Зубцовский краеведческий музей.

Изложенные выше факты о группе Орлова стали известны после освобождения в декабре 1941 – январе 1942 гг. ряда населенных пунктов Зубцовского и Погорельского районов, а также в ходе проведённого обкомом ВКП(б) в апреле 1943 г. партийного расследования. Причём известны они стали узкому кругу лиц, в основном руководству обкома. Некоторые подробности удалось выяснить только в 2023 г. из следственного дела В.Т. Шаркова. В октябре же 1941 г., когда многие работники партийного и советского аппаратов Зубцовского района вышли из вражеского тыла на неоккупированную территорию области, они сообщили о реальном состоянии дел, а именно о том, что партизанский отряд в районе не был создан. В тоже время, по данным Политуправления Калининского фронта на 28 ноября 1941 г. перед фронтом 30-й армии в Зубцовском районе действовали 2 отряда численностью 90 человек⁷, которые не имели отношения к районному «партийно-советскому» отряду.

В ноябре 1941 г. обкомом партии и областным Управлением НКВД была образована группа из 9 человек под командованием бывшего председателя Зубцовского райпотребсоюза П.П. Громова. Комиссаром в ней стал бывший секретарь райкома по кадрам С.Н. Скорлыгин. Группа получила задание добраться до Зубцовского района и вести там партизанскую работу. 27 ноября группа перешла линию фронта на участке 29-й армии в районе деревень Заболотье–Подолье в 34 км от г. Торжка, на территории существовавшего тогда Высоковского района, но, углубившись на расстояние 14 км от фронта, уже 6 декабря вернулась обратно. Главной причиной возвращения называлась невозможность получить продовольствие у местных жителей, так как последних в деревнях не оказалось. Они были отселены немцами от линии фронта. По мнению УНКВД, группа «своей задачи не выполнила», но она принесла разведданные, которые были использованы дивизией, на участке которой группа переходила линию фронта⁸.

5 декабря 1941 г. началось контрнаступление советских войск, 16 декабря был освобождён областной центр, в конце декабря 1941 г. – начале 1942 г. была освобождена часть населённых пунктов в северо-восточной части Погорельского и северной части Зубцовского районов. В этой связи активизировались попытки восстановить связи с возможно имевшимися в тылу оккупантов партизанскими отрядами. В докладной записке политотдела 31-й армии в марте 1942 г., войска которой с января стали действовать на зубцовском направлении, говорится следующее: «10.1.42 г. были направлены в тыл противника две боевые комсомолки т.т. Рунева Антонина и Балашева Нина для связи с партизанским отрядом Зубцовского района, возглавляемым Орловым, председателем РИКа. Эти товарищи до сих пор не вернулись. В течение 11–15.1.42 г. отделение (Имеется ввиду отделение по работе среди частей РККА и партизанских отрядов, действующих в тылу противника политотдела штаба 31-й армии. – С.Г.) работало в только что

⁷ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2, Д. 2. Л. 20.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 12.

освобождённых населённых пунктах Зубцовского района, где удалось установить полную картину партизанских действий в этом районе». Далее излагалась информация о группе Орлова, представленная выше. Заканчивался этот раздел в армейской записке словами: «Все наши попытки выяснить, остались ли в Зубцовском районе какие-либо партизанские группы, ни к чему не привели». Эти слова позволяют говорить о том, что в январе–марте 1942 г. в Зубцовском районе районных партизанских отрядов не было выявлено. В тоже время по данным политотдела 30-й армии, в марте 1942 г. в районе Зубцова действовали отряд Голощепова, в районах Лотошино–Зубцов – отряд Михайлова (37 чел.), но это были отряды, созданные органами НКВД совместно с армейскими структурами, хотя в них могли входить и местные жители. В этом же докладе говорится об установлении в конце января 1942 г. связи с партизанским отрядом Погорельского района (командир Петров, комиссар Дороченков), о котором говорилось выше и который в конце января 1942 г. вышел из тыла противника⁹.

После освобождения части территории Зубцовского и Погорельского районов, в том числе и д. Столипино, командование 31-й армии было заинтересовано в сохранении районных партизанских отрядов с целью продолжения их работы на оккупированной части районов, о чём говорится в упоминаемой докладной записке в марте 1942 г.: «В Емельяновском (Район, соседний со Старицким районом, где также не были созданы районные «партийно-советские» партизанские отряды. – С.Г.) и Зубцовском районах проведён отбор товарищей в истребительные отряды. В Погорельском районе в сохранённый отряд в количестве 10 чел. проводится дополнительный отбор за счёт новых коммунистов и колхозников, оказывавших содействие отряду во время его действия в тылу врага». Отмечались трудности в подборе людей. Так, в Зубцовском районе 1–5 марта проводился отбор 8–10 человек для посылки в тыл противника для подпольной работы и организации партизанского отряда. Но только из комсомольской организации удалось отобрать 5 человек. В частности, в новый создаваемый партизанский отряд был включён комсомолец А.И. Панов, активный участник группы Орлова, участвовавший во всех диверсиях группы, а потом оказавшийся на освобождённой от фашистов территории. Позднее он служил в Красной армии до конца войны¹⁰.

В апреле 1942 г. политотделом 31-й армии и Зубцовским райкомом ВКП(б) все-таки был сформирован партизанский отряд из 25 человек. Командиром был назначен командир одного из батальонов 251-й стрелковой дивизии старший лейтенант Е.Л. Дехтерев, а комиссаром – С.Н. Скорлыгин. В документах отряд называется по первым буквам фамилий командира и комиссара – «ДС». В апреле–мае 1942 г. отряд был вооружён, обучен, снабжён продуктами, но с заброской отряда в тыл противника возникли большие

⁹ ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 2. Л. 92–93, 116, 93–94.

¹⁰ Там же Л. 94–95.

трудности. Немецкая линия обороны на территории Зубцовского и Погорельского районов была сплошной и основательно укреплённой. Вероятно, по согласованию с командованием Калининского фронта и обкомом партии, переправить отряд на оккупированную территорию района было решено с запада, где у противника на территории Бельского и Сычевского районов не было особых укреплений, да и лесные и болотистые массивы не позволяли создать там сплошную линию фронта. В этих местах с января 1942 г. сражались в полуокружении войска 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта. В районе п. Нелидова у полуокружённых войск был коридор для связи с основным фронтом. 13 июня 1942 г. партизанский отряд Зубцовского района выехал в расположение 39-й армии. До места перехода через линию фронта добирались 2 недели. 29 июня прибыли на передний край обороны 357-й стрелковой дивизии. Переход через линию фронта 4 июля осложнился немецким наступление на соединения 39-й армии в начале известной немецкой операции «Зейдлиц». Но отряд всё-таки перешёл линию фронта и затем действовал на территории Сычевского и Зубцовского районов. Было проведено 11 операций, самой крупной из которых было крушение воинского эшелона из 45 вагонов в районе станции Осуга-Панино.

4 августа 1942 г. на зубцовском направлении с востока начали наступление войска Западного фронта в ходе летней Ржевско-Сычевской операции 1942 г. 6 августа отряд «ДС» соединился с частями 251-й стрелковой дивизии 20-й армии Западного фронта. Он действовал в тылу врага 1 месяц и три дня. После этого партизанский отряд, созданный партийным и советским руководством Зубцовского района, прекратил существование. Отдельные партизаны ушли в Красную армию, другие приступили к налаживанию жизни на освобождённой части района. По данным Зубцовского райкома партии, «по состоянию на 20 мая 1943 г. в действующих партизанских отрядах никого из товарищей, посланных Зубцовским РК, нет»¹¹.

После окончательного освобождения Зубцовского района обкомом ВКП(б) в апреле 1943 г. было проведено расследование причин того, почему в октябре 1941 г. в районе не был организован партизанский отряд. П.Г. Степанов, приехавший в марте 1943 г. в областной центр, пытался объяснить своё поведение, писал объяснительные записки, где рассказывал, как он работал вместе с Орловым против оккупантов. По его словам, перед оккупацией района он занимался эвакуацией скота, уничтожением государственного имущества. Он утверждал, что «подготовительная работа по организации партизанского отряда была проведена, с каждым проведена беседа, расположение отрядов были намечены. Своевременно командиры отрядов на места расположения не были посланы, т. к. они за день до взятия района прибыли из курсов». По словам же его партийных коллег, Степанов в вопросе организации партизанского отряда работал «оторванно» от партийного коллектива. 2-й

¹¹ ТЦДНИ. Ф. 422. Оп. 1. Д. 243. Л. 13–16; Ф. 479. Оп. 2. Д. 88. Л. 5; Ф. 147. Оп. 3. Д. 155. Л. 51; Татионов И.Ф. Зубцовский район. Тверская область. Время, события, люди, судьбы. Зубцов, 2001. С. 108–115.

секретарь Зубцовского райкома партии Е. Щеглова писала в объяснительной записке: «Работа велась слишком конспирированно, так, что ни я, второй секретарь, ни секретарь по кадрам ничего не знали, что делается по этому вопросу. Кто в партизанском отряде, где базы, какое имеется оружие, не знала, вопросы эти на бюро не обсуждались. Дважды спрашивала Степанова, он отвечал, что занимается этим вопросом он по заданию обкома, когда надо будет, поставлю в известность». Слова Д.Я. Шлюпкина, исполняющего в 1941 г. обязанности заведующего инструкторским отделом райкома, подтверждают сказанное Щегловой: «Спросил Степанова, ответил, не лезь не в свое дело... Степанов работал секретарём РК замкнуто и через силу бюрократично, не только рядовые коммунисты, но и работники аппарата райкома боялись к нему заходить». Причины того, почему не были подготовлены партизанские базы, некоторые партийные работники объясняли тем, что районный транспорт был использован для эвакуации семей партийных и советских работников: «В связи с тем, что районные работники заботились о том, чтобы эвакуировать свои семьи, использовав для этого весь транспорт, нам базы действия партизан не удалось выбросить, даже продовольствия, одежды и оружия»¹².

По результатам партийного расследования были сделаны выводы: П.Г. Степанов, первый секретарь Зубцовского РК, «до конца не организовал дело по созданию партизанских отрядов, в результате чего оккупация немецкими войсками Зубцовского района застала партийный актив неподготовленным к активным действиям в тылу врага... Тов. Степанов, не сделав попытки выйти из окружения, 13/X.41 г. покушался на самоубийство, чем окончательно дезорганизовал оставшихся коммунистов в тылу врага... После ранения в болезненном состоянии до марта 1943 г. проживал в д. Чашково Новодугинского района, занятой немцами... При проверке на месте установлено, что тов. Степанов никакой работы в тылу врага не проводил... За необеспеченнность руководства партизанской борьбой в тылу врага и проявленное малодушие Степанову П.Г. объявить выговор с занесением в учётную карточку»¹³.

В 1943 г. П.Г. Степанову был выдан новый партийный билет, в 1944 г. он был представлен к награждению медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, правда, сведений о награждении найти не удалось. После войны П.Г. Степанов вместе с семьёй жил в областном центре, в доме обкома партии, до 1949 г. работал инструктором РК ВКП(б) Центрального района города Калинина, был инвалидом 2-й группы по зрению, получал персональную пенсию 450 руб. Последний документ в деле с материалами партийного расследования – ходатайство 1950-х гг. (?) об увеличении ему персональной пенсии. Умер Степанов в 1983 г.¹⁴ Сведений о том, приезжал ли П.Г. Степанов после 1943 г. в Зубцовский район, не имеется.

¹² ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 155. Л. 43, 23, 29, 29 об, 73.

¹³ Там же. Л. 34.

¹⁴ Там же; Корсаков С.Н. Люди Тверского края второй половины XX века. Основные биографические данные. Тверь, 2007. С. 91.

В самом Зубцове после освобождения района был составлен список расстрелянных оккупантами коммунистов. Первым в списке был Юрий Андреевич Орлов. Оставшихся в живых членов его группы, в основном женщин – Л.Ф. Носову, А.М. Горюнову и др. – в 1943 г. опрашивали вначале о Степанове, потом допрашивали о Шаркове, который, напомним, органами НКВД был арестован в Сычевском районе. В условиях, когда партия большевиков была в Советском Союзе основной правящей и руководящей силой и государства, и общества, публично говорить о малодушном поведении главного коммуниста района, его бездеятельности при создании партизанского отряда было нельзя. Естественно, это привело к замалчиванию не только его фамилии, но и фамилий тех людей, кто помогал П.Г. Степанову в период оккупации, спасая его жизнь. Настоящие герои были забыты, хотя жизнь некоторых из них и после описанных событий складывалась достаточно героически.

Так, В.Т. Шарков после ареста фашистами в декабре 1941 г. и допросов в отделениях СД, воспользовавшись наступлением Красной армией и некоторой неразберихой в структурах отступавших немецких войск, смог бежать, на некоторое время осел дома, в Сычевском районе. В январе 1942 г. при помощи знакомого старосты Шарков устроился фельдшером в Ярыгинскую амбулаторию того же района, но в мае 1942 г. был арестован оккупантами «за пользование детекторным радиоприемником и агитацию в пользу Красной армии». Некоторое время он находился в Сычевском лагере для военнопленных, но при помощи родственника, работавшего старостой, был отозван для работы в Сычевской больнице, потом опять в Ярыгинской амбулатории. В Сычевском районе в 1942–1943 гг. было массовое заболевание жителей сыпным тифом и очень нужны были врачи. В декабре 1942 г. В.Т. Шарков вновь был арестован сотрудниками СД, содержался в лагере для мирных граждан в совхозе Юшино Сычевского района, откуда, опять же по знакомству, был отозван в Сычевку и до её освобождения работал врачом в Сычевской больнице. После освобождения Сычевки 13 марта 1943 г. был арестован уже сотрудниками НКВД по обвинению в измене Родине и сотрудничестве с немцами¹⁵.

Документы следственного дела В.Т. Шаркова позволяют говорить о достаточно серьёзном ведении следствия, несмотря на то, что проходило оно в условиях военного времени. Были сделаны запросы в г. Зубцов, в д. Столипино, где были допрошены выжившие члены группы Орлова. Л.Ф. Носова, А.А. Скачкова и другие однозначно показали, что Шарков был активным членом группы Орлова, участвовал с ним в диверсиях, удачно прооперировал Степанова, его квартира в Столипинской больнице была «явочным пунктом» группы. 7 октября 1943 г. было подписано постановление о прекращении следственного производства, где говорилось: «Шаркова В.Т. из-под стражи освободить и как военнообязанного, подлежащего призыву в

¹⁵ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 9688-с.

Красную армию, направить в распоряжение райвоенкомата». Последнее распоряжение странно, так как в допросах Шаркова содержится информация о том, что он был освобождён от службы в армии, правда, без указания причин¹⁶. По открытм данным, фельдшер В.Т. Шарков был призван в армию 27 октября 1944 г. Краснохолмским военкоматом и служил в 34-м отдельном штрафном батальоне. Проследить последующую судьбу В.Т. Шаркова не удалось.

Лиши́ один человек из группы Орлова был награждён – комсомолец А.И. Панов, но только за участие в деятельности партизанского отряда «ДС» в июле–августе 1942 г.

В конце 1940-х–1950-е гг. советское государство не поощряло обращения к истории Великой Отечественной войны, что ярко отразилось в районных и региональных газетах этого периода: лишь в номерах за 9 мая или близких к этой дате публиковались небольшие, безымянные, чаще всего на второй странице статьи о «Великой победе»; в газетах (в частности в газете «Красный льновод») нет никаких рассказов и воспоминаний о том, что происходило в годы войны на территории района. Когда с начала 1960-х гг. в Советском Союзе вновь обратились к истории Великой Отечественной войны и стали вспоминать и чествовать её героев, память об антифашистской группе Ю.А. Орлова и её участниках в Зубцовском районе была уже утрачена. В 1950-е гг. в Зубцове на плозади Ленина было оформлено воинское захоронение и на одной из его мемориальных плит появилась фамилия Ю.А. Орлова. Нам не удалось выяснить, то ли были перезахоронены его останки, то ли его фамилию просто увековечили на плите, так как в списках похороненных здесь воинов фамилия Орлова не значится. Когда 1990-е гг. в регионе составляли дополнения к региональной «Книге Памяти», имя Ю.А. Орлова было внесено в «Книгу Памяти» по Центральному району г. Твери, вероятно, как человека, работавшего перед назначением в г. Зубцов в областном центре¹⁷.

В военной истории Зубцовского района страницу о партизанском движении заполняет информация о партизанском отряде «ДС» и действиях Погорельского партизанского отряда, что естественно, поскольку в 1960 г. Зубцовский и Погорельский районы были объединены. Иногда упоминается группа Громова–Скорлыгина, но как разведывательная¹⁸. Больше других в советское время звучало имя комиссара Погорельского отряда С.Г. Дороченкова как следствие его активного участия в военно-патриотической ра-

¹⁶ Архив УФСБ по Смоленской области. Д. 9688-с. Л. 127.

¹⁷ ОБД «Мемориал»: сайт МО РФ. Москва [Электронный ресурс]. URL: <https://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261454243&page=1> (дата обращения 10.2.2024); Книга Памяти. Тверская область. Тверь, 1996. Т. 10. С. 23.

¹⁸ Красный льновод. 1943. 7 ноября; Татионов И.Ф. Указ. соч.; Зубцов и район. Словарь-справочник. Зубцов, 2006. С. 75; Города и района Калининской области. Краткие очерки. М., 1978. С. 210; Тверская область. Энциклопедический справочник. Тверь, 1994. С. 107.

боте в районе. Информация о П.Г. Степанове, группе Ю.А. Орлова, проблемах в партизанском движении Зубцовского района для современных жителей района, краеведов, библиотекарей, учителей стала открытием, но воспринята была неоднозначно. По мнению некоторых из них, знать неизвестные прежде исторические факты нужно, но менять существующую картину военной истории края нежелательно.

Представленные материалы показывают, что общественная историческая память не всегда отражает реальные события, и задача исследователей хотя бы приблизиться к их пониманию и освещению. В частности, в военной истории региона остаются многие герои антифашистского сопротивления, имена которых незаслуженно забыты и их выявление – восстановление исторической справедливости.

Список литературы:

1. Дороченков С.Г. В суровые дни // На правом фланге Московской битвы / Сост. М.Я. Майстровский. Тверь, 1991.
2. Корсаков С.Н. Люди Тверского края второй половины XX века. Основные биографические данные. Тверь, 2007.
3. Татионов И.Ф. Зубцовский район. Тверская область. Время, события, люди, судьбы. Зубцов, 2001.

Об авторе:

ГЕРАСИМОВА Светлана Александровна – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Тверской государственный объединенный музей, (170100, Россия, г. Тверь, ул. Советская, д. 5); e-mail: s_a_gerasimova@mail.ru

Paradoxes of memory Organization and activity of partisan detachments in the Zubtsovsky district of the Kalinin region in the early period of the Great Patriotic War

S. A. Gerasimova

The Tver State United Museum, *Tver, Russia*

The article deals with previously unexplored issues on the military history of the Tver region of 1941–1945. For the first time, the author presents the complete history of the partisan detachments created by the party-soviet leadership of the Zubtsovsky district of the Kalinin region during the initial period of the Great Patriotic War. The article also talks about the formation of historical memory of the partisan movement in the district, as a result of which ideas have developed in the public consciousness that do not fully reflect the real history. The consequence of this was the oblivion of some facts and heroes of local history, which indicates the relevance of continuing to study the history of anti-Fascist resistance in the region. The research is based on materials from the Tver Center for Documentation of Modern History and the archive of the FSB Directorate for the Smolensk Region.

Keywords: *The Great Patriotic War, the partisan movement, historical memory, Zubtsovsky district of the Kalinin region.*

About the author:

GERASIMOVA Svetlana Aleksandrovna – Candidate of History, Chief Researcher, the Tver State United Museum, (170100, Russia, Tver, ul. Sovetskaya, 5); e-mail: s_a_gerasimova@mail.ru

References:

- Dorochenkov S.G., *V suroyye dni, Na pravom flange Moskovskoi bitv., Sost. M.Ya. Maistrovskii, Tver', 1991.*
- Korsakov S.N., *Lyudi Tverskogo kraya vtoroi poloviny XX veka, Osnovnye biograficheskie dannye, Tver', 2007.*
- Tationov I.F., *Zubtsovskii raion, Tverskaya oblast', Vremya, sobytiya, lyudi, sud'by, Zubtsov, 2001.*

Статья поступила в редакцию 17.02.2025 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

СООБЩЕНИЯ

УДК 94(470.41)+061.215-055.2
DOI 10.26456/vthistory/2025.1.154–167

Проблема семьи, материнства и детства в фокусе деятельности женских объединений Республики Татарстан в 1990-е – начале 2000-х годов

Л.Р. Шафигуллина

Частное образовательное учреждение высшего образования «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»,
г. Казань, Россия

В результате распада СССР и социально-экономических преобразований 1980–1990-х гг. ухудшилось положение граждан страны, были разрушены многие системы социальной защиты уязвимых слоёв общества, в том числе и система поддержки семьи, материнства и детства. Данным направлением государство занималось по остаточному принципу. Возникшему в эти годы женскому движению поначалу удавалось добиться от государства лишь точечных мер (ничтожных денежных пособий, снижения жилищно-коммунальных услуг для незащищённых слоёв населения). Такие действия не могли кардинально изменить положение дел, требовался системный подход. Перед женским движением России и Республики Татарстан была поставлена задача вывести семейную политику на государственный уровень, добиться широкого понимания того, что значит семья для возрождения нашего общества. Статья посвящена анализу деятельности женских организаций в сфере поддержки семьи, материнства и детства в Республике Татарстан в 1990-е – начале 2000-х гг. и достигнутым результатам их работы в данном направлении.

Ключевые слова: женские организации, женское движение, поддержка материнства и детства, семья.

Процесс демократизации середины 1980–1990-х гг., вызвавший беспрецедентный всплеск социально-политической активности по всему постсоветскому пространству, привлек многих женщин в новые социальные, экологические, политические и национальные движения и дал импульс возникновению ряда новых форм женских организаций. В результате люди с активной жизненной, гражданской позицией в рамках общественных организаций пытались найти нестандартные способы решения социальных проблем. Женские организации Республики Татарстан, ориентированные в первую очередь на решение социальных проблем, можно объединить в

группы, в зависимости от приоритетности той или иной проблемы: организации женщин с тяжёлыми и неизлечимыми заболеваниями; организации женщин-инвалидов; организации, выступающие против наркомании; благотворительные организации и фонды по поддержке материнства, многодетных семей, детей-сирот.

Проблемы семьи занимают большую часть социально ориентированных женских организаций. Направление работы, связанное с оказанием помощи семьям, существовало и в советские времена (например, это было одной из сфер деятельности женсоветов¹ (см. также: Шафигуллина Л.Р. Женские советы Татарской АССР в условиях перестройки // Женщина в российском обществе. 2009. №3 (52)), но кризисное состояние экономики сделало его особенно важным для целого ряда организаций. Во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. правительство РФ разработало ряд проектов и законов, направленных на преодоление демографического кризиса и повышение рождаемости. Данные меры, предложенные правительством, стали первой государственной программой повышения рождаемости. До принятия этих программ только в 1980-х гг. был увеличен отпуск по уходу за ребенком сначала до 1,5, а затем и до 3 лет, выросли пособия на детей, облегчились условия получения жилья для многодетных семей. Национальный проект «Здоровье» включал в себя меры по улучшению медицинской помощи при беременности, родах и в педиатрии, также по этому проекту предполагалось ввести родовые сертификаты (стали выдаваться с 2006 г.). С 2007 г. начал действовать Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»², который среди населения и в прессе получил название закона о «материнском капитале». Данная программа действует до сих пор. Подобные меры поддержки женщин-матерей есть далеко не во всех государствах, несмотря на дискуссии и критику данного проекта. Однозначно женские организации своей деятельностью по проблеме поддержки семьи, материнства и детства повлияли на принятие данного закона, а также его улучшения в последующие годы путём проведения исследований и формирования рекомендаций.

Автором были вовлечены в исследовательский процесс находящиеся в научном обороте источники и новые. Эмпирической основой выступили документы региональных архивов (ЦГА ИПД РТ, НА РТ), а также текущих архивов организаций и учреждений Республики Татарстан. Материалы женских общественных организаций РТ, к сожалению, сохранились бессистемно и в хаотичном состоянии. Поэтому стало необходимым проведение

¹ Давлетшина Д.С. Искренне ваша, Дания Давлетшина. Казань, 2004; Музыря А.А., Копейко В.В. Женсовет: опыт, проблемы, перспективы. М., 1989.

² Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29.12.2006 №256-ФЗ // Правовая система КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=64872;div=LAW> (дата обращения: 30.09.2024)

фокусированного лейтмотивного глубинного интервью с лидерами и участницами женского движения республики³. В результате данные, полученные в ходе интервью, дополнили информацию архивных материалов.

Вследствие экономических преобразований, разрушенной системы социальной защиты такие категории семей, как многодетные и неполные (матери-одиночки, часто безработные), оказались за чертой бедности. Практически весь суммарный денежный доход расходовался ими на питание. Из-за нехватки средств не оплачивались счета за квартиру и коммунальные услуги, в результате чего им грозило выселение. На страницах периодической печати 1990-х гг. можно встретить огромное количество писем от отчаявшихся матерей, делящихся своими бедами, говорящих в основном о низких пособиях и об их несвоевременной выплате⁴. В обращениях к депутатам Государственного Совета РТ и Правительству РТ также содержатся такого рода письма, однако на единичные голоса ответной реакции не всегда можно было дождаться. Так возникло несколько объединений и фондов, выражающих интересы многодетных и неполных семей, детей-сирот и детей-инвалидов, от имени которых можно заявить о существующих проблемах. В Уставе одной из организаций («Женщины Татарстана») было прописано целевое направление деятельности, которое заключалось в «разработке предложений и помощи государству по разрешению острых проблем: ... охране семьи, материнства и детства; поддержке многодетных семей; воспитании подрастающего поколения; поддержке детей группы риска (дети трудных семей, дети-сироты); охране прав детей – правонарушителей и несовершеннолетних преступников, матерей и жен военнослужащих и солдатских матерей»⁵.

По данным республиканского Центра охраны семьи, материнства и детства в РТ в конце 1990-х гг. насчитывалось 4,7 % многодетных семей – это двадцатая часть от общей численности семей в республике, но на их долю приходилась пятая часть общего числа детей до 18 лет, живущих в семьях⁶. С каждым годом количество многодетных семей и детей в семьях уменьшалось. Необходимо отметить, что существовала проблема сбора статистической информации по семьям с детьми. Вообще если в советское время статистика велась тщательно, то в 1990-е гг. по многим вопросам и показателям информации не имеется вообще или она носит обрывочный характер, что негативно сказывается на построении полноценной картины прошлого. Судить в целом о положении можно лишь на основании мониторингов, которые изредка проводились женскими общественными организациями и социальными службами.

Круг проблем, с которыми постоянно сталкивались многодетные семьи, заключается в низких пособиях и несвоевременной их выплате, в малой

³ В рамках исследования был опрошен 21 респондент.

⁴ Рубрика «Вопросы без ответов» // Вечерняя Казань. 6 декабря 1999.

⁵ Устав Республиканской общественной организации «Женщины Татарстана» (регистрация 19.02.1996) С. 3.

⁶ Информация о многодетных семьях Республиканского Центра охраны семьи, материнства и детства, 1999 г. С. 1.

площади жилья и необходимости её увеличения, в трудностях при регистрации по получению социальной помощи (заполнение огромного количества документов, незнание законов, необходимость работников социальных служб), в некачественном и не отвечающем нормам питания для детей в школах, в организации отдыха детей во время каникул.

Объединение многодетных матерей и опекунов детей, оставшихся без попечения родителей («Шәфкат – Милосердие»; дата образования – 1995 г.), выбрала для себя в качестве приоритетной проблему жилья многодетных семей. По подсчётам лидера организации Р.Н. Усмановой, в Казани в конце 1990-х гг. более 1500 многодетных матерей стояли на учёте по улучшению жилищных условий. Квартиры многодетным матерям–очередникам почти не выделялись, а отсутствие нормального жилья приводило «к моральной деградации подрастающего поколения, вообще ликвидации прослойки многодетных»⁷. С момента существования организации были направлены письма-обращения в администрации районов города, Государственный Совет РТ, Правительство РТ, Президенту РТ, Генеральную прокуратуру от имени отдельных семей, а также коллективные письма. В результате выявленных нарушений при распределении квартир было всё-таки возбуждено несколько уголовных дел по факту распродажи квартир, предназначенных многодетным семьям. Было улучшено жилищное положение нескольких отдельных семей.

Дважды Р.Н. Усманова с программными лозунгами, направленными на устранение дискриминации в отношении многодетных матерей, баллотировалась в Городской совет Казани, но безуспешно. В обращениях к властям от организации ставился вопрос о снижении тарифов по оплате за жильё и коммунальные услуги многодетным семьям. С 1992 г. на территории РТ действовало Постановление Кабинета Министров № 708 «О дополнительных мерах по социальной поддержке многодетных семей в РТ», согласно которому многодетные семьи РТ по сравнению с РФ имеют большие льготы по оплате за пользование жильем и коммунальными услугами. Если в РФ многодетные семьи независимо от количества детей имеют скидку 30 %, то в РТ для семей, имеющих 3–4 детей – 30 %, 5–9 детей – 50 %, с 10 и более пользуются жилплощадью и коммунальными услугами бесплатно⁸. Однако с 1992 г. по середину 2000-х гг. не было принято мер, кардинально улучшающих положение по данному вопросу.

В течение 1990-х гг. Правительством РТ многодетным семьям был предоставлен ряд льгот и гарантий, отличающийся в положительную сторону от федеральных законов. Предусмотрены ежемесячные денежные компенсационные выплаты неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим воспитание трёх и более детей в возрасте до 16 лет (учащихся, не

⁷ Интервью с Р.Н. Усмановой. 14 февраля 2008 г. // Личный архив автора.

⁸ Сборник нормативных документов РТ по социальной защите населения. Казань: [Б.и.], [Б.г.]. С. 150–153.

получающих стипендии, до 18 лет)⁹, а в РФ это не предусматривалось; ежемесячная компенсация в виде жетонов и чеков неработающим трудоспособным лицам, воспитывающим трёх и более детей в возрасте до 16 лет (учащихся, не получающих стипендию, до 18 лет), семьи с детьми-дошкольниками компенсация выплачивалась при условии непосещения детьми детских дошкольных учреждений¹⁰, а в РФ это не предусматривалось; бесплатное обеспечение лекарственными средствами детей из многодетных семей в возрасте до 16 лет¹¹, а в РФ только для детей до 6 лет¹²; бесплатный проезд на всех видах городского и пригородного транспорта (кроме такси) детям из многодетных семей – учащимся общеобразовательных учреждений и профессионально-технический заведений - в РФ только для детей – учащихся общеобразовательных школ; родительская плата за содержание детей в детских дошкольных учреждениях – 15 % от норматива затрат на содержание¹³; 50 % скидка на содержание детей из многодетных семей в детских дошкольных учреждениях – аналогично законодательству РФ. Конечно, эти постановления во многом облегчали ситуацию в семьях, однако, учитывая их тяжёлое экономическое положение в условиях безработицы, постоянного повышения цен на продукты питания, коммунальные тарифы, эти льготы оказывались недостаточными.

Во многом осложняло ситуацию в многодетных семьях, попавших в непростую ситуацию, незнание родителями собственных прав. Власть и органы социальной защиты на обращения граждан реагировали неотзывчиво, не разъясняли, какими льготами обладает та или иная категория людей, какие необходимо собрать документы для её получения. Очень мало семей проинформировано и о существовании организаций, которые могут помочь им в отстаивании их прав. Часто под шефство женской организации «Шэфкат – Милосердие» семьи попадали в ужасающем положении. В семье Куртымовых было 7 детей, мать имела I группу инвалидности. Их долг по квартплате составлял 160 тыс. руб. Попав в квартиру, Р.Н. Усманова увидела удручающую картину, к примеру, «электрические розетки были оголены, везде был беспорядок, а самое главное – дети голодали»¹⁴. Они не получали пособия, поскольку вовремя не были сданы необходимые справки, инвалидность также не была оформлена. Ни судьба детей, ни их матери, которые находились в крайне тяжёлом положении, органы соцзащиты не волновали. О таких случаях участницы такого рода организаций могут рассказывать частями. Женское объединение «Шэфкат–Милосердие» оказывало семьям юридическую помощь в оформлении всех документов, детей устраивало в

⁹ Сборник нормативных документов РТ по социальной защите населения. С. 150–153.

¹⁰ Республика Татарстан. 27.05.1999. № 106–107.

¹¹ Там же. 15.06.1995. № 121–122.

¹² Азарова Е.Г. Пособия и льготы гражданам с детьми. М., 1998. С.199–201.

¹³ Региональное законодательство РТ. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917004379> [дата обращения: 30.09.2024]

¹⁴ Интервью с Р.Н. Усмановой. 14 февраля 2008 г. // Личный архив автора.

учебные заведения. В дальнейшем над ними устанавливалось шефство и отслеживалась их судьба.

С течением времени у организации наладилось сотрудничество и с органами соцзащиты. «Шэфкат–Милосердие» стало неким связующим звеном между многодетными семьями и органами соцзащиты.

Самое главное для членов организации «Шэфкат–Милосердие» – это желание подарить детям беззаботное детство. В этом направлении они старались организовывать праздники, приуроченные к 1 июня – Дню защиты детей, 1 сентября – Дню знаний, к Новому году и другим, сопровождающимся просмотром спектаклей в театрах города, кино, подарками и благотворительной трапезой. Оказывалась помощь в организации летнего отдыха детей в местных оздоровительных лагерях, на черноморском побережье, в круизах по р. Волге. В арендуемом помещении проводилась профориентация детей, обучение компьютерным технологиям, приглашались педагоги по рисованию и танцам. Все эти акции проводились на деньги спонсоров. Благодаря неутомимой энергии Р.Н. Усмановой удавалось найти деньги, чтобы порадовать детей, решить хотя бы небольшие их проблемы.

В 1999 г. заместитель премьер-министра РТ А.И. Конюшева на очередное обращение многодетных матерей об их тяжёлом материальном положении посоветовала «активу общественных организаций многодетных родителей совместно с органами социальной защиты населения, службами занятости и самим искать новые подходы к решению проблем многодетных семей: способствовать привлечению членов семей к предпринимательству, овладению новой профессией, к использованию возможностей временной занятости, приносящей дополнительный доход; организовывать в рамках ассоциаций союзов различные средства, открывать семейные клубы, мастерские, проводить ярмарки-продажи изделий, изготовленных членами семей».

Подобного рода организация была создана силами многодетных семей – Фонд социальной защиты многодетных семей «Семь Я». В отличие от существующих аналогичных организаций, стратегия которых заключается в сборе и распределении средств среди малообеспеченных слоёв нашего общества, цель этого объединения заключалась в направлении своей деятельности непосредственно на реализацию комплексных программ по духовно-нравственному, этическому и патриотическому воспитанию детей из многодетных семей и по их профессиональному ориентированию¹⁵. Ими была принята комплексная программа, включающая в себя наряду с мерами социальной защиты направления по всесторонней реабилитации многодетных семей: создание координационно-исследовательского центра, реализация программы правового просвещения многодетных семей, организация квалифицированной юридической помощи, оказание помощи в получении медицинских услуг, мероприятия по созданию биржи труда для родителей, рабочих мест через ведение предпринимательской деятельности.

¹⁵ Устав Республиканской общественной организации «Женщины Татарстана». С. 2.

Участницы Ассоциации женщин «Алиха–Вдохновение», будучи успешны в карьере, основной целью своей организации избрали благотворительность. Такого рода организации являются чаще всего исключением. Если мужчины-предприниматели готовы лишь на единовременные благотворительные акции, то женщины, успешные в бизнесе (лидер организации И.А. Маневская являлась вице-президентом ТО «Мета», А.И. Конюшева – коммерческим директором фирмы «Ильдан»), пытались сделать благотворительные акции системными.

Создание организации совпало с военными событиями в Чечне. Участницы Ассоциации стали заботиться о материах, чьи сыновья погибли на войне, взяли под свою опеку 28 детей, приехавших на лечение из Чечни в Республиканскую больницу. Проблемы у детей были достаточно серьёзные, многие были лишены конечностей. Реабилитация детей проходила в санаториях РТ. Сотрудничество с детским отделением РКБ затем продолжилось. Впоследствии было установлено шефство над школой-интернатом № 11¹⁶. Помощь оказывалась инвалидам, престарелым людям. Культурно-просветительская деятельность Ассоциации заключалась во встречах с композиторами РТ (Р. Калимуллиным), художниками из фонда «Туран», поэтами, певцами, музыкантами.

На федеральном уровне с 1994 г. действовала программа «Дети России». Депутаты Госсовета РТ З.Р. Валеева, Р.Р. Туфетулова, С.А. Усманова, одновременно лидеры женских объединений РТ, стали добиваться принятия подобной программы на уровне Республики Татарстан. Им пришлось потратить немало сил для того, чтобы из бюджета было выделено финансирование, особенно после дефолта 1998 г. Двум важным проблемам была посвящена программа «Дети Татарстана»: охрана здоровья матерей и детей (мероприятия по обеспечению безопасного материнства, строительство перинатальных центров, укрепление материально-технической базы учреждений акушерско-гинекологической и педиатрической службы, реабилитация инвалидов), воспитание и образование подрастающего поколения (поддержка детских, подростковых общественных объединений республики, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, организация работы среди детей и подростков по месту жительства).

С.А. Усманова видела причину того, что отстаивать права детей в РТ некому в отсутствии соответствующего органа, координирующего деятельность в данном направлении. Попытки создания такой структуры в 1990-е гг. предпринимались не раз. В 1991 г. Б.Н. Ельцин издал Указ о создании системы социальной защиты семьи, детства и материнства. Президентом РТ такая структура была создана при Кабинете Министров. Через полгода эту структуру упразднили, сделали управление социальной защиты, которое переключились только на ветеранов, пенсионеров, а про детей «забыли». В то же время создали Комитет по делам молодёжи по российскому аналогу. Ко-

¹⁶ Личный архив автора.

гда эту структуру закрыли, «чтобы депутаты не возмущались по этому поводу, что у нас нет такой структуры, добавили после слов «молодёжи» слово «детей», но функции оставили прежними. Получилось так, что наш комитет по делам детей и молодёжи в основном занимается только молодёжными проблемами, а детскими проблемами он никогда не занимался... Я (С.А. Усманова. – Л.Ш.) призываю, чтобы мы дополнительную структуру создали. Это нужно»¹⁷. Отсутствие механизма, регулирующего на республиканском уровне вопрос защиты детей, сводило результативность деятельности общественных организаций, женщин-депутатов к минимуму.

Как выше было обозначено, вторая часть Программы была посвящена воспитанию подрастающего поколения и разрешению проблем, связанных с трудными подростками. Особенно остро в 1990-е гг. заявила о себе проблема наркомании. По состоянию на 1 января 2003 г. на учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних состояло 17,9 тыс. несовершеннолетних, употребляющих наркотические средства¹⁸. При этом наблюдается стремительное омоложение контингента потребителей наркотических средств. Употребление наркотиков связано с усугублением криминогенности, риском заражения различными инфекциями, в том числе ВИЧ / СПИДом, ростом социальных проблем как для употребляющих наркотики, так и для их близких. Лечение наркомании имело низкую эффективность, несмотря на то что, оно сопровождалось большими материальными затратами. Адекватной системы помощи наркозависимым в РТ не существовало. «Когда наркомания расцвела, когда наши дети стали принимать наркотики, тогда республиканские и городские органы власти, соцзащиты не могли оказать никакой посильной помощи»¹⁹. В первую очередь тревогу забили матери. Как рассказывает Т.Г. Дмитриева (сама мать наркозависимого, а впоследствии Председатель Казанской общественной организации родственников наркозависимых «Вера»), «мы не знали, что делать с нашими детьми, куда обращаться за помощью, потому что после лечения они вновь возвращались к употреблению наркотических средств и все повторялось заново»²⁰. В силу того, что масштабы распространения наркомании по стране и в республике были огромными, администрация города выделила помещение бывшего подросткового клуба и профинансировала ремонт помещения, закупку необходимого инвентаря. Был создан социально-реабилитационный центр «Роза ветров», директором которого был назначен заинтересованный человек Т.Г. Дмитриева, являющаяся одновременно Председателем Координационного совета общественной организации родственников наркозависимых «Вера». Данный случай демонстрирует положительный пример удач-

¹⁷ Заседание Государственного Совета РТ. 21 октября 1998 г. Стенографический отчет. Казань, 1999. С. 192.

¹⁸ Методические материалы к Всероссийскому семинару по профилактике асоциальных явлений в подростковой и молодежной среде. М., 2018. С. 3.

¹⁹ Интервью с Т.Г. Дмитриевой. 5 апреля 2009 г. // Личный архив автора.

²⁰ Там же.

ного взаимодействия государственных органов с общественной организацией по решению остро стоящей перед обществом проблемы. Самым главным результатом для женщин-матерей наркозависимых является возвращение собственных детей к здоровой и полноценной жизни. Как никто другой, прошедшие и испытавшие на себе все негативные последствия совместного проживания с наркозависимыми могут понять и помочь оказавшимся в такой же беде в рамках работы реабилитационного центра.

Организация «Женщины Татарстана» приняла активное участие в принятии Закона РТ об учреждении медали «Ана даны – Материнская слава», которая должна ежегодно вручаться в канун Дня матери женщинам, сочетающим материнство с трудом и общественной деятельностью. Обсуждение этого закона шло на сессиях Государственного Совета РТ в 1999 г. При изучении стенограммы сессий становится очевидным неоднозначное отношение к закону среди депутатов. Критика закона со стороны депутатов-мужчин, с одной стороны, была обоснованной и касалась его непродуманности в финансовом отношении, с другой стороны, ими было высказано негативное отношение к многодетным матерям в таких уничижительных выражениях («излишняя плодовитость»). Это продемонстрировало снижение престижа материнства в обществе. К сожалению, многодетные женщины привыкли встречать такое жёсткое, порой циничное отношение и в чиновничих кабинетах. Меры, предусмотренные по программе адресной защиты населения, являются недостаточными для многодетных семей. Они в основном сводятся к льготам по оплате жилья и коммунальных услуг, пособиям на детей. «Однако есть многодетные семьи, которые уже со своими проблемами справляются вполне самостоятельно. Они сегодня не являются обузой для государства. Это государство сегодня нуждается в них, если хочет дальше развиваться. А раз эта задача государственная, то мы её должны решать в самых разных аспектах. Не всё можно свести только к дотациям и компенсациям. Нужно ещё утвердить высокий социальный статус семьи. Сегодня такие семьи нуждаются и в поддержке общественного сознания. Ведь нельзя не видеть того, что в реальной жизни утверждаются совершенно иные приоритеты, иные ценности. В общественном сознании больше восходят образы топ-моделей, олигархов, удачливых политических комбинаторов. Те же женщины, которым адресована эта награда, к сожалению, не сидят ни в этом зале, ни во многих других, но это не значит, что они заняты менее важным государственным делом, поэтому они действительно нуждаются в поддержке государства и поощрении... Правильным было бы начать утверждение республиканских наград именно с признания великого труда матерей, с воспитания детей, тем более что на эту медаль уже есть кандидаты. А вот насчёт высших наград, пусть ещё рассудит время, кому давать героев. А у этой медали действительно есть конкретные адресаты...»²¹, – таким образом

²¹ Заседания Государственного Совета Республики Татарстан. XIX пленарная сессия. 26 мая 1999 г. Стенографический отчет. Казань, 1999. С.28.

пришлось Председателю общественной организации «Женщины Татарстана», одному из разработчиков данного закона З.Р. Валеевой отстаивать необходимость принятия закона.

В России на тот момент не было специальной награды многодетным матерям, им вручался орден «За заслуги перед Отечеством второй степени», а также действовало звание «Мать-героиня». Женщины РТ могли претендовать и на российскую награду, и на свою республиканскую, которая носит название «Ана даны – Материнская слава». Этой медалью по закону награждались матери – граждане РТ, родившие и воспитавшие пять и более детей. Им выплачивалось единовременное вознаграждение в порядке и размерах, определяемых Президентом РТ. Льготы, как многодетным семьям, им будут обеспечиваться по другой Программе, поэтому беспокойство некоторых депутатов касательно финансирования данного закона оказалось необоснованным.

Важным вопросом является качество питания детей в детских дошкольных и школьных учреждениях. В целях выявления и устранения нарушений совместно с постоянной комиссией по образованию, культуре, делам молодёжи и национальным вопросам городского совета, с ассоциацией многодетных матерей организация «Женщины Татарстана» в 1997 г. приняла участие в изучении системы питания учащихся общеобразовательных учреждений г. Казани (ведение журнала учёта учащихся, нуждающихся в бесплатном питании, наличие статистических данных о категориях льготников у ответственных за питание, проверка качества питания: наличие недельного меню в трёх вариантах и не менее чем трёх блюд по возрастным группам, наличие меню диетического питания, меню дополнительных блюд и продуктов питания, своевременность обеспечения школьных столовых продуктами питания). Итогом стало обращение к председателю комиссии Госсовета РТ по социальным вопросам и делам молодежи И.С. Абдуллину с предложениями по исправлению сложившегося положения. В школах по сей день в РТ осуществляется ежедневный контроль со стороны родителей качества питания детей, а начало данной проверке было положено женскими организациями.

В РТ в различных сферах общественной жизни – в семье, бизнесе, науке, культуре, здравоохранении, производстве, государственном управлении – успешно реализуют свои деловые качества и творческий потенциал огромное количество женщин. Женскими организациями РТ с целью привлечения внимания к проблемам семьи, материнства и детства было инициировано множество мероприятий, таких как конкурсы, конференции, благотворительные акции.

С целью изменения сложившихся стереотипов о роли и месте женщины в обществе, создания позитивного образа современной женщины организацией «Женщины Татарстана» был учреждён конкурс «Женщина года», который стал проводиться ежегодно с 1998 г. Первый конкурс проводился по семи номинациям: «Я – моя семья, мои дети, мой дом. Светлое имя мам» – вручалась женщине, снискавшей высокое общественное признание

добросовестным отношением к воспитанию детей; «Призвание, труд, вдохновение на благо и созидание общества – вручалась женщине, достигшей выдающихся результатов в профессиональной деятельности; «Мое село – мой дом родной», «Я частица твоя, моя родная Земля», «Женщина – лидер, женщина – политический и общественный деятель», «Деятельность и общественная ориентация, современность и новации, женственность, выбор пути молодой женщины», «Студентка: знания, активная позиция созидания – это основа для будущего», «Не стареют душой ветераны. Наши бабушки». В последующем названия номинаций изменились, что-то добавлялось, например, номинация «Женщина – культура и духовность», она вручалась женщине, достигшей выдающихся результатов в области искусства и культуры, просвещения и образования.

Ежегодными стали мероприятия, приуроченные к 1 июня – Дню защиты детей: «Праздник песни» (конкурс для детей от 3 до 7 лет), конкурс детского рисунка «Наш дом – добрый мир», детский республиканский фестиваль «Жирлысыйм килә» («Хочется петь»). К этому дню всегда были приурочены благотворительные акции для детей-сирот, детей-инвалидов. Работа организации «Женщины Татарстана» в данном случае заключалась в поиске спонсоров, что в эти годы было проблематичным. Например, директору Казанской швейной фабрики Ф.Х. Нафиковской было написано обращение следующего содержания: «Республиканская общественная организация «Женщины Татарстана» оказывает конкретную помощь инвалидам, многодетным семьям, вдовам, больным, престарелым, всем людям, попавшим в беду. Но в этой работе возникают трудности, решить которые можно только с помощью сильных и благородных людей. Нам необходимы средства для оказания поддержки детям, инвалидам, малоимущим семьям. Мы просим Вас оказать посильную помощь в приобретении одежды для детей, оставшихся без попечения, Буйнской школе-интернате РТ. Мы знаем Вас, как человека, который не только ведет за собой коллектив, но и оказывает помощь другим людям. Надеемся, что Вы не останетесь в стороне от забот республиканской организации женщин. Ваша поддержка будет с благодарностью принята»²². Не всегда ответ был положительным, однако с течением времени были наложены контакты с руководителями многих предприятий, в результате чего благотворительные акции стали постоянными.

Полно проявляется творческий потенциал женщин во всех областях. Проведённые оригинальные культурные мероприятия и акции имели широкий резонанс в общественной жизни не только в республике, но и за её пределами.

Среди множества возникших в 1990-е гг. объединений женские организации Республики Татарстан заняли своё достойное место. Они выражали интересы значительного социального пласта населения. Женские организации РТ стремились к взаимодействию с государственными структурами. В

²² Обращение от 7 апреля 1997 г. директору Казанской швейной фабрики Ф.Х. Нафиковской.

результате они взяли на себя часть функций государства в таких областях, которым в силу нехватки средств и времени уделялось в 1990-е гг. недостаточно внимания (борьба с наркоманией, СПИДом, поддержка незащищённых слоёв населения: инвалиды, сироты, матери-одиночки, многодетные семьи, призывники, пострадавшие от домашнего насилия, жертвы трэфика, безработные). Благодаря работе женских организаций РТ разрушенная за годы реформ система поддержки материнства и детства была постепенно восстановлена, хотя время постоянно диктовало необходимость совершенствования её форм, средств и методов: от стратегии «малых дел» до участия в принятии и реализации государственных программ, например, «Дети Татарстана». В результате осуществляемой деятельности женские организации РТ принимали непосредственное участие в формировании социальной политики российского государства и Республики Татарстан. К сожалению, значительный социальный потенциал, имеющийся у женских организаций, не в полной мере был использован в процессе политического, экономического развития республики в изучаемый период.

Список литературы:

1. Валеева З.Р. «Женщин Татарстана» волнует всё // Республика Татарстан. 1998. 20 янв.(№12).
2. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.
3. Калимуллина Э.Ф. Женщины Башкортостана в гендерных процессах современного российского общества: автореферат дис. ... канд. соц. наук. Пермь, 2006. – 18 с.
4. Карташова Л. Беседа с Туфетуловой Р. // Казанские ведомости. 1995. 22 марта (№87). С. 4.
5. Лахова Е.Ф. Женское движение в годы реформ: проблемы и перспективы. М., 1998. – 78 с.
6. Мельникова Т.А. Женское движение в России: традиции и инновации. М., 2000. – 184 с.
7. Попова М.А. Роль женского движения в социальной защите женщин и вовлечении их в политическое участие в РФ в 1990-е гг.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2001. – 28 с.
8. Силласте Г.Г. Женщина – рынок – конверсия. М.: [Б.и.], 1993. – 86 с.
9. Шатрова Л.А. Гендерные стереотипы на рынке труда РТ // Права человека для женщин / под общ.ред. Е. Машковой. Набережные Челны, 2002. – С. 54–58.

Об авторе:

ШАФИГУЛЛИНА Ляйсян Рафиковна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии и социально-политических дисциплин, юридический факультет, Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова – ИЭУП (420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42); e-mail: liaisian@gmail.com

Problems of Family, Maternity and Childhood in the Focus of the Activities of Women's Associations of the Republic of Tatarstan in the 1990-2000s.

L.R. Shafigullina

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML),
Kazan, Russia

As a result of the collapse of the USSR and the socio-economic transformations of the 1980-1990s, the situation of the country's citizens worsened, many systems of social protection for vulnerable groups of society were destroyed, including the system of support for family, motherhood and childhood. The state dealt with this area on a residual basis. The women's movement that emerged during these years initially managed to get only targeted measures from the state (paltry cash benefits, reduction of housing and communal services for vulnerable groups of the population). Such actions could not radically change the situation, a systemic approach was required. The women's movement of Russia and the Republic of Tatarstan was tasked with bringing family policy to the state level, achieving a broad understanding of what family means for the revival of our society. The article is devoted to the analysis of the activities of women's organizations in the field of support for family, motherhood and childhood in the Republic of Tatarstan in the 1990s and 2000s and the results of their work in this area.

Keywords: *women's organizations, women's movement, support for motherhood and childhood, family.*

About the author:

SHAFIGULLINA Liaisian Rafikovna – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Philosophy and Socio-Political Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov – IEML (420111, Kazan, Moskovskaya str., 42); e-mail: liaisian@gmail.com

References:

- Valeyeva Z.R. «Zhenshchin Tatarstana» volnuyet vso, Respublika Tatarstan, 1998, 20 yanv. (№ 12), S. 3.
Zdravomyslova O.M. *Semya i obshchestvo: gendernoye izmereniye rossiyskoy transformatsii*, M., Yeditorial URSS, 2003. – 152 s.

- Kalimullina E.F., *Zhenshchiny Bashkortostana v gendernykh protsessakh sovremennogo rossiyskogo obshchestva*, avtoreferat dis. ... kand.sots.nauk, Perm, 2006. – 18 s.
- Kartashova L., Beseda s Tufetulovoy R., Kazanskiye vedomosti, 1995, 22 марта (№ 87).
- Lakhova Ye.F., *Zhenskoye dvizheniye v gody reform: problemy i perspektivy*, M., 1998. – 78 s.
- Melnikova T.A., *Zhenskoye dvizheniye v Rossii: traditsii i innovatsii*, M., 2000. – 184 s.
- Popova M.A., *Rol zhenskogo dvizheniya v sotsial'noy zashchite zhenshchin i vovlechenii ikh v politicheskoye uchastiye v RF v 1990-ye gg.*, avtoref. dis. ... kand. polit. nauk, Voronezh, 2001. – 28 s.
- Sillaste G.G., *Zhenshchina – rynok – konversiya*, M.: [B.i.], 1993. – 86 s.
- Shatrova L.A., *Gendernyye stereotipy na rynke truda RT*, Prava cheloveka dlya zhenshchin / pod obshch.red. Ye.Mashkovoy, Naberezhnyye Chelny, 2002, S. 54–58.

Статья поступила в редакцию 25.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930.23(47).084.3

DOI 10.26456/vthistory/2025.1.169–180

О книге Годунова К.В. «“Красная Пасха”: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны» (СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. – 256 с.)

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Обращаясь к работе К.В Годунова, посвященной большевистским революционным праздникам времен Гражданской войны, автор статьи проводит параллели между практиками идеиного самоутверждения французской (1789 г.) и российской (1917 г.) революций. Показано, что в России, в отличие от Франции, большевики старались не столько уничтожить старую праздничную культуру, сколько использовать ее в своих собственных целях. При этом ход и исход революции в России стал приобретать упрощенную идеино-политическую интерпретацию не только благодаря примитивизации и вульгаризации марксизма, но и в результате традиционной «карнавально-балаганной» эстетизации революционного насилия. В связи с этим работу Годунова можно приветствовать в качестве триггера будущей планомерной работы по выявлению реального культурно-антропологического содержания большевистского переворота.

Ключевые слова: Россия, революция, Гражданская война, революционные праздники, большевистская пропаганда, традиционное сознание, библейские символы.

Прошлое превращается в историю отнюдь не в первозданном своем виде. В особой степени это относится к социальным катастрофам – войнам, революциям. Кто при этом формирует историческую память: воинствующие революционные политики или упрямая традиционная масса, авангардистские элиты или «косные» низы? И насколько осно-

вательно способна революция зарядить своим духом социальное пространство?

Исследователи, изучающие революционное время, обычно концентрируются на «победителях» и их оппонентах или же на эстетизированных с помощью кино и литературных произведений образы тех и других. Нарушается принцип герменевтики – обязательность «вживи-

ния» в прошлое для понимания мотивации действий «героев» и «антигероев». С другой стороны, ограничиваясь только документами изучаемого времени, минуя приёмы компаративистики, невозможно понять, как «люди прошлого» (основная масса населения) видели своё настоящее и будущее, из чего складывались их текущие мироощущения. Ещё труднее уяснить, в какой степени удалось большевикам осуществить необходимый поворот в сознании масс.

К.В. Годунов предпринял новаторскую попытку, взявшись прояснить этот вопрос, обратившись к одному из «неформальных» способов большевистского воздействия на людские умы. Речь идёт о праздничной презентации октябрябрьского переворота в условиях угрозы военной контрреволюции¹. К исследованию привлечена мощная документальная база, включая пластины «провинциальных» источников. Это создаёт особую когнитивную ауру, порождающую вместе с тем массу вопросов и комментариев.

О революционной праздничной культуре написано довольно много. При этом исследователей привлекала преимущественно внешняя – декоративно-красочная – сторона манифестаций. Сказывался интерес ко всему необычному, что принёс с собой невиданный исторический переворот. Между тем революционерам с помощью массового дей-

ства предстояло соединить политику с психологией, пропаганду с верой, эстетику с моралью. Последовал поиск образов, способных убедить в исторической оправданности большевизма. Эмоциональный натиск победителей был велик, однако «кинетные» массы вряд ли успевали улавливать подлинный смысл их призывов. Настолько уместно в связи с этим говорить об идейном утверждении большевизма к концу Гражданской войны?

Автор справедливо отмечает, что в рассматриваемый период «отчётливо проявились важные элементы особой политической культуры, не всегда контролируемые большевиками» (с. 13). Нечто подобное происходило во Франции после 1789 г.: революционным манифестациям, призванным упорядочить социальный хаос, противостояла традиционная праздничная культура, выстроенная на «иррациональных» основаниях. В результате «между революцией и утопией с самого начала происходило недоразумение»; истинным праздником низы считали ничем не скованный разгул народного подсознания². Однако противники большевиков с самого начал подчёркивали различия между якобинцами и большевиками, утверждая, что первые вели, что они открыли дверь в гармоничное общество, тогда как

¹ Монография К.В. Годунова уже получила положительный отзыв (см.: Пуленков А.С. Праздник Октября под колокольный звон // Российская история. 2023. № 6. С. 193–197). В данном случае

его работа рассматривается под иным углом зрения.

² Озуф М. Революционный праздник, 1789–1799. М., 2003. С. 20, 28.

якобы последователи цинично предавали национальные интересы³. Как же в действительности было в России?

Понятно, что наступление на социально-революционный хаос большевистская власть вела не только в связи с «юбилеями». Однако именно последние в силу масштабности и экспрессивности могли сыграть в этом важнейшую роль. Так или иначе, для окончательного утверждения революции новым ритуалам предстояло вытеснить «консервативную» религиозно-обрядовую праздничную культуру. Задача осложнялась тем, что «пролетарская» революция стала ассоциироваться с Пасхой ещё в позапрошлом веке – для рабочих это был день 1 Мая, расцвеченный красными флагами⁴. Не удивительно, что после падения самодержавия, вопреки великокустным запретам, в России воцарилось именно пасхальное настроение⁵. Для идеальных революционеров это было не совсем кстати. К тому же народные празднества исходили из потребностей общественной релаксации; коммеморативная отсылка к революции, напротив, должна была нести в себе общественно-мобилизационный посыл. Образ «Красной пасхи» промелькнул и в 1920-е гг., причем он

нёс совершенно иную – антирелигиозную – идеиную нагрузку⁶.

Первая глава монографии посвящена рассмотрению принимаемых в связи с «юбилеями» организационных решений. Поскольку переходным этапом от стихийных пролетарских «маевок» к официальным праздникам стало 1 Мая 1917 г., то на этом моменте автору стоило бы остановиться подробнее. Майский праздник вроде бы стал к тому времени для рабочих «своим», но как они восприняли его в свете новых невзгод? К тому же актуализировались претензии социалистических оппонентов большевиков – особенно меньшевиков и анархистов, единодушно выступивших против «огосударствления» самодеятельных начинаний трудящихся. Так, плехановская газета высмеяла набор из 18 революционных лозунгов, предложенных «Правдой». Напоминалось, что за здравицей по поводу «перехода всех фабрик и заводов в руки советской республики» в реальной жизни скрывалось прогрессирующее разрушение производства. Фальшивым признавался и лозунг «Да здравствует Красное знамя свободного и честного труда»⁷. Празднование, считали противники большевиков, провалилось. Но так ли однозначно все было?

³ Shlapentokh D. The Counter-Revolution in Revolution. Images of Thermidor and Napoleon at the Time of Russian Revolution and Civil War. NY, 1999. P. 133, 134.

⁴ The Invention of Tradition. Ed. by E. Hobsbaum and T. Ranger. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. P. 284.

⁵ См.: История России: в 20 т. Т. 11: Империя, война, революция. Россия, 1914–

1917 гг. Кн. 2. От развода империи к Гражданской войне. 2024. С. 111–118.

⁶ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920 – 1930 гг. М., 2012. С. 275.

⁷ Единство. Еженедельник. 1918. № 1. 5 (18) мая. С. 5.

Редакция большевистского издания видела задачу революционного творчества в том, чтобы «делать жизнь красивее, справедливее, внутренно [так в тексте.— В.Б.] бogaче». Левые авторы были настроены, однако, агрессивно. Так, в стихотворении «Весна придёт» упоминалось и «крови море», и то, что «огнём святым, огнём нездешним / Горит Весна, — Весна ликует»⁸. В общем, новые праздники были призваны эстетически активизировать массы в совместном порыве к будущему, опираясь на прошлые революционные эмоции.

В антибольшевистской прессе тем временем отмечали: «Тоскливо проходят в Петрограде приготовления ко дню 1 мая... Предметом всех обывательских разговоров является пресловутая восьмушка хлеба, которую с понедельника получают нетребовательные жители петроградской коммуны... Не обходится без тревожных слухов. Говорят, будто 1 мая анархисты, поддержаные матросами, выступят против большевиков. Говорят, но уже менее уверенно, о выступлении меньшевиков и эсеров». Похоже, что празднование было проигнорировано многими пролетариями. Сообщали о небольшой колонне, шедшей по Невскому проспекту со знаменем Обуховского завода, за которым следовало 8 человек. Основную массу демонстрантов составляли красногвардейцы⁹.

Примечательно, что в начале января 1918 г. Ленин высказался о

«чудовищной бездейственности питерских рабочих», не умеющих самостоятельно бороться с классовыми врагами, среди которых на первый план вышли спекулянты и грабители¹⁰.

В других городах происходили по-своему символичные события. В Москве — новой большевистской столице — из опасения провокаций обыватели предпочитали оставаться дома. Празднование 1 мая в Кронштадте обернулось конфузом: услышав первомайский салют, жители решили, что в город вступили белогвардейцы, а матросы стали готовиться к отражению неприятеля. Празднование первой годовщины Октября вновь отметили заводскими гудками, пушками, пулеметами, взрывами бомб (с. 60).

А.В. Луначарский по-своему интерпретировал произошедшее. Он отметил, что по Марсовому полю шли «толпы измощдённых, голодных, но торжественно и мужественно настроенных» рабочих», при этом было много «войска». Вместе с тем, согласившись, что это празднование «было официальным», он с вызовом утверждал: «Но разве не упоительна сама идея, что государство, досель бывшее нашим злейшим врагом, теперь — наше и празднует Первое мая, как свой величайший праздник!»¹¹. В общем, большевики взялись приучать массы к своему торжеству. Этому до некоторой степени способствовали традиционные этатистские и патернистские устремления низов. Интересно, что

⁸ Творчество. Литература—Искусство—Наука—Жизнь. 1918. № 1. Май. С. 1–2, 10, 15.

⁹ Заря России. 1918. 1, 3 мая.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 311, 313.

¹¹ Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. М., 1981. С. 80, 83.

Луначарский призывал «учиться у толпы», «потворствовать её вкусам», чтобы понять, «в чём заключаются эти вкусы», а затем «выделить благородное в человеческой психике»¹².

Задача была не из простых. В связи с «антибургужскими» манифестациями футуристов возник вопрос: «Каково могло быть... массовое агитационное значение столь частых в первую годовщину Октября плакатов, дающих изображения груды кубистически изломанных человеческих тел с трудно разгадываемым значением..?»¹³. Какой образ революции предлагали левые модернисты?

Как известно, К. Малевич участвовал в оформлении праздничных торжеств в Москве, в Киеве Крестоцатик также оказался во власти авангардистов, но больше всех запомнился своими инициативами в Витебске М. Шагал. Но как воспринимался плакат, на котором под лозунгом: «Мир хижинам, Война дворцам» жутковатый бородатый пролетарий вздыпал дворец с колоннами с намерением грохнуть его оземь? Как признавал сам автор, некоторые из его работ «с сильной деформацией форм и непонятными символами были далеки от требований революционного искусства». В результате жителям приходилось обращаться к художникам за соответствующими разъяснениями¹⁴. В принципе, люди,

воспитанные на «лубковой» культуре, вряд ли могли переварить авангардистские эксперименты В. Маяковского и К. Малевича. Однако и кубисты не могли захватить монополию на экспрессивную презентацию революции. «Плакат тороплив, лубок медлителен»¹⁵, – отмечали современники. Найти «золотую середину» пока не удавалось.

В том же Витебске первую годовщину Октября наряду с революционными лозунгами предлагалось изменять колокольным звоном¹⁶. Единства мнений относительно стилистики празднования не было. Хватало и революционной халтуры. Так, Ленину показался «странным» памятник Карлу Марксу, «стоящему на четырёх слонах»¹⁷.

Конечно, превратить память о большевистском перевороте в торжество всех трудящихся в тогдашних условиях было непросто. Отсюда предложение московского начальства отказаться от «внешнего декорирования» и организовать «уличное массовое движение стройными колоннами». Однако это не понравилось районным руководителям, полагавшим, что инициатива должна идти снизу. В общем, сразу же наметился конфликт: как праздновать, кому дирижировать невиданным спектаклем (с. 35–36). С другой стороны, кто должен опреде-

¹² Жизнь искусства. Ежедневная газета. 1918. № 31. 7 декабря. С. 2.

¹³ Гущин А.С. Изо-искусство в массовых празднествах и демонстрациях. М., 1930. С. 13.

¹⁴ Искусство коммуны. 1918. 22 декабря.

¹⁵ Полонский В. Русский революционный плакат. М., 1925. С. 113.

¹⁶ Шамиур В.В. Празднества революции. Организация и оформление советских массовых торжеств в Белоруссии. Минск, 1989. С. 26.

¹⁷ Луначарский А.В. Ленин (Очерки). М., 1924. С. 45.

лять революционную эстетику: профессиональные художники или массы? Этот вопрос обострился к концу десятилетия¹⁸. Так было и в революционной Франции. В том и другом случае решения не находилось и в силу несовпадения языка культур элит и низов. При этом за три года во Франции «разрыв между праздничными образами и действительностью стал куда глубже»¹⁹.

Вторая глава – «“Один сплошной энтузиазм...”: праздник и эмоции» – посвящена «мобилизации чувств». Предполагалось, что «дни годовщины должны явиться повторением переживаний Октябрьской революции», при этом празднества не должны носить официального характера (с. 55). Между тем уже в 1918 г., отмечает автор, «проявление спонтанных инициатив» стало ограничиваться сверху (с. 64). Так, в Петрограде, где «основным локусом» для демонстрантов должен был стать Смольный, а главным событием – открытие памятника К. Марксу, смысл события определился шествием, в котором большую роль сыграли красноармейцы, марширующие через буржуазные кварталы столицы (с. 66–67).

Трудно сказать, насколько оптимистично были настроены толпы. Немецкому журналисту показалось, что Москва «шумно и весело» праздновала годовщину революции. «Футуристические аллегории висят среди колоннад», – отмечал он. В этот день «бракосочетания идеи и

хаоса» массы идут в строгом порядке, а среди колонн движутся «комические фигуры, одетые в настоящие генеральские мундиры, в зеленые шитые золотом фраки дипломатов и белые брюки»²⁰.

Ещё одной особенностью празднования первой годовщины Октября стало участие детей (с. 68–68). Как известно, французские революционеры отнюдь не надеялись, что праздник способен подчинить себе человека целиком, как школа – ребенка (отсюда отсутствие на праздниках организованных детей). В отличие от людей эпохи Просвещения, большевики не признавали автономии человеческой мысли. Зато они – в соответствии с патернистской традицией – верили в особое пропагандистское значение раздачи пайков по случаю праздника (с. 72–75).

Сакральный смысл революции, как известно, скрепляется кровью ее героических жертв. Устроители празднования первой годовщины Октября, однако, склонны были отказаться от повторения мартовских похорон 1917 г. Теперь Марсово поле стало центром празднества, связываемое с победами в Гражданской войне (с. 89). В дальнейшем сакрализация жертв развернулась по линии славословий в адрес погибших большевистских руководителей.

Важнейшее место в утверждении главного большевистского празднества, как показывает автор в третьей

¹⁸ См.: Гуцин А.С. Самодеятельное изобразительное искусство. М.; Л., 1931.

¹⁹ Озуф М. Революционный праздник. С. 117.

²⁰ Глазами иностранцев. 1917–1932. М., 1932. С. 48, 50.

главе, занимал «перенос сакральности», связанный с попыткой привнесения в традиционные знаковые события «революционно-обновляющего» содержания. Определяющую роль в этом сыграл образ «Красной Пасхи». Здесь особо постарались пролетарские и крестьянские поэты. Начиная с марта 1917 г., их риторика в полном смысле слова кишила «революционизированными» религиозными символами²¹.

Французские революционеры унаследовали от прошлых празднеств внешнюю форму: связь религиозной церемонии с революционными торжествами оказалась устойчивой²². В России созвучие старой и новой сакральности было заметнее. Так, корреспондент провинциальных «Известий» призывал «ревностно» подготовиться к «смотру наших сил», «употребляя церковный оборот, постом и молитвою». Стороннику Октября предлагалось уподобиться «воскресшему Христу» (с. 107). Глава петроградских большевиков Г.Е. Зиновьев предлагал прислушаться к словам одного крестьянина, чтобы отметить годовщину Октября как «Пасху рабочего класса и крестьян». Правда, нарком Луначарский внёс в подобные предложения поправку:бросить со «старых поэтических праздников поповские руки» и в дни «хмурого Октября» полюбить «социалистическое солнце» (с. 108, 109). В связи с этим в книге приводится ряд характерных метафор: «Пасха красная борьбы», «Пасха будущих времен», «Великая

Пасха человечества», «Пролетарская Пасха» и т. п. (с. 112–115). Сказывалась та же тенденция, что во Франции: чем дальше от идеологического центра, тем больше характерных импровизаций.

Многие авторы распаляли себя воспоминаниями о «немыслимых страданиях». Отсюда образы «тернового венца», «крестного пути», «Красной Голгофы». Встречались гротескно-оксюморонные метафоры: «всемирный праздник – торжество голгофы» (с. 116). Приверженцы революции словно погружались в семиотический бред. Показательно, что 7 ноября 1918 г. в ходе открытия мемориальной доски в честь «павших борцов Октября» хор Пролеткульта исполнил написанную С. Есениным, М. Герасимовым и С. Клычковым «Революционную канту», начинавшуюся словами: «Сойди с креста, народ распятый» (с. 117). Кое-где в провинции годовщину «пролетарской Пасхи» встречали колокольным звоном (с. 131). Антиклерикальный настрой порой сочетался с религиозными метафорами. К первой годовщине Октября, к примеру, писали: «Сегодня горит пламя Новейшего Завета. // Сегодня снисходит Дух Вечного Коммунизма. // Сегодня рождается Вера в Красного Бога» (с. 136).

Всему этому не приходится удивляться. В критических ситуациях и поэты, и ораторы невольно начинают говорить «библейским пражзы-

²¹ См.: Булдаков В.П. Поэтические за- вихрения «Красной смуты», 1917–1920 // Историк и Художник. Сборник воспомина-ний и статей памяти профессора Сергея

Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 367–393.

²² Озуф М. Революционный праздник. С. 371.

ком». По-другому взывать к «светлому будущему» трудно, да и бесполезно.

Впрочем, что бы ни замышляли большевики, их неуемные футуристические сторонники тяготели к монументализации революции. К первой годовщине Октября Н. Альтман расположил гигантские слова «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» на Дворцовой площади (уже переименованной в площадь М. Урицкого) на фоне деревьев, задекорированных в громадные геометрические фигуры. Он полагал, что необходимо противопоставить прошлому архитектурному ансамблю в стиле ампир «новую красоту» искусства «победившего народа»²³. Впрочем, другие известные художники пытались передать ощущение революционного обновления с помощью привычной стилистики.

Четвёртую главу автор посвятил попыткам реактивации и переориентации революционного насилия. И в этом большевикам помогла традиционная балаганная культура. В прошлом главными врагами трудящихся представлялись царь, его генералы и полумифические «буржуи» с практически уничтоженными помешиками. Теперь к ним добавились окарикатуренные фигуры иностранных «капиталистов», буржуазных политиков и белых генералов. Так складывался в образ «вселенской нечисти». Идея мировой революции незаметно приобретала автаркистское и ксенофобское звучание.

²³ Альтман Н. Воспоминания // Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. Советское декоративное искусство. М., 1984. С. 65.

Одновременно праздник подпитывался идеей тотального террора. «Маркс всегда был террористом в том смысле слова, как является сейчас Совет народных комиссаров во главе с Лениным», – напоминал Г.Е. Зиновьев в 1918 г. (с. 147). Аналогичную мысль высказал В.И. Ленин, явно неслучайно посетив 7 ноября 1918 г. праздничный митинг-концерт в клубе ВЧК, здание которого было украшено лозунгами: «Война и смерть классовым врагам пролетариата, мир всему миру пролетарской семьи», «Пролетариат – могильщик буржуазии» (с. 149–151). В этом не было ничего исторически нового: террор был составной частью идеологии Французской революции²⁴. Но в России жертвенный «пролетариат» уже давно превратился в позитивный собирательный образ. Примечательно, что художник Г.В. Федоров в 1918 г. предложил для оформления октябрьской Москвы панно «Степан Разин созывает бедноту»²⁵. 1 мая 1919 г. в Москве на Красной площади был открыт временный памятник Степану Разину работы С. Коненкова, на его открытии выступал Ленин. Пользовалась популярностью поэма В. Каменского «Сердце народное – Стенька Разин, которая позднее была переработана в пьесу. Через год в «Мистерии освобожденного труда» в Петрограде к бунту «рабов» к римским гладиаторам также присоединялись «восставшие крестьяне Стеньки Разина». Наконец, в честь третьей годовщины Октябрьской революции в Большом

²⁴ Фюре Ф. Постижение Французской Революции. СПб., 1998. С. 71.

²⁵ Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. М., 1984. № 143.

зале консерватории прозвучали хоровые произведения Ю.Д. Энгеля «Стенька Разин» и «Песнь о Стеньке»²⁶. Так, используя образ «благородного разбойника», превращенного в революционера, нарождался дух тотальной гражданской войны.

Разумеется, «красный террор» представлялся «ответным». Во Франции прославление былого мученичества также выступало призывом к действию: гражданам, вооруженным вилами и палками, предлагалось изображать «Революцию, влекущую тиранов на казнь»²⁷. В России в связи с убийством М. Урицкого весыегонские чекисты поместили на своём здании его портрет с надписью: «Они убили личность. Мы убьем классы». Соответственно, идея мировой революции связывалась с террором против «империалистических противников революции» (с. 152). Не удивительно, что идейные антагонисты большевиков сравнивали их насилие с «языческими жертвоприношениями», приуроченными к годовщине Октября (с. 157).

Практика символической казни своих противников стара, как мир. Царские регалии неслучайно сжигались в марте 1917 г. Теперь инициатором публичных сожжений фигур В. Вильсона, Д. Ллойд-Джорджа, Ж. Клемансо и японского микао выступил 23 октября 1918 г. Л.Д. Троцкий. Позднее он пополнил список российскими и германо-австрийскими контрреволюционерами. Ак-

циям красного аутодафе предписывался «народный плебейский характер» (с. 158). В Москве сжигаемые фигуры должны были «олицетворять собой Старый Стой во всех его проявлениях». Примечательно, что тут же всплыл вопрос: кто определит кандидатов на сожжение – власти или низы? (с. 159–160). В результате здесь, помимо «буржуев» и «империалистов», сожгли фигуры кулака и самогонщика (с. 162). Народ веселился, словно на масленицу, – революция порой обретала статус природного торжества.

Каков был результат, если известно, что семиотически перегруженное социальное пространство теряет экзистенциальные ориентиры? Могли ли люди твёрдо поверить в обещанный социализм? На такие вопросы ещё предстоит найти ответ.

Заключительная глава книги Годунова посвящена утверждению персональных культов. Вряд ли стоило привязывать этот вопрос к годовщинам революции: в последних больше места уделялось «врагам», чем «героям», время устойчивых культов ещё не пришло. Как признаёт автор, нет данных, свидетельствующих о целенаправленно создаваемых культурах вождей в ходе празднования Октября (с. 184); даже в 1920 г. в ходе грандиозной постановки «Взятие Зимнего» (отсюда представление о знаковом событии революции) образ Ленина «не обрёл ещё индивидуальных черт и был собирательным» (с. 189). Ленин воспринимался не как конкретная, а

²⁶ Антропология революции: Сборник статей по материалам XVI Банных чтений журнала «Новое литературное обозрение»

(Москва, 27–29 марта 2008 года. М., 2009. С. 409–410).

²⁷ Озүф М. Революционный праздник. С. 108, 126.

символическая величина: неслучайно Л. Лисицкий в 1920 г. предлагал для вождя революции проекты совершенно немыслимых по высоте трибун²⁸. Революционная стихия оставалась пока деперсонализованной (хотя не анонимной), а базовая символика переворота пока не сложилась.

Все октябрьские коммеморации сопровождались воинственными заклинаниями. «Грядёт мировая пролетарская революция. Родился новый Коммунистический Интернационал, который скоро станет всемирным Интернационалом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», – уверял Г.Е. Зиновьев в 1919 г. Через год он сбавил тон: «Международная пролетарская революция развивается далеко не так быстро, как бы мы этого хотели», однако заверил, что «Коммунистический Интернационал исполнит свою историческую миссию!»²⁹. То, что большевики продолжали надеяться на мировую революцию (что вызывало недоумение западных социалистов³⁰ и российских либералов³¹), несколько расслабляло их пропаганду. Неслучайно А.В. Луначарский отмечал, что французы создавали «народные празднества, в которых, как выражался Робеспьер, народ даёт спектакль самому себе», и сетовал, что «мы не умеем так организовать... торжества, хотя у нас самая масса больше организована, чем тогда»³².

²⁸ Агитационно-массовое искусство. Оформление празднеств. № 184, 185.

²⁹ Зиновьев Г. Сборник октябрьских реций и статей. 1917–1924 гг. Л., 1926. С. 52, 71, 74.

³⁰ См.: Уэльс Г.Д. Россия во мгле. [Харьков], 1922. С. 38–39.

Мобилизовывать массы на «классовое» насилие все же проще, чем суметь придать ему действительно обновляющий смысл.

Сопоставление французских и российских революционных празднеств помогло бы по-новому взглянуть на реальное культурно-антропологическое содержание выдающихся социальных переворотов. Французская историография оставила три ключевых вопроса: проявляется ли в праздниках всенародное единство? Поддаются ли праздники политической интерпретации? Какова роль насилия в революционных праздниках?³³ Во Франции праздники стимулировали создание нации (в том числе и с помощью насилия), в России октябрьские торжества, разжигавшие «классовый антагонизм», внедряли ксенофобское мировосприятие в умы «освобождённых» низов. Большевики, в отличие от французских революционеров, старались не столько уничтожить тающую праздничную культуру, сколько использовать её в своих собственных целях. При этом в России революция получала упрощённую идеино-политическую интерпретацию, чему способствовала «карнавально-балаганная» эстетизация насилия.

В 1918–1920 гг. большевики скорее примерялись к дореволюционной политической культуре, нежели

³¹ Аничкова С.И. Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 228.

³² Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. С. 100.

³³ Озүф М. Революционный праздник. С. 49–50.

пытались взломать её привычное содержание. Впрочем, более убедительный результат развернувшегося процесса можно было бы выявить, продолжив рассмотрение октябрьских (и прочих) праздников в последующие годы и сопоставив их с результатами аналогичной работы

французских революционеров. Таков естественный путь выявления реального культурно-антропологического содержания российской революции. В связи с этим К.В. Годунова можно приветствовать в качестве инициатора будущих исследований в этом направлении

Список литературы:

1. Гущин А.С. Изо-искусство в массовых празднествах и демонстрациях. М.: АХР, 1930. – 77 с.
2. Гущин А.С. Самодеяльное изо-искусство. М.; Л.: Гос. изд-во изобразительных искусств, 1931. – 262 с.
3. Озуф М. Революционный праздник, 1789–1799. М.: Языки русской культуры, 2003. – 416 с.
4. Полонский В. Русский революционный плакат. М.: Государственное издательство, 1925. – 192 с.
5. Фюре Ф. Постижение Французской Революции. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 224 с.
6. Шамиур В.В. Празднства революции. Организация и оформление советских массовых торжеств в Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1989. – 159 с.
7. Уэльс Г.Д. Россия во мгле. [Харьков:] Государственное издательство Украины, 1922. – 82 с.
8. Shlapentokh D. The Counter-Revolution in Revolution. Images of Thermidor and Napoleon at the Time of Russian Revolution and Civil War. London: Macmillan, 1999 – 183 p.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19); e-mail: kuroneko@mail.ru

The Holiday for all the Oppressed? About the book by K.V. Godunov «“Red Easter”: Celebration of the Anniversary of October and the Political Culture of the Civil War» (St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2023. – 256 p.)

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Turning to K.V. Godunov's work, dedicated to the Bolshevik revolutionary holidays in Civil War time, the author of the article draws parallels between the ways of ideological self-affirmation of the French (1789) and Russian (1917) revolutions. It is shown that in Russia, unlike France, the Bolsheviks tried not so much to destroy the old festive culture as to use it for their own purposes. At the same time, the course and outcome of the revolution in Russia began to acquire a simplified ideological and political interpretation not only due to the primitivization and vulgarization of Marxism, but also as a result of the traditional "carnival farce" aestheticization of revolutionary violence. In this regard, Godunov's work can be welcomed as a trigger for future systematic work to identify the real cultural and anthropological content of the Bolshevik revolution.

Keywords: *Russia, revolution, Civil war, revolutionary holidays, Bolshevik propaganda, traditional consciousness, Biblical symbols.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References:

- Gushchin A.S., *Izo-iskusstvo v massovyh prazdnestvah i demonstraciyah*, M., AHR, 1930. – 77 s.
- Gushchin A.S., *Samodeyatel'noe izo-iskusstvo*, M., L., Gos. izd-vo izobrazitel'nyh iskusstv, 1931. – 262 s.
- Ozuf M., *Revolucionnyj prazdnik, 1789–1799*, M., Yazyki russkoj kul'tury, 2003. – 416 s.
- Polonskij V., *Russkij revolyucionnyj plakat*, M., Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. – 192 s.
- Fyure F., *Postizhenie Francuzskoj Revolyucii*, SPb., INAPRESS, 1998. – 224 s.
- Shamshur V.V., *Prazdnestva revolyucii. Organizaciya i oformlenie sovetskih massovyh torzhеств v Belorussii*, Minsk, Nauka i tekhnika, 1989. – 159 s.
- Uel's G.D., *Rossiya vo mgle*, [Har'kov], Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy, 1922. – 82 s.

Статья поступила в редакцию 17.12.2024 г.

Подписана в печать 16.05.2025 г.

**Вестник
Тверского государ-
ственного
университета
Серия: История**

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Адрес редакции: 170001, Россия, Тверь,
ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34–16–85.

E-mail: history.decanat@tversu.ru

Журнал «Вестник Тверского университета. Серия История» является научно-теоретическим журналом, представляющим широкий спектр проблем всеобщей и отечественной истории, историографии, источниковедения, археологии, вспомогательных исторических дисциплин. Выходит с 2007 г. по 4 номера в год. Журнал учреждён Тверским государственным университетом и является подписным периодическим научным изданием. Публикуются статьи, подготовленные преподавателями и сотрудниками исторического Тверского государственного университета, а также учёными из других научных и образовательных учреждений России, ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы несут персональную ответственность за содержание статей, представленных к публикации.

Журнал зарегистрирован в Международном центре ISSN в Париже (1998-5037), что обеспечивает информацию о нём в соответствующих международных реферативных изданиях.

Требования к оформлению, содержанию и доставке текстов в редакцию

К публикации принимаются статьи кандидатов и докторов наук объёмом 1 п. л. (40 тыс. зн. с пробелами), статьи докторантов, аспирантов и соискателей объёмом 0,5 п. л. с аннотациями 800 знаков; **сообщения** (краткая информация о научной проблеме, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; **рецензии** (0,3 п. л.) с аннотациями до 400 знаков.

В статье допускаются ссылки на авторефераты диссертационных работ.

Статьи и сообщения высылаются по почте заказным письмом главному редактору (Леонтьевой Татьяне Геннадьевне) или ответственному секретарю журнала (Богданову Сергею Владимировичу) по адресу: 170021, Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, каб. 201, доставляются лично автором по указанному адресу или высылаются по электронной почте.

Вместе с распечатанным вариантом (межстрочный интервал – полуторный, шрифт – Times New Roman СУГ, 14 кегль, сноски постраничные, нумерация сносок сквозная) представляется электронная версия на CD дисках. В отдельных файлах должны содержаться: статья, резюме, сведения об авторе (авторах). Сведения об авторах статьи включают: фамилию, имя и отчество полностью, учёное звание, степень, должность, место работы (полное название), почтовый адрес места работы с индексом города и указанием страны, номера контактных телефонов (с кодом города) и адрес электронной почты. **Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.**

Рукопись статьи должна представлять собой готовый оригинал-макет на одной стороне чистой белой бумаги формата А4. Рукопись статьи сопровождают: фамилия, имя, отчество автора, указанные полностью, название статьи; **аннотация** (800 зн.), содержащая постановку проблемы, историографию, краткий анализ источников и основной вывод статьи; **ключевые**

слова (до 10 слов или словосочетаний) на **русском и английском языках**. Английский вариант должен быть идентичен русскому.

Статья должна сопровождаться списком **цитированной литературы** на русском языке и в транслитерации.

Требования к оформлению приложений к тексту статьи

1. Фамилии авторов

Фамилии авторов статей представляются в одной из принятых международных систем транслитерации для авторов.

Чтобы избежать дублирования профилей в БД авторам важно:

придерживаться одной системы транслитерации для всех своих публикаций;

придерживаться указания одного места работы, так как данные о принадлежности к организации (аффилиации) являются одним из основных определяющих признаков для идентификации автора. Отсутствие данных об аффилиации ведёт к потере статей в профиле автора, а указание на различные места работы ведёт к созданию дублей профилей.

2. Название организации и ведомства

Название организации используется для идентификации авторов, для создания их профилей и профилей организаций. Данные о публикациях авторов, связанных с конкретными организациями, используются для получения полной информации о научной деятельности организаций (и в целом страны). Во избежание создания дублирующих профилей организации в статьях необходимо **употреблять официальное (общепринятое) без сокращений названия организации на английском языке**, что позволит более точно идентифицировать принадлежность авторов и предотвратит потери статей в системе анализа. Узнать правильное англоязычное название вузов и многих других организаций можно на их официальном сайте. Исключение составляют не переводимые на английский язык наименования фирм, которые даются в транслитерированном варианте.

Использование перед основным названием дополнительных данных («Учреждение Российской академии наук...»,

«ФГБОУ ВО» и т. п.) является лишним – это только затрудняет идентификацию организации.

3. Заглавие статей на английском языке

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитераций с русского языка, кроме непереводимых названий собственных имен и др. объектов, имеющих собственные названия; также не используется непереводимый сленг, известный только русскоговорящим специалистам. Это также касается авторских резюме (аннотаций) и ключевых слов.

4. Авторские резюме (аннотации) на английском языке

Авторское резюме призвано выполнять функцию независимого от статьи источника информации, должно излагать существенные факты работы, и не должно преувеличивать или содержать материал, который отсутствует в основной части публикации.

Аннотации должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- «англоязычными» (написаны качественным английским языком);
- компактными (укладываться в объем 800 зн.).

Аннотации должны быть написаны качественным английским языком. Текст должен быть связным с использованием слов «следовательно», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «forexample», «the benefitsofthisstudy», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т.е. «The study tested», но не «It wastestedinthisstudy» (частая ошибка российских аннотаций).

Предпочтительным вариантом аннотации является краткое повторение в ней структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

В качестве помощи для написания англоязычных аннотаций (рефератов) можно рекомендовать обратиться к российскому ГОСТу 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования», который был разработан, в основном, для информационных изданий и к «Рекомендациям к написанию аннотаций для англоязычных статей, подаваемых в журналы издательства Emerald» (Великобритания): (<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm>).

5. Пристатейные списки литературы

Список литературы приводится отдельным блоком («References»), русскоязычные ссылки даются в транслитерированном виде, иностранные источники приводятся без изменений. Если список литературы состоит только из англоязычных источников, то блок References может отсутствовать.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет учтена при оценке научной деятельности её авторов, а также организации, региона, страны. В транслитерированных ссылках **недопустимо использовать** разделительные знаки российских ГОСТов (//, – и т. п.).

Наиболее значимыми составляющими в библиографических ссылках являются **фамилии авторов, названия журналов, книг, конференций, выходные данные (включая название издательства для монографий и № страниц для статей, опубликованных в журналах или сборниках)**. В ссылках на **сборник статей указывается фамилия составителя или научного редактора**. При транслитерации в описание ссылки необходимо **вносить всех авторов**.

Другие требования к предоставляемым материалам

К предлагаемым для публикации в «Вестнике ТвГУ» статьям прилагается рецензия научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа (подпись заверена, печать) или внешнего оппонента-специалиста. Отзыв заверяется в организации, где работает рецензент. В рецензии раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика, отмечается научная и практическая значимость статьи, указывается на соответствие её оформления требованиям «Вестника ТвГУ».

Основные разделы статьи: введение, содержащее историографию и источниковедческий анализ проблемы, основная часть, заключение (выводы), в котором указаны новые результаты и их теоретическое или практическое значение; список литературы.

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи.

Постстраничные сноски должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятymi в журнале «Вестник ТвГУ. Сер.: История»: в сноске указываются выходные данные, достаточные для библиографического поиска, при этом должны быть соблюдены правила библиографических сокращений (сб. ст., Мат. конф., дисс. ... канд. ист. наук и т. д.), фамилии и инициалы авторов выделяются курсивом, ссылка на архивные фонды первично оформляется с полным названием архивного учреждения, затем даётся только аббревиатура. **В постраничные сноски не помещаются примечания к тексту статьи!** При их наличии они могут быть размещены после текста статьи, редколлегия оставляет за собой право удалить примечания.

Иллюстрации

Рисунки выполняются в графическом редакторе и предоставляются в редакцию отдельным файлом. Рисунки к статье должны иметь расширение *.jpg и чёткую легенду.

За оформление имеющихся в статье графических материалов (графики, диаграммы) ответственность несёт автор. При вёрстке журнала они не редактируются.

Порядок рецензирования рукописей

Поступившей в редакцию рукописи присваивается регистрационный номер, о чём редакция информирует авторов по электронной почте. Рукописи, оформленные с нарушением правил для авторов, не рассматриваются. **Представление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.**

По получении статьи от автора редакция направляет её на рецензирование двум рецензентам, которые выносят заключение о возможности публикации. На основании экспертного заключения редколлегия принимает текст к изданию, либо направляет на доработку. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации.

Редакция не берёт на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала. Корректура автору не предоставляется. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования.

Если статья отклонена, то автору сообщается мотивированное заключение рецензента. После переработки автором материалы рассматривает главный редактор и принимает решение о публикации.

Оплата за публикацию рукописей аспирантов не взимается.

Полнотекстовые сетевые версии выпусков научного журнала «Вестник Тверского университета. Серия История» можно найти в свободном доступе в Научной Электронной Библиотеке ТвГУ (<http://eprints.tversu.ru>) и на сайте журнала «Вестник Тверского государственного университета. Серия: История»: <http://vestnik.tversu.ru/history>

Формат цитирования статей из журнала

В целях обеспечения корректного представления информации о статьях в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ) редакционная коллегия рекомендует следующее оформление ссылок на статьи, опубликованные в серии «История» журнала «Вестник ТвГУ»:

Автор Название статьи // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Год. № 1. С. [страницы].

Пример:

Булдаков В. П. Постреволюционная Россия: идеология и управление // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 49.

в транслитерации:

Buldakov V. P., *Postrevolyutsionnaya Rossiya: ideologiya i upravlenie*, Vestnik TvGU, Seriya «Istoriya», 2015, № 3, S. 49.

Контактные данные ответственных за выпуск

170100, г. Тверь, ул. Трёхсвятская, д. 16/31, к. 201.
Телефон/факс: 8 (4822) 34-16-85.
Главный редактор – Татьяна Геннадьевна Леонтьева 8 (4822) 34-16-85.
Ответственный секретарь – Сергей Владимирович Богданов
Bogdanov.SV@tversu.ru)
E-mail:history.decanat@tversu.ru
URL: <https://journal.tversu.ru/index.php/history>

Вестник Тверского государственного университета.

Серия: «История». № 1 (73). 2025

**Подписной индекс: 85716 (подписной интернет-каталог
«Пресса России»)**

Подписано в печать 23.05.2025. Выход в свет 27.05.2025.

Формат 70x108¹/16. Бумага типографская № 1.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,1.

Тираж 500 экз. Заказ № 104.

Издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Тверской государственный университет».

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Отпечатано в издательстве Тверского государственного университета.

Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, Студенческий пер., д. 12, корпус Б.

Тел. издательства: 8 (4822) 35-60-63.

Цена свободная.